



МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:

БОРЬБА СТАРОГО И НОВОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ

Нижний Новгород
2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Министерство образования, науки и молодежной политики Нижегородской области

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ: БОРЬБА СТАРОГО И НОВОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ

Сборник статей
по материалам XVI Международной научной конференции
19 марта 2021 г.

Нижегород
ННГАСУ
2021

ББК 151.1 + 87.3
М64
УДК 140.8

Материалы публикуются в авторской редакции

Мировоззренческая парадигма в философии: Борьба старого и нового в современном мире социальной материи: [Электронный ресурс]: Сборник статей по материалам XVI Международной научной конференции (19 марта 2021 г.). / Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т; редкол.: М. М. Прохоров (отв. редактор), А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2021. – 151с. 1 электрон. опт. диск (CD-RW).
ISBN 978-5-528-00455-6

Философская теория о любых проявлениях материи должна покоиться на адекватном отражении общих свойств движения – материальности (объективности), абсолютности, относительности и противоречивости, ибо мир находится в постоянном движении и развитии. Хотя развитию придают устойчивый характер движения от старого к новому, в отдельные периоды развитие социальной материи становится неустойчивым, обостряется борьба между старым и новым. Сторонники нового утверждают, что человечество развивается «неправильно», мы оказываемся не в том будущем, которого ожидали. Борьба нового со старым приобретает характер острого противоречия между онтологической неодолимостью нового и субъективно-практическими установками социальных субъектов, реализующих различные тренды, включая ведущие к новым формам старого.

Целью конференции является исследование философских оснований, причин, форм, иных факторов борьбы старого и нового в современном мире, что гарантирует актуальность конференции и ее ориентацию на научный и философско-мировоззренческий подход.

ББК 151.1 + 87.3

Редакционная коллегия:

М. М. Прохоров (отв. редактор),
А. Ф. Кудряшев (зам. отв. ред.), А. Н. Фатенков (зам. отв. ред.),
В. С. Лапшина

Рецензент – д. филос. наук, профессор М. М. Прохоров

ISBN 978-5-528-00455-6

© ННГАСУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

- Прохоров М.М.* БОРЬБА НОВОГО И СТАРОГО КАК МАГИСТРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ФИЛОСОФИИ И МИРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ 6
- Фатенков А.Н.* УПОВАТЬ НА НОВЫЙ МЕТОД, ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ СТАРЫМ ИЛИ ПОКОНЧИТЬ СО ВСЯКОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ МУШТРОЙ? 23
- Кудряшев А.Ф., Елхова О.И.* ПРОБЛЕМА НОВИЗНЫ В ФИЛОСОФСКОЙ ОНТОЛОГИИ 27
- Петров В.П.* О ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ 31

Раздел II

Круглый стол: ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

- АБРАКОВА Т.А.* ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 50–80-Х ГОДОВ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ 39
- БАБОШИНА Е.Б.* К НОРМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАК СТАНОВЯЩЕМУСЯ В ПОЗИЦИИ СМЫСЛА 43
- БЕЛОУС Т.И.* К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОРА 48
- БЕРЕНДЕЕВ В.А.* СУЩНОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДУХОВНОГО КРИЗИСА НА ЗАПАДЕ В ПОНИМАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО «МОДЕРНА» (НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЭРНСТА ЮНГЕРА) 51
- ВАРАКИН С. А.* ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 54

ГОРДИН А.А., КОЧЕТКОВ И.И., ГОРДИНА Е.Д. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ	57
ДИМИТРИЧЕВА О.И. ЛИЧНОСТЬ И ПАНДЕМИЯ	62
ДУПЛИНСКАЯ Ю.М. ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ПРОГРЕСС ИЛИ ДИВЕРГЕНЦИЯ?	65
ЕРМОЛОВИЧ Д.В. ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В БИЗНЕС-ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ «ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ» КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ)	69
ЕФИМОВА С.Г. К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	72
ЗАЛАДИНА М.В. НЕКОТОРЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	75
ЗЕЛЕНОВ Л.А., ВЛАДИМИРОВ А.А. ФОРМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ	78
ЗИНИНА С.М. АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ	80
ЗУБКЕВИЧ Л.А. ФИЛОСОФИЯ КОНЦА XIX-XX ВЕКОВ НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ	83
КАРИМОВ А.Р. РАСШИРЕННОЕ ПОЗНАНИЕ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ	87
КОПТЕЛОВА Т. И. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НОВИЗНА В ПАРАДИГМЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	91
ЛАПШИНА В.С. УРБАНИЗМ В ОПТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	94
ПЕТЕВ Н.И. ФЕТИШ И УСРЕДНЁННОСТЬ НОВИЗНЫ	99
ПИЛЯК С.А. ДВОЙНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	102
ХОЗЕРОВА Т.П. ЦИКЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИИ КАК ДВИЖУЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ	106

ЧЕБОТАРЕВА С.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К НОВОВВЕДЕНИЯМ И ИННОВАЦИЯМ	109
ЧУМАКОВ В.А. ПРЕДЛАГАЕМЫЕ НОВАЦИИ И ОФИЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	112
ШАМИН И.В. ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА НА ЗАПАДЕ В ХХІ в.	116
ШИРШИН Г.А. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ НАУЧНОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ	121
Раздел III	
Первые опыты философствования: ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ	
ГИМКАЕВА А.Д. РАЗРУШИТЕЛЬНО-СОЗИДАТЕЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СМЕРТИ	126
КОЗЛОВА В.Р., ПЕРШИН Н.И. КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОПЫТ ПАНДЕМИИ	129
КОЛЕСНИКОВ Е.В. «MEMORY STUDIES»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	132
РЫБАКОВ А.А. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР В 1920Е-1930Е ГОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ	136
ТАРАСОВА А.А., МЕЛЬНИКОВА Е.О. ИЗМЕНЕНИЕ СМЫСЛОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА	139
ШЕШМЕНЁВА М.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ	143
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	146

Раздел I
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРОХОРОВ М.М.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

**БОРЬБА НОВОГО И СТАРОГО КАК МАГИСТРАЛЬНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
ФИЛОСОФИИ И МИРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ**

§1. Введение

Борьба нового и старого является фундаментальной проблемой философского мировоззрения. Она связана с революционным переворотом, основой которого является *составляющее эпоху открытие марксистской философии*. Выделим его основные моменты. Во-первых, объединение материализма и диалектики, теоретическое обоснование *взаимобусловленности материи и движения*, с позиций которой рассматривается вся действительность и всякая ее «часть» [22, с. 5]. Во-вторых, объективная диалектика предполагает субъективную диалектику, гносеологию, вместе они образуют онтогносеологию [13], которая возникает на базе постановки и решения основного вопроса философии [17, с. 92-111]. Третий момент – выход марксизма на позиции концепции коэволюции, позволившей преодолеть односторонние концепции созерцательности и активизма [16; 19; 20]. В средневековой Европе возникло чрезмерное противопоставление, дуализм между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, получив «наивысшее развитие в христианстве». Указывая на это Ф. Энгельс одновременно писал о все большем осознании людьми «своего единства с природой», подчеркивая вклад в него тогдашнего естествознания и возражая против идеи господства человека над природой, представляющего наподобие бога, «как кто-либо находящийся вне природы» [28, с. 495-496]. Материальный мир, обладая способностью созидать новое и развиваться от простого ко все более сложному, порождает *homo sapiens*, через деятельность которого пролонгируется бытие и нарастает их последующее совместное, коэволюционное развитие. В-четвертых, находясь внутри природы, мы должны научиться регулировать ее процессы. Правда, для этого мало простого познания, нужен переворот в практике, способе нашего производства, чтобы освободить историю от слепой игры неконтролируемых сил. Это предполагает превращение философского мировоззрения в «практическую теорию» [8, с. 307] по преобразованию социальной материи, которая сталкивается с противоречащей тенденцией сопротивления такому преобразованию. Возникает борьба «старого», капиталистического общества, в

основном преодолевшего феодализм, но чреватого *окончанием* истории, и «нового», социалистического общества, открывающего новые пути практического развития общества [7, с. 40-48]. Теоретическим фундаментом столкновения становится борьба материализма с примыкающим к религиозному мировоззрению идеализмом, диалектики с метафизикой.

В начале XX века В.И. Ленин показал, что объединению материализма с диалектикой противостоит соединение идеализма с метафизическими концепциями. Он подверг критике махистский принцип «экономии мышления» как теоретическое выражение «старого» философского положения, которое вводит «толкование природы, как *нематериального* (духовного, мысленного, психического) движения», руководствуясь логикой, что раз «исчез вчерашний предел нашего знания бесконечно малых частиц материи, следовательно, заключает идеалистический философ, – исчезла материя (а мысль осталась) ... давайте *мыслить движение без материи...*» [6, с. 300]. Но «оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы... оторвать мои ощущения от внешнего мира, т.е. перейти на сторону идеализма» [6, с. 283]. Характерно, что ленинская полемика была обращена к *научному* познанию, в котором *впервые* возник физический идеализм в альянсе с метафизикой релятивизма [6, с. 327].

§2. Выражение борьбы старого и нового в сфере философской теории

Борьба старого и нового в сфере философской теории в нашей стране привела к пересмотру сути марксистской философии. Например, А.Г. Спиркин в 1960-80-е годы раскрывал исторические и теоретические условия возникновения марксистской философии, произведенные ею революционные изменения в мировой философии, творческую открытость к новому и развитие ее В.И. Лениным [24, с. 75-81], руководствуясь принципом объективности, основываясь на анализе публикаций. Позднее он «рассыпал», «растворил» ее в мировой философии, противопоставляя одну другой, выходя к раскрытию «основ социальной философии», «экономической философии» и других ее разделов. Он вводит право на рассмотрение философских проблем с отличных от марксистских позиций, как выражающих «свободу творчества», оказавшуюся в противоречии с объективностью и с ее назначением быть орудием освобождения трудящихся от эксплуатации, созидания коммунистического общества на основе науки с ориентацией на максимально достоверное знание. Как известно, марксистская философия сыграла важнейшую роль в практике построения и развития социалистического общества. В 1988 году А.Г. Спиркин писал, что советский народ совершил прорыв за пределы капиталистического общества, учредив власть организованных в Советы трудящихся рабочих и крестьян, построивших под руководством большевиков новое социалистическое общество. Социалистическим он называл общество, которым трудящиеся управляли сами, через созданные народом в процессе революции Советы; для этого массы людей прошли через культурную революцию, осваивали научные знания через систему образования.

В отличие от *позитивной* картины «составляющего эпоху» открытия принципиально нового пути развития общества после перестройки А.Г. Спиркин предлагает *одностороннее* изображение возникшего общества как череды негативных явлений. «Практика социализма» представляется ему отныне сомнительной, а идеи социализма перестали быть идеалами, которые он стремится обнаружить в абстракциях мировой философии. А.Г. Спиркин утверждает, что «Ленин, а потом уже и Сталин создали тоталитарное государство... Ленин, а потом уже и Сталин создали по существу не диктатуру пролетариата, а диктатуру номенклатуры во главе с политбюро. И само политбюро, как и вся коммунистическая партия в целом, находились под железной пятой диктатора — Сталина, а для диктатора нет закона — он сам для себя закон» [25, с. 629-631]. Читателю внедряется мысль, что история творится «героями», а не народными массами, как утверждает марксистская концепция. Органы власти и при сталинизме, и при фашизме (в лице вездесущего НКВД—КГБ в СССР или гестапо в гитлеровской Германии) стремились держать под контролем всю жизнь народа, все помыслы и поступки людей, существенно понижая уровень образования, а средства «массовой дезинформации» утверждали: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». В таком тумане лжи, пишет А.Г. Спиркин, строился социализм со взором на сияющие высоты коммунизма. Вслед за И.А. Ильиным¹ он характеризует «коммунизм как противоестественный и противообщественный строй», стремится «обелить» общество с господством частной собственности [25, с. 619-634], игнорируя тот факт, что большинство населения не имело частной собственности, наделяя ее позитивными свойствами независимо от того, приходит ли капитализм на смену феодализму или противостоит уже социалистическому пути развития общества. Утверждает, что «все потуги

¹ Русский философ, писатель и публицист, теоретик Белого движения и последовательный критик коммунистической власти в России, идеолог Русского общевойскового союза (РОВС), убеждённый приверженец принципа непримиримости в борьбе с коммунизмом, сторонник правого крыла партии кадетов, в 1922 году выслан из России на «Философском пароходе», с 1933 года работал в берлинском «Русском научном институте» под руководством рейхсминистра пропаганды Геббельса, сочинитель пышного адреса Гитлеру. Ильин открыто называл себя и своих единомышленников «фашистами», а также распространял идею диктатора как «художника власти». Согласно Ильину, «Фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо». Гитлер «остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе» (став заслоном концентрации левым силам на пути к мировой социалистической революции - *М.П.*), и это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах: в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в древнем Риме, в новой Европе, так будет и впредь. Фашизм может и не создавать тоталитарного строя: он может удовлетвориться авторитарной диктатурой... Франко и Салазар поняли это и даже не называли своего режима «фашистским». Будем надеяться, пишет Ильин, что и русские патриоты продумают эти ошибки...

«построения» коммунизма осуществлялись и осуществляются (по-другому, видимо, это невозможно) только при помощи системы террора, т.е. насильственно, силой страха и крови. Всемогущество тоталитарного государства во главе с тираном возможно лишь там, где воля народа подавлена силой террора» [25, с. 632].

Рисуемая А.Г. Спиркиным обновленная картина выражает позицию носителей старого, буржуазного общества, прорвавшихся к власти в постсоветской России, не считавших законным созидание общества нового типа. Так, хотя в СССР была создана наиболее передовая система образования, позволившая осуществить культурную революцию, А.Г. Спиркин утверждает, что социалистическое общество существенно понижает уровень образования, хотя «понижение» характерно для постсоветской России.

В СССР на преподавание философии отводили 140 часов в институтах и академиях, 170 часов в университетах, в постсоветской России – 32-36 часов. Вот как понижение уровня образования оправдывал Г. Греф в 2012 г. на XIV Гайдаровском экономическом форуме в Петербурге. Обращаясь к его участникам Г. Греф заявляет, что ему будет страшно, если знания и, следовательно, власть окажется в руках народа, если его представители выступят субъектами истории: «Вы говорите страшные вещи. Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения. Как только простые люди поймут основу своего я, самоидентифицируются, управлять, т.е. манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело». Поэтому нужно не подпускать людей к знаниям, ограничивать их знания. Ведь люди не хотят быть манипулируемы тогда, когда «имеют знания». Уже в древности мыслители, размышлявшие с позиций богатых, придумывали соответствующие теории, «зашифровывали их, боясь донести до простого народа». Например, «как демократ» «начинал» Конфуций, но закончил он учением о разделении общества на страты. То же самое находит Греф в буддизме. В иудейской культуре, по его мнению, такую же «науку о жизни» выработала Каббала, но три тысячи лет она была секретным учением, «потому что люди понимали, что такое снять пелену с глаз миллионов, сделать их самодостаточными». «Как управлять ими?»: «Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции». Настоящий страх вызывает у него общество, где «все имеют равный доступ к информации». «Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют возможность судить напрямую, получать не препарированную информацию, не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ, которые *как бы* независимы, а на самом деле, мы понимаем, говорит Г. Греф, что все СМИ заняты сохранением страт?». Кстати, такой подход повторяет позицию Екатерины Второй.

Налицо открытое признание манипуляции сознанием людей. Об этом писал С. Кара-Мурза [2; 3], обнаруживая ее истоки в перестройке 1985-1991 годов, в итоге которой социализм был уничтожен. На словах ратуя за социализм, М.С. Горбачев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, перевел в ЦК КПСС А.Н.

Яковлева, сделав его ответственным за идеологию и идеологом перестройки. Если учитывать их *общую деятельность*, то можно утверждать, что М.С. Горбачев на деле, поскольку он не отказался от статуса коммуниста, предал идеалы социализма. А.Н. Яковлев же заявляет, что он коммунистом никогда не был, что он ориентировался, *изначально*, на уничтожение социализма. С этой целью он предложил довести *до абсурда* теорию и практику, выстраиваемую на марксистской основе, ибо, как он пишет, «любое деяние, доведенное до абсурда, неизменно становится фарсом» [29, с. 5-32]. И поясняет: после XX съезда в сверхузком кругу «группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционерам вообще... с четким подтекстом: преступник не Сталин, но и сама система преступна» [29, с. 13-14]. «На официальном партийном уровне в начале перестройки это упорно отрицалось, в том числе и мною (иначе и быть не могло), но в жизни восторжествовала именно эта политика реформизма». «Могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика... сработала». «Например, мои работы и выступления 1987–1988 годов, частично и 1989 года были густо напичканы цитатами из Маркса и особенно из Ленина... Можно ли было в те годы быть реформатором более радикальным? Нет, лобовой, таранный реформизм был бы немедленно остракизирован, изничтожен, изолирован в тюрьмах и лагерях» [29, с. 15-16].

Эта технология использовалась в годы перестройки и сохраняется до настоящего времени, будучи направлена против «системы» социализма. Пример: 4 мая 2020 года на канале ОТР по телевидению показывали кино «Они шли за Гитлером», верно указывая, что в Великой Отечественной войне воевала фашистская Германия вместе со многими странами, присоединившими к ней свои армии. Объясняя же почему они проиграли войну против СССР, комментатор заявил: «они думали, что будут воевать с большевиками, а им пришлось воевать с народом России», навязывая читателю мысль, что народ был против *системы* социализма, советской власти, значит, и марксистской философии. Если на Украине пропагандируется фашизм в виде УПА, бандеровцев, «правого сектора», то в России – «*антисоветский патриотизм*», *разъединяющий* народ с *системой* социализма, с марксистскими взглядами, с большевизмом, которые А.Н. Яковлев назвал «социальной болезнью XX века» [29].

§3. Борьба старого и нового в сфере социальной материи на уровне «практической теории»

Поскольку социальная материя есть часть действительности, постольку на нее распространяется *всеобщий* уровень онтологических оснований: «философская теория о любых проявлениях материи всегда должна покоиться на адекватном отражении общих свойств движения» [23, с. 5]: материальности

(объективности), абсолютности, относительности и противоречивости материального движения. На любое состояние материи следует смотреть как на состояние ее движения и всегда нужно ожидать ее изменения и перехода в иное состояние движения. Изменения порождаются противоречиями. *Противоречивость движения* выступает в форме единства устойчивости и изменчивости: любое изменение состояния сопровождается сохранением, устойчивостью, покоем основы данного изменения; без устойчивости объектов изменения невозможно само изменение, как таковое. Ведущей в изменении действительности выступает изменчивость, вторичной – устойчивость, покой. Это противоречие лежит в основе всех других противоречий, выражая общую природу всякого движения и развития. Оно связано с основным вопросом философии о первичности или вторичности материи по отношению к сознанию, которое является вторичным, производным, подчиненным по отношению к материи в целом [23, с. 5-11]. Мир социальной материи есть конкретное, подлежащее рассмотрению с точки зрения его имманентной границы и присущих ему противоречий, «толкающих» это «нечто» вперед за свои пределы или, напротив, сдерживающих его в данных границах, что находит отражение в борьбе старого и нового как главного противоречия современного мира.

Анализ капитализма К. Марксом в контексте основных моментов революционного переворота привел к установлению понятия *наиболее общего содержания современного мира* как перехода к коммунизму от капитализма, его прехождения и возникновения социализма, развивающегося далее на собственной основе в коммунизм [9, с. 771-773]. Этот процесс исследован в работе «Диалектика капитализма и социализма» М.В. Попова и И.К. Смирнова (Ленинград-Санкт-Петербург, 2015. 389 с.), хотя, следуя «Науке логики» Гегеля, начинающейся с абстрактных категорий бытия и ничто, характеризующих процесс *становления* без учета взаимообусловленности базисных для философии понятий материи и движения, эти авторы игнорируют уровень *всеобщих* онтологических оснований социальной философии. К. Маркс раскрыл *особенности* современного ему капитализма как капитализма свободной конкуренции, обнаружив закономерность равномерного развития подавляющего большинства входящих в него стран. На этом основании был сделан вывод, что переход к коммунизму произойдет одновременно в наиболее развитых странах на высшей ступени развития капитализма, когда его потенциал будет исчерпан. Исследовал он и уровень *единичного*, например, существование в России общинного крестьянства [10, с. 12-20].

Исследование капитализма В.И. Лениным («Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных штатов Европы») подтвердило вывод К. Маркса о наиболее общем содержании эпохи, но и раскрыло изменения в его природе на уровне *особенного*. Им был открыт закон *неравномерности* развития разных стран капитализма в эпоху империализма и сделан вывод, что социализм не может победить одновременно *во всех* странах, что первоначально он победит в одной или нескольких странах, а остальные

останутся буржуазными или добуржуазными. Таков был результат превращения «конкуренции» в «монополию» в экономике «нового капитализма».

С тех пор прошло целое столетие. При анализе борьбы нового и старого в современном мире, показал академик РАН С.Ю. Глазьев [1], нужен анализ происшедших изменений. Нынешняя эпоха аналогична эпохе «Великой депрессии». Произошла структурная перестройка мировой экономики, обусловленная сменой технологических и мирохозяйственных укладов. Смена началась с «перестройки» в СССР, завершившейся его крахом, распадом мировой системы социализма на фоне укрепления позиций Китая, Индии и США, где сформировались базисные «уклады». Их конкуренция и определит логику борьбы нового и старого. Многие страны формируют *конвергентные* модели, сочетая социалистическую идеологию и государственное планирование с рыночными механизмами и частным предпринимательством, но руководствуясь целями повышения производства материальных благ, демонстрируя развитие на фоне стагнации ведущих капиталистических стран во главе с США. С.Ю. Глазьев отмечает продвинутость уклада КНР, американоцентричный же миропорядок погружается в хаос, в контексте которого деградирует Россия. Достигнув пика могущества после распада СССР, США безнадежно проигрывают экономическое соревнование Китаю. Тот создал более эффективную систему *интегрального, смешанного* управления развитием экономики, сочетая государственное планирование и рыночную самоорганизацию, государственный контроль за движением денег и частное предпринимательство, интегрируя интересы всех социальных групп вокруг цели повышения общественного благосостояния. КНР демонстрирует рекордные темпы роста инвестиционной и инновационной активности, более тридцати лет лидируя по темпам экономического роста. Американская финансовая олигархия, со времен В.И. Ленина ориентируясь на максимизацию прибыли, уступает экономике китайских коммунистов, которые приспособили рыночные механизмы для повышения народного благосостояния.

Академик С.Ю. Глазьев был советником Президента РФ, но в последнее время лишен этого статуса, а его рекомендации отвергнуты руководством страны. Они неприемлемы для олигархата и властной вертикали, не признающих марксистской трактовки наиболее *общего содержания эпохи*, связанной с представлениями о классовой борьбе [7, с. 47]. Они требуют классовой «беспристрастности», выдаваемой за объективность. Они отказались от марксистской идеи диктатуры пролетариата в пользу «сотрудничества», возникшего в ходе второй мировой войны с фашизмом между лидерами стран антигитлеровской коалиции в виде объединения Рузвельта, Черчилля и Сталина в «большую тройку». Истеблишмент России рассматривает «сотрудничество» как то новое, что явилось главным приобретением человечества в XX столетии, придя на смену октябрьской революции 1917 года и найдя закрепление в Организации Объединенных наций, Совете безопасности с правом вето для каждой страны-участницы, перешедшего к России как «правопреемнице» СССР.

Об этом пишет В.В. Путин в статье, посвященной 75-летию Великой Победы [21], которая размещена на сайте Кремля, в "Российской газете", в зарубежных изданиях.

Это, считает автор статьи, позволяет отрицательно относиться к советскому, социалистическому содержанию в истории СССР, заменяя его идеей антисоветского патриотизма в целях объединения всего населения, ограничивающего себя мечтами: «только не было б войны!» и якобы демонстрирующих безразличие нашего населения ко всему социалистическому, советскому. В этом он видит суть утверждения демократии, обеспечивающей не *классовую*, а *компромиссную* (основанную не на диалектике, а на эклектике, идеализме и вульгарном материализме – *М.П.*) модель будущего развития страны с сохранением богатых олигархов и бедных трудящихся, призывая тех и других к национальному диалогу и сотрудничеству, и признавая такой раскол в обществе не аномальным, а нормальным историческим явлением, соответствующим нормам международного права, перенося их на внутреннее содержание политики в России. Он игнорирует референдум 1991 года, когда подавляющее большинство населения высказалось за сохранение СССР, социалистического, советского содержания, наполнения истории своей страны. Властная вертикаль времен М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина грубо проигнорировала эти чаяния граждан, автор статьи продолжает этот тренд.

Израильский политолог, политический и военный эксперт Яков Кедми (выходец из СССР Я.И. Казаков) выступил с анализом статьи на вечере у В. Соловьева 27.01.2020. С одной стороны, фактический материал, который автор использовал в своей статье является абсолютно правдивым, признает Я.И. Кедми. Ни одного аргумента статьи никто даже не пытался опровергнуть. С другой стороны, согласно автору статьи, все страны способствовали усилению Германии. Но, указал Я. Кедми, последнее утверждение нельзя распространить на СССР. Он не участвовал в мюнхенском сговоре стран, умиротворявших Германию как агрессора. Они подталкивали его к войне против СССР. Лишь убедившись, что его усилия по организации союза стран *против* фашистской угрозы нереализуемы, СССР пошел на заключение так называемого пакта Молотова-Риббентропа. Согласно Я.И. Кедми, статья также искажает вопрос о субъекте войны и целях, которые он преследовал в борьбе с фашистской Германией, ибо Гитлер не скрывал, что фашизм стремился уничтожить СССР, покорить советский народ, совершивший прорыв за пределы капиталистического общества, учредив власть организованных в Советы трудящихся рабочих и крестьян, построивших под руководством большевиков новое социалистическое общество. Значит, это была война против социализма в Советском союзе, против идеологии большевиков, против коммунистов. В этом обстоятельстве Я. И. Кедми видит главную основу и причину победы советского народа, отстаивавшего свою *социалистическую* родину. Я.И. Кедми прав, утверждая, что статья ни единым словом, ни единым намеком не говорит об

этом. К тому же США *вплоть до декабря 1941 года* поддерживали Германию, воевавшую против коммунистического СССР.

Статья парадоксальна. Парадокс в том, что, хотя формально в статье используются выражения, содержащие прилагательное «советский», например, советский народ, статья отрицает все «советское», подменяя советский, социалистический патриотизм антисоциалистическим, антисоветским. Отсюда и вырастает политика драпирования Мавзолея В.И. Ленина, которой придается принципиальный характер. Оно и понятно, как писал еще В.И. Ленин [7, с. 40], учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную борьбу этому рабству. Ожидать же беспристрастной науки в обществе наемного рабства есть такая же глупенькая *наивность*, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала.

История философии и история социальной науки, по В.И. Ленину, показывают, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле замкнутого, закостенелого учения, возникшего в стороне от столбового развития мировой цивилизации. Напротив, гениальность Маркса В.И. Ленин видел в том, что он дал ответ на вопрос о наиболее общем содержании *мира современной истории*, которые передовая мысль человечества уже поставила, будучи законным преемником всего лучшего, что создало человечество. Это хорошо видно на примере системы советского образования, которое обращалось к наиболее прогрессивным произведениям всей человеческой истории и литературы.

Без учета этих фактов невозможно ответить на вопрос о том, как и почему советский народ смог выстоять и победить в Великой Отечественной войне. Именно из них выростала поистине железная сила духа, которая удивляла и восхищала весь мир. Капитализм, по словам В.И. Ленина, победил во всем мире, но эта победа есть лишь преддверие победы труда над капиталом. Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, то сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Борьба нового и старого разворачивается внутри различных социалистических учений, выступая отражением этого гнета и протестом против него, приводя к противостоянию утопического и марксистского социализма, исходившего из борьбы классов в обществе. Ни одна капиталистическая страна не сложилась на основе борьбы не на жизнь, а на смерть между разными классами капиталистического общества. Утопический социализм, как известно, критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации, но не мог указать

действительного выхода к новому, не умея объяснить сущность наемного рабства при капитализме, открыть законы его развития, не умел открыть субъекта нового, ту общественную силу, которая оказалась бы способной стать творцом нового, социалистического общества. Это удалось Марксу, указавшему на рабочий класс, на необходимость просветить и организовать его для борьбы за утверждение нового, коммунистического общества, чтобы смести старое, капиталистическое общество и создать новое, социалистическое [7, с. 46-47].

Практически этот процесс и был осуществлен в нашей стране, в которой под руководством В.И. Ленина произошла социалистическая революция 1917 года, став знаменем перехода от старого к новому обществу и его развитию. Что касается компромиссной модели будущего развития страны и мира, то она является *отражением* не только сотрудничества, возникшего в ходе второй мировой войны с фашизмом между лидерами стран антигитлеровской коалиции в виде объединивших Рузвельта, Черчилля и Сталина в «большую тройку», как полагает автор статьи, но и событий, связанных с созданием Лиги наций и так называемого Мюнхенского сговора. Автор статьи сам признает, что позиция стран Запада носила «двуличный характер» [21, с. 3], что превращает «большую тройку» в тройку из басни И. Крылова «Лебедь, Рак и Щука». Если учесть сепаратные переговоры представителей Германии, США и Великобритании, на которых германское руководство надеялось склонить их к войне против коммунистического СССР, такое превращение произошло едва ли не сразу по окончании войны, и даже еще до ее окончания. Создание Лиги наций, как написано в статье, было «прогрессивной идеей, последовательная реализация которой, без преувеличения, могла бы предотвратить повторение ужасов глобальной войны».

Такое заявление, верное с формальной стороны, с содержательно-фактической стороны является самым настоящим «преувеличением». Это признает сам автор статьи, когда пишет, что Лига наций, в которой доминировали державы-победительницы, Великобритания и Франция, продемонстрировала свою «неэффективность», потонула в пустых разговорах, проигнорировав призывы СССР сформировать равноправную систему коллективной безопасности. Здесь и дали о себе знать признаки образа «тройки» из басни И. Крылова. А в случае Мюнхенского сговора, в котором помимо Гитлера и Муссолини, участвовали *лидеры* Великобритании и Франции, при полном одобрении Совета Лиги наций произошло расчленение Чехословакии.

Что касается *лидера* СССР И.В. Сталина, то он не запятнал себя личной встречей с Гитлером, слывшего в западных кругах вполне уважаемым политиком и желанным гостем в европейских столицах, признает автор статьи. Мюнхенский сговор продемонстрировал СССР, что западные страны будут решать вопросы безопасности без учета его интересов, а при удобном случае могут даже сформировать антисоветский фронт, в духе героев «тройки» басни И. Крылова. Вторая мировая война не случилась в одночасье, она является результатом многих тенденций и факторов в мировой политике, включая

государственный эгоизм, трусость, потакание набравшему силу агрессору, неготовность политических элит к поиску компромисса, попытки одних стран обхитрить другие, обеспечить себе односторонние преимущества и остаться в стороне от надвигающейся мировой беды. Это подтверждается рядом фактических событий. В частности, бывший начальник штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования верховными силами Германии генерал А. Йодль отмечал, что в 1939 году примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших против 23 германских дивизий, бездействовали, вместо того, чтобы нанести им поражение своими активными действиями. В ноябре 1940 года Гитлер утвердил план «Барбаросса», полагая, что СССР – главная сила, которая противостоит ему в Европе, что именно война с СССР решит исход мировой войны. Международная комиссия по репарациям с Германии в феврале 1945 года пришла к выводу, что «количество затраченных Германией на советском фронте солдат-дней превосходит это же количество на всех других союзных фронтах, по крайней мере, в 10 раз. Советский фронт оттягивал также четыре пятых германских танков и около двух третей германских самолетов». В целом на долю СССР пришлось 75 процентов всех военных усилий антигитлеровской коалиции. Красная армия за годы войны «перемолола» 626 дивизий стран «оси», из которых 508 – германские. Как признавал Рузвельт в 1942 году русские войска уничтожили и продолжают уничтожать больше живой силы, самолетов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные Объединенные Нации вместе взятые. СССР потерял каждого седьмого из своих граждан, Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек [21 с. 10]. Как заявило руководство СССР в июле 1941 года целью войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация угрозы, нависшей над нашей страной, но и, признал автор статьи, помощь всем народам Европы, «стонущим под игом германского фашизма».

Добавлю, фашизм не был привнесен в историю людей какими-то трансцендентными, потусторонними ей силами и причинами, он, как и гражданская война против СССР с участием 14 иностранных государств после Октябрьской революции 1917 года, был порождением самого старого, капиталистического мира, в котором объединились его наиболее реакционные силы, субъекты, с которыми вели борьбу трудящиеся Советского Союза как субъекты нового, социалистического общества, выйдя в ней победителями.

Фактически в своих размышлениях политолог Я.И. Кедми поднимает принципиальный вопрос о понятии наиболее общего содержания современного мира: является ли им переход от капитализма к коммунизму, преодоление эксплуатации, победа труда над капиталом, к чему стремился советский народ как субъект войны во всех республиках СССР или это содержание было вытеснено идеей сотрудничества, компромиссных (эклектических – *М.П.*) форм жизни представителей «труда и капитала». Именно в таком контексте советскому, социалистическому противопоставляется демократическое содержание человеческой истории, утверждаемое статьей. Ее втор замечает, что

он не раз обсуждал «эту идею в беседах с мировыми лидерами, встретил их понимание», в то же время итоги референдума 1991 года быть или не быть СССР проигнорированы. Фактически он предлагает *обновленное* возвращение к старому и гнилому, защищая на основе эклектики, идеализма и вульгарного материализма современные формы эксплуатации «труда капиталом», отрицая саму возможность интерпретации нового в марксистско-ленинском смысле.

Проблема требует ответа на вопрос является ли возникшее «состояние сотрудничества» относительным, релятивным, исторически ограниченным определенными рамками и значением (например, *условиями войны – М.П.*) или ему должно быть придано абсолютное значение, как надеется автор статьи, выстраивая на таком основании *современную* внутреннюю и внешнюю политику страны «национального сотрудничества». Ответ на него достаточно очевиден, если вспомнить НЭП, которая фигурировала как нечто относительное, переходящее во внутреннем содержании истории СССР, подчиненной борьбе за коммунизм. С.Ю. Глазьев обнаруживает подобную относительность как свойство интегральных, смешанных укладов в КНР, Индии и даже в США, оставаясь далеким от их абсолютизации, обсуждая их конкуренцию, которая, по его мнению, и определит логику современной истории, в силу чего С.Ю. Глазьев был уволен с поста советника Президента РФ.

Борьба старого и нового своими корнями уходит в период «перестройки», где она завершилась уничтожением социализма под флагом утверждения демократии. В последующий исторический период она была продолжена Б.Н. Ельциным. С борьбой обеих «парадигм» мы столкнемся при чтении доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, обвинившего И.В. Сталина в «культе личности», преодоление которого требует, по мысли Н.С. Хрущева, утверждения идеалов демократии, а не социализма с его диктатурой пролетариата (вспомните расстрел демонстрации рабочих Новочеркаска в 1962 году – М.П.). Полагаю, что проявления этой борьбы «нового» и «старого» могут быть найдены как характерные моменты даже для ленинского и сталинского периодов. И она привела в конце концов к контрреволюционному перевороту в СССР, под флагом победы демократии над социализмом. Социалистическое развитие было прервано Великой отечественной войной, в которой социалистическое общество вновь оказалось в опасности, а его сохранение стало главной целью, которую преследовал советский народ как субъект войны, руководимый Советским правительством и коммунистической партией, во главе со Сталиным. Это была война «старого», в его самых реакционных, фашистских формах, опасных концом, окончанием человеческой истории, и «нового», в виде социалистического общества, открывшего новые пути и формы общественного развития, в которое включились также демократические силы самих буржуазных государств, пошедших, в конечном счете, на сотрудничество с СССР против фашизма и заимствовавших многое из жизни социалистических государств, например, в виде черт социального государства. После уничтожения

СССР многие из них отказываются от этих черт в пользу сохранения эксплуатации труда капиталом.

§4. Борьба старого и нового и соотношение коэволюции и мифологии

Марксизм уточнил понятие «действительность», в деятельности и через деятельность которого продолжает развиваться эта «действительность». Причем их совместное развитие происходит «с нарастанием» в ходе развития природы, общества и человеческого мышления. Именно в этом заключается суть преодоления Марксом и Энгельсом в ходе трансформации ими философского познания ограниченности прежде существовавших форм материализма и идеализма, которые стали разрабатываться после возникновения мировоззрения философского типа, вытеснив мировоззрение мифологического типа. Это позволяет говорить о второй трансформации мировоззрения, совершенной Марксом и Энгельсом после описанного К. Ясперсом «осевого времени» [30, с. 32-50], которое было «отрицанием» мифологического мировоззрения, тогда как революция, совершенная Марксом и Энгельсом, есть уже отрицание отрицания. По Ф. Коплстону, Маркс и Энгельс считали, что их обновленный материализм, соединенной с трансформированной ими диалектикой «вытесняет все предыдущие толкования, как идеалистические, так и материалистические» [5, с. 363]. Марксизм как отрицание отрицания на новой основе воспроизводит черты исходного, мифологического состояния, в котором можно видеть аналог коэволюции. Точнее, он заменяет мифологический тип мировоззрения действительно коэволюционным, предполагающим вытеснение, во-первых, мифологической «синкретичности», нерасчлененности базисных противоположностей (материального и идеального, объективного и субъективного, природного и человеческого, реального и воображаемого), которая задает всем мифологическим персонажам общее освещение, в коем каждая вещь высвечивает свою сущность, или получает сущность, в него попадая, и, во-вторых, закрепленного Средневековьем чрезмерного противопоставления «базисных противоположностей» духа и материи, человека и природы, души и тела, сохранившегося в предшествующей философии, включая представителей немецкой классической философии, что также было зафиксировано Ф. Коплстоном. В философии на смену мифологической синкретичности пришло их чрезмерное противостояние, став тем новым «освещением», в котором каждая вещь высвечивала свою сущность, или получала сущность, в него попадая. В свете преодоления того и другого раскрывается суть марксистской идеи как *нарастающей* совместности, коэволюции в ходе дальнейшего развития природы (земной и с нарастанием выхода в космос), общества и человеческого мышления. Ныне это нарастание коэволюции фиксируется все больше [14; 15].

В современной литературе наблюдается и *попятное* движение, от идеи коэволюции к мировоззрению мифологического типа. Так, А.Н. Фатенков делает ставку на гилозоизм и экзистенциализм, как сопрягающие «подлинность

человеческого бытия с подлинностью природно-культурного мира», называя их философией *близости* (в мифологии – синкретичности, нерасчлененности) и утверждает, что если нет «близости», то нет ничего, кроме абсурда. Он доходит до абсурдного с точки зрения *единства онтологии и гносеологии* вывода, что «когда женщина с излучающими счастье глазами говорит мне о географии, я поверю и в то, что Земля – плоский диск, покоящийся на трех китах: глаза эти убедительнее и консенсуса научного сообщества, и результатов общественной практики» [27, с. 86-94].

В. Руднев в духе постмодернизма предлагает «новую модель реальности», согласно которой ею оказываются конструируемые человеком большие тексты, «нарративы», в которые им забрасывается человек. В «нарративной онтологии» представления об истинном и ложном уже не играют основополагающей роли. В ней мы можем быть уверены только в том факте, что мы что-то говорим. Во фразе «Я говорю, что идет дождь» истинностным значением обладает только часть «Я говорю...». Не важно имело ли место то или иное событие, важно насколько оно для нас интересно, если мы правильно прочтем «послания» нарративной реальности, то сумеем понять смысл жизни [22].

Более утонченную концепцию предлагает Э.А. Тайсина, называя ее «субъективным материализмом» [26, с. 264]. Его обоснование она начинает с признания деления философского идеализма на субъективный и объективный, которое оправдано в границах онтологической «стороны» основного вопроса философии, но распространяемого ею на гносеологическую «сторону», что ведет к «склеике» объективного и субъективного, отрицающей их «расчлененность» и возвращающей нас к мифологической нерасчлененности. Далее предлагается и материализм дифференцировать на «объективный» и «субъективный». «Объективным» материализмом ею именуется «наивный реализм», с которым *расправляются* «естественные науки», решая «объективно и рационально» проблемы натурфилософии. В итоге объективный материализм «сходит на нет», а «субъективный материализм», «учитывающий неминуемость живого присутствия наблюдателя в наблюдаемом и необходимость превращенного (идеального) бытия познаваемого в познающем» признается имеющим право на существование – при ограничении задач и предмета философии как «науки о взаимоотношении человека и мира. Вопрос о мире «самом по себе», – полагает Э.А. Тайсина, – научен, но не философичен»; как «не философичен и вопрос о человеке «самом по себе» [26, с. 147]. Философия имеет дело не с 1) бытием (миром), 2) человеком и 3) отношением между ними, но только с их «суперпозицией», поскольку она изучает «единое сущностное бытие» и строит «метафизику как сущностное единство онтологии и гносеологии». Таково обоснование субъективного материализма [26, с. 17]. Чтобы преодолеть «отрицательные коннотации» термина «субъективный» [26, с. 105], он переименовывается в «экзистенциальный» [см.: 18, с. 16-35].

М.А. Киссель более радикален. Он предлагает найти опору в религии, возродить религиозный стандарт Средневековья. Отказавшись от марксизма,

которым он был страстно увлечен в советский период, теперь, после перестройки, полагает М.А. Киссель, «о направлении философа приходится судить по куда более существенному признаку: с Богом ты или против Него» [4, с. 225]. В этом он видит «Откровение истины», которое «обнажило ось мировой истории и принесло с собой... абсолютный критерий оценки человеческих дел. Приближение к Богу или удаление от Него – вот этот критерий» [4, с. 235]. В этом приближении к Богу состоит причастность философии «абсолютной истине», поскольку она «имеет дело с мистерией Бытия, с присутствием в мире Бога. В ее задачу непременно входит осветить лучами разума последнюю высоту и изначальную глубину мироздания – в той мере, в какой это вообще возможно, а до конца этого сделать нельзя в принципе, ибо не исчерпать бесконечность Божия миротворения и не узнать в подробностях его план». Но философия снова стоит перед необходимостью «войти в соприкосновение с догматическим вероучением христианства» [4, с. 212].

Исходя из собственного понимания природы философии Ф. Коплстон в оценках философии марксизма, концентрируется не на коэволюционном обновлении философского знания, возвращаясь к альтернативе созерцательной и активистской парадигм, что дает, как ему кажется, основание говорить о двусмысленности философии марксизма, игнорируя революционную трансформацию философии Марксом и Энгельсом. Он пишет, что если согласиться с Энгельсом, что диалектика есть наука о всеобщих законах «движения и развития природы, человеческого общества и мышления», то якобы «не остается особого места для революционной деятельности»: последняя «оказалась бы одной из фаз необходимого движения». Ф. Коплстон *принуждает* марксизм возвратиться либо к созерцательной, либо к активистской парадигме, которые предполагаются в первом тезисе Маркса о Фейербахе, где он сталкивает учения Фейербаха и Гегеля. Это якобы «требуется нового появления того, что Маркс и Энгельс называли идеализмом» [5, с. 375]. Ф. Коплстон не видит выхода марксизма за пределы их альтернативы, возможности перехода на позиции коэволюции, вытесняющей как мировоззрение мифологического типа с его синкретичностью, нерасчлененностью природы и человека, так и после трансформации философии основоположниками марксизма «устаревших форм» – материализма, включая фейербаховский, и идеализма, включая гегелевский абсолютный идеализм. «Марксизм, предоставленный, так сказать, самому себе, имеет тенденцию разделяться на расходящиеся линии мысли. Можно акцентировать идеи необходимости, неизбежности, детерминизма, можно – идеи сознательной революционной деятельности и свободного действия. Можно подчеркивать материалистический элемент, можно – диалектический». «Ведь, как хорошо понимали Маркс и Энгельс, диалектика изначально имела отношение к движению мысли» [5, с. 375-376].

Как видно, после уничтожения СССР многие отказываются от марксистских положений в пользу обновляемых давно устаревших подходов, которые поддерживаются теми представителями «практической теории» в мире

социальной материи, кто разделяет идею сохранения эксплуатации труда капиталом. Борьба старого с новым продолжается, истина подменяется имитациями [11], мир становится более неустойчивым [12], его развитие осложняется.

Литература и источники

1. Глазьев С.Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Код доступа: <https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnyykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa>.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием в ходе разрушения Советского строя // Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 327-827;
3. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. 736 с.
4. Киссель М.А. Метафизика в век науки: опыт Р. Дж. Коллингвуда. – Санкт-Петербург: «Искусство–СПБ», 2002. С. 225.
5. Копплстон Ф. От Фихте до Ницше / Пер. с англ., вступ. Ст. и примеч. д.ф.н. В.В. Васильева. М.: Республика, 2007. С. 363.
6. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-ое. Т. 18. М.: Политиздат, 1973. С. 300.
7. Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-ое. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 40-48.
8. Лосев А.Ф. О мировоззрении // Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Госполитиздат, 1988. 413 с.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. М.: Госполитиздат, 1968. С. 771-773.
10. Маркс К. Об освобождении крестьян в России // К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Политиздат, 1967. С. 12-20.
11. Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация: [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам XIV Международной научной конференции. /Нижегор. гос.архитектур. - строит. ун-т; редкол. М. М. Прохоров А. Ф. Кудряшев А. Н. Фатенков В. С. Лапшина. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2019. 224 с.
12. Мировоззренческая парадигма в философии: неустойчивость современного мира: [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам XV Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 20 марта 2020 г.) / Нижегор. гос. архитектур. – строит. ун-т; редкол. М. М. Прохоров, А. Ф. Кудряшев, А. Н. Фатенков, В. С. Лапшина. Н. Новгород: ННГАСУ, 2020. 188 с.
13. Мировоззренческая парадигма в философии: Основоположения онтогносеологии: [Электронный ресурс]: монография / Под ред. проф. М.М. Прохорова. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. 270 с.

14. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой // М.: Аграф, 1998. 480 с;
15. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера //М.: Молодая гвардия, 1990. С. 307-309.
16. Прохоров М.М. Марксизм и философия русского космизма // Вестник развития науки и образования», № 2, март-апрель 2019. С. 198-211.
17. Прохоров М.М. Основной вопрос философии и онтогносеология // Философия и общество. 2016, вып. 4(81), С. 92-111.
18. Прохоров М.М. От онтологии и гносеологии к онтогносеологии // Мировоззренческая парадигма в философии: Основоположения онтогносеологии. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. С. 16-35.
19. Прохоров М.М. Русский космизм и марксизм: компаративистский анализ философских оснований // Вестник Вятского государственного университета». 2019, № 2 (132), ВятГУ, 2019. С. 36-41.
20. Прохоров М.М. Русский космизм, концепция ноосферы и марксизм // Вестник Ивановского университета, 2020, Вып. 1. С. 97-111.
21. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета, 2020, [№ 133\(8187\)](#). Код доступа: <https://rg.ru/gaseta/rg/2020/06/19.html>
22. Руднев В. Новая модель реальности. М.: Издат. Дом Высшей школы экономики. 2016. 223 с.
23. Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М.: Мысль, 1965. С. 5.
24. Спиркин А.Г. Основы философии. М.: Политиздат, 1988. С. 75-81.
25. Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарики, 1998. С. 619-634.
26. Тайсина Э.А. Теория познания: коллекция статей. СПб.: Алетейя, 2014. 264 с.
27. Фатенков А.Н. Об истине: к преодолению диктата реляционизма // Мировоззренческая парадигма в философии: истина и имитация. Нижний Новгород, ННГАСУ, 2020. С. 86-94.
28. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20, Изд. 2-ое. М.: Политиздат, 1961. С. 495-496.
29. Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. Пер. с фр. Изд. 2-ое, испр. М., 2001. С. 5-32.
30. Ясперс К. Смысл и назначение истории, Изд. второе. М.: Республика, 1994, с.32-50.

ФАТЕНКОВ А.Н.

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

УПОВАТЬ НА НОВЫЙ МЕТОД, ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ СТАРЫМ ИЛИ ПОКОНЧИТЬ СО ВСЯКОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ МУШТРОЙ?

Сегодня интеллектуальное сообщество в очередной раз озабочено тем, что познавательные стратегии, опирающиеся в своём деле на привычное вспоможение – на некий *метод*, испытывают серьёзные затруднения (см., в частности: [1; 2]). Причём проблематизируются уже не возможности какого-то конкретного метода или набора методов – под вопрос ставится продуктивность методологически выстроенной познавательной практики как таковой. Опасения того, что наука (речь в первую очередь о ней) и сциентистского толка философия оказались не столько в полосе текущих фрагментарных неурядиц, сколько в системном тупике, небезосновательны. Характер профессионально-когнитивных процедур и их (теперешнее, по крайней мере) преломление в социальной практике откровенно настораживают.

Метод, как его определяет нововременная рациональность, есть набор достаточно простых приёмов, правил и инструментов, используя который мы с необходимостью приходим к истинному знанию. Такого рода «новый органон» (имея в виду здесь и бэконовский эмпиризм, и декартовский рационализм), как и «старая» методологическая матрица Аристотеля, стратегически апеллирует к простоте, уравниваемой с непротиворечивостью. При всей известной оппозиционности британского эмпиризма и континентально-европейского рационализма Бэкон и Декарт используют, как представляется, один и тот же алгоритм для обоснования – каждый своего – приоритетного способа познания. А именно: для получения наиболее достоверного знания надо непосредственно обратиться к наиболее достоверной реальности. Этой непосредственности обращения эквивалентны ставшие небезызвестными впоследствии принципы «прямого действия» и «экономии сил». Демаркация же нововременного эмпиризма и рационализма обусловлена тем, что для Бэкона наиболее достоверной реальностью (за вычетом божественной) является природный мир, а для Декарта (опять же вынося за скобки Бога) – человеческий разум. Линия сциентистски ориентированных методологов эпохи Модерна отличается от линии Аристотеля, по сути, лишь тем, что не даёт гарантий для отождествления истинного знания со знанием сугубо объективным; иными словами, не позволяет избежать сомнений в объективности содержания общего – не только того, которое вытекает из индуктивных выкладок, но и того, которое принимается в качестве большей посылки дедуктивного вывода. В итоге, объективное явно или неявно подменяется интересубъективным, общезначимым.

На метод ставка делается тогда, когда его разработчики планируют либо полностью уравнивать интересубъективное с объективным, либо полагают разницу между ними исчезающее малой, либо, признавая разницу значимой, рассматривают интересубъективное необходимым условием достижения объективного. По большому счёту, только третий случай, где нет прямой или косвенной подмены понятий, заслуживает обсуждения. Главный вопрос: если объективное и в самом деле ценнее интересубъективного, обязано ли оно, как и то, быть общезначимым?

Мой ответ – отрицательный. Несколько пояснений к нему. Я готов допустить и допускаю, что по онтогносеологическим меркам объективное (как его ни определяй) выше интересубъективного (обще- и одинаково значимого). Жизненный опыт и философский настрой на волну экзистенциального реализма отправляют общеобязательность и одинаковость по ту сторону почитаемого. Объективное (при определённом его понимании) вызывает куда меньшее отторжение. Однако сегодня, в ситуации агрессивной экспансии искусственного интеллекта, ценность объективного (объективно истинного) знания может быть поставлена под радикальное сомнение. Не всеми, конечно, а теми, кто сопротивляется редукции субъекта к мыслящей вещи и отвергает установку на бессубъектное познание. Смычка объективного и общезначимого в условиях возможного симбиоза естественного и искусственного интеллекта ведёт к экзистенциальной катастрофе. Вместо всецело человеческих реалий – многомерного внутреннего мира и непредсказуемых поступков (то ответственных, то не очень) – на горизонте маячит плоский стандарт воплощённой антиутопии.

Впрочем, и в прежние времена общезначимость, за которую так ратуют методологи (ведь она обеспечивает функционирование института науки), наносила творческому человеку немалый урон. Порождённая духом эгалитаризма, общезначимость, как и методичность, ориентирована не на гениев, и даже не на одарённых, а на рядовых обывателей, на посредственность (говоря без стеснения). Уникумы отсекаются. Зеркально в предметном поле сциентизированной нововременной рациональности обнаруживается проблема, предопределившая, надо думать, её нынешний парадигмальный кризис. Модерновая наука принципиально не способна научно корректно описать уникальное событие, она работает только со статистически значимым количеством фактов. Уникальному же как минимум всё равно, сталкивается ли с ним отдельный индивид или группа людей. Как максимум, а такой разворот весьма вероятен, уникальное перестаёт быть самим собой, если становится общедоступным. Осмысление и созидание эксклюзива было и остаётся уделом гениев, в подмогу им – труд одарённых.

Сегодняшний инновационный ажиотаж существа дела не меняет. Повторюсь (см.: [3]): творчество нацелено не на новацию, сразу склонную к тиражированию, а на шедевр, который никак не может быть превзойдён, в том числе и другим шедевром. Тут нет наивного упования на вечность –

реалистично (с оттенками парадокса) подразумевается, что копия с шедевра непоправимо дешевле (пусть и в единственной из множества оценок), чем любая копия с его копии. Можно ли, освоив некие правила, следуя методологической муштре, выучиться на создателя шедевров? Нет! Учатся техникам, мастерству. Тому, что необходимо для творения... и что в нём должно быть превзойдено, снято. Нельзя готовиться к творчеству – или, что то же самое, на подготовку к нему уйдёт тогда, впустую, вся жизнь. Творчество можно только творить. Не штамповать шедевры – не получится, хоть тресни. Выдавать – порой легко, порой невероятными усилиями – от случая к случаю. Так словесник, работая над текстом, вольно или невольно выстраивает его вокруг нескольких, становящихся опорными, фраз. Творческий человек некоторым образом сам себе методолог – изживающий в своих произведениях все свои методологические подпорки.

Эти инструменталистского толка строительные леса требуется отбросить и в познавательном процессе (хотя бы в финальной его стадии): и в том случае, если мы настаиваем на объективности истинного, и в том – если истинное для нас есть лично фундированное. Иными словами, если и надеяться на вспоможение какого-то метода, то исключительно такого, который поступательно или итогово самоликвидируется при своём применении.

Таким уникальным орудием познания является *диалектика*. Все известные её достоинства, связанные с возможностью адекватного осмысления развивающейся реальности, актуальны и действенны, собственно, благодаря тому, что она, будучи нелукаво самокритичной, способна к уничтожению своих формальных структур (как и пролетариат, согласно «алгебре революции», побеждая, аннигилирует, уничтожает себя как класс). Освобождаясь от формального каркаса, диалектика достигает пика содержательности: не пренебрегая ни одним оттенком выразимого и воспринимаемого смысла, схватывая особенное и уникальное, она вместе с тем не теряет из виду смысловой континуум, доступный предельному человеческому опыту. Ведь только в континуальном особенное надёжно распознаётся как особенное, уникальное – как уникальное.

Диалектика (в экзистенциальной версии по преимуществу) – аутентично философская методология. Она знает себе цену. Как и шедевр, диалектика не нуждается в сторонней критике, кратно превосходя её самокритикой. Ироничная по отношению к себе прежде всего, она не по плечу чопорному сциентистскому дискурсу и праксису. Возможно, она попросту избыточна для них. И, не исключено, именно в этом кроется фатальный изъян нововременной науки.

Диалектический метод – не «новый» и не «старый». Он – «вечно молодой». И – как в песне – «вечно пьяный». Опьянённый неповторимостью жизни утверждает её причудливую противоречивость, потешаясь над формально-логической правильностью и сциентистскими потугами штатных методологов.

Список использованной литературы

1. *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
2. *Ло Д.* После метода. Беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 362 с.
3. *Фатенков А.Н.* Похвальное слово диалектике (к проблеме «методологии творчества») // Творчество и культура в свете философской рефлексии. Творчество культуры и культура творчества. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Георгия Федоровича Миронова (1944–2008). Под редакцией М.П. Волкова. Ульяновск: УлГТУ, 2018. С. 211–217.

КУДРЯШЕВ А.Ф., ЕЛХОВА О.И.

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

ПРОБЛЕМА НОВИЗНЫ В ФИЛОСОФСКОЙ ОНТОЛОГИИ

Онтологию будем понимать как учение о бытии. Именно такая трактовка философской онтологии "виновна" в проблеме, которую мы собираемся здесь обсудить. Существует, как известно, во многом альтернативная трактовка: онтология – это учение о сущем. Такая трактовка онтологии порождает подход к ней как знанию, науке. Например, когда последователь Г.В. Лейбница Христиан Вольф писал об онтологии как первой философии, он имел в виду знания о сущем. Методом такой онтологии, по Х. Вольфу, является метод научного доказательства. Поэтому вопрос о новизне здесь переносится в плоскость знания, а новое знание в его неоспоримом содержании продуцирует научно-исследовательская деятельность, относительно которой вопрос о росте (в смысле – увеличения объема) знания, в принципе, решается положительно.

Тогда же, когда мы пытаемся изучить то, что причастно бытию самому по себе, проблемное поле расширяется за счет проблемы метода собственно онтологии и проблемы онтологического знания. Нам вовсе не хотелось бы, чтобы предлагаемые ниже варианты решения рассматриваемых вопросов воспринимались как попытка "закрыть" интересующую нас проблему. Во все нет: пусть эти варианты считаются "одними из" возможных, а сама проблема осталась бы открытой для исследователей. Предлагаемый в докладе подход расщепляет исходную проблему новизны в онтологии на следующие подпроблемы: а) новизна в бытии, б) новизна в методе онтологии (онтометодологическая новизна), в) новизна в онтологическом знании.

Любопытно отметить, что первоначальное решение всех этих подпроблем предстает как три "не" (не бывает, не имеет, не существует): никакой новизны в бытии принципиально не бывает, собственного метода онтология не имеет и не может иметь, онтологического знания как такового не существует. Действительно, в бытии уже есть все, что может быть; само по себе оно непознаваемо, значит, нет ни метода его познания, нет ни знания о нем. Но дело в том, что со времен, по крайней мере, Николая Гартмана онтологи занимаются изучением бытия в его представленности через типы бытия. Типы бытия – это своего рода сущие, рассматриваемые как приближение к тому, что принимается за бытие. Приближение не как модель, а как этап в наведении мысли на продвижение в постижении бытия. Пример типологии, развивавшейся В.Н. Сагатовским в последний период жизни: объективная реальность, субъективная реальность, трансцендентная реальность. К типам бытия как сущим, хотя и особого рода, уже можно применять методы познания, чтобы получить соответствующие знания. Так, к примеру, онтологический метод В.Н. Сагатовского, изложенный им в книге "Триада бытия", может считаться обладающим новизной. При этом метод В.Н. Сагатовского сочетает знакомые

элементы: в целом, он является гипотетико-дедуктивным методом, а в частностях соединяет естественную установку с экзистенциалами М. Хайдеггера, к учению которого В.Н. Сагатовский относился все же больше критически, чем положительно, и называл его своеобразной "поэзией в прозе".

Реальности объективная и субъективная еще таят в себе великую массу неизвестного, что рано или поздно обязательно выльется в научные открытия и в природе, и в интеллектуальной сфере, – в последней, в частности, в форме научных знаний. Сюда можно причислить, скажем, новые онтологические проблемы, которые, как и всякие проблемы, предстают как знание о незнании. Но проблема онтологической новизны все равно остается, только она переходит на другой уровень рассмотрения. Вот этот другой уровень, с нашей точки зрения, обусловлен применением модных сейчас понятий порядка и хаоса. Действительно, чтобы ответить на вопрос о новизне, идет ли речь о возможном открытии или об изобретении, нужен критерий отличия нового от старого. Это будет своеобразная временная ось новизны, где возможны возвраты в прошлое, чем эта ось явно отличается от необратимого физического времени. Пространство новизны тоже появится, оно будет дискретным с исчезающе малым расстоянием между точками по мере своего заполнения. Очевидны различные случаи появления нового. Новое, появившееся на месте старого, и новое, вставшее рядом со старым и распространяющее пространство новизны. В первом случае изменения пространственного типа, во втором – временного типа. Добавим, что пространственные изменения явно способствуют увеличению хаотизированности растущей системы, тогда как изменения временные могут увеличивать порядок и действовать в сторону уменьшения энтропии.

Кроме объективной и субъективной реальности уже все большую свою актуализацию проявляет реальность виртуальная. Популярность тематики виртуальной реальности значительно возросла в условиях текущей пандемии, полностью изменившей привычный мир. С целью адаптации к сложившимся обстоятельствам многие сферы жизнедеятельности человека были перенесены в виртуальный формат, а цифровая трансформация мира ускорилась в разы. Именно цифровые технологии и современные средства массовой электронной коммуникации привели к созданию пространства нового типа, которое охватывает уже более четырех миллиардов человек, и это пространство становится неотъемлемой составляющей их жизни. В отчете «Digital 2020: global digital overview» международных агентств «We Are Social» и «Hootsuite» указано, что в настоящее время уже больше половины населения мира (4,57 миллиарда людей) стали пользователями пространства интернета; в России данный показатель равняется 118 миллионам человек, что составляет 81% российского населения.

Несколько слов относительно порядка и беспорядка в виртуальной реальности. Понятие порядка в виртуальной реальности пока не имеет дефиниций, обладая довольно размытым значением, далеким от научной строгости. Трудно установить, что именно в виртуальной реальности является

беспорядком или порядком. Если говорить о виртуальных событиях, то у нас нет каких-либо определенных критериев упорядоченности. Очевидно, что суммарное количество пользователей, одновременно присутствующих в виртуальном пространстве – один из аспектов общей энтропии виртуального мира. Безусловно также, что общая энтропия всего виртуального мира увеличивается, если возрастает энтропия его составляющих. К пониманию порядка виртуального мира можно приблизиться и с другой стороны, если принять, что беспорядок увеличивается с понижением вероятности определенного события. Виртуальные миры, будучи производными от реального мира, как и он являются открытыми диссипативными системами. Однако если реальный мир, будучи открытой системой, обменивается с окружающей средой энергией, веществом и информацией, то в виртуальном мире нет обмена веществом. Происходит замена физических объектов виртуальными, смоделированными современными техническими средствами. Многие жизненные сферы общества тоже становятся виртуальными. Пандемическая ситуация, вызванная распространением коронавирусной инфекции, инициировала необычайный всплеск интереса к виртуальным путешествиям. Конечно, виртуальная реальность пока не может заменить традиционные путешествия, но костюмы с расширенными сенсорными ощущениями обеспечивают высокую степень погруженности пользователя в виртуальный тур по достопримечательностям мира. Ощущение новизны в знакомстве с устройством мира вызывается новыми формами бытия как продуктами жизнедеятельности человечества. В принципе, имеется возможность отдельным индивидам прожить всю жизнь в замкнутом со всех сторон пространстве, подобно тому обитателю клетки в традиционном зоопарке, который в ней же и родился. Правда, нужна определенная помощь со стороны. Тогда для такого индивида виртуальность заменит действительность и ею станет. Но для всего человечества подобное существование остается и останется неприемлемым. Поэтому ощущение новизны и сама новизна должны отличаться самым решительным образом. По нашему мнению, в современном мире виртуальной реальности хаотизация никак не убывает, отсюда наблюдается рост информационной энтропии. В таких условиях создавать подобие патентного бюро для виртуальных артефактов, чтобы пытаться фиксировать появление нового на фоне всего старого, не имеет смысла. Объективные критерии тут создать не получится, остаются критерии субъективные: реклама, авторитет, хор заинтересованных голосов, замалчивание определенных результатов или их дискредитация. Все это в той или иной степени присутствует и в настоящее время, но можно предсказывать рост влияния такого субъективного фактора в будущем.

В итоге, при обсуждении проблемы новизны в онтологии мы перешли от одного уровня подпроблем к другому их уровню. И хотя принципиально новому в бесконечном мире взяться неоткуда, но в конечном мире существования человечества оно возникает закономерно. Напрашивается теоретически трудный

вопрос о том, как отличить новое от старого. При этом усложняются условия, в каких пытаются определить такие отличия. В целом, растет степень хаотизации пространства новизны, что не отрицает возможные локальные упорядочивания. Пример виртуальной реальности как базиса информационной цивилизации демонстрирует как бессилие объективного подхода к определению виртуальной новизны, так и торжество субъективности как антипода объективности.

ПЕТРОВ В.П.

ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

О ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Человеческая жизнь – антропологическая константа.

Жизнь в биологическом смысле – способ существования белковых тел: совокупность физических и химических процессов, протекающих в клетках, позволяющих осуществлять обмен веществ и их деление. Этот процесс свойственен и человеческому организму, но жизнь человека не сводится только к белковому существованию, она социальна.

Человеческая жизнь являет единство биологических (телесно-организменных) и социальных процессов. Социальные процессы обусловлены человеческим бытием, а биологические физиологией и природным естеством человека, контролируемых сознанием. Их взаимосвязь характеризует биосоциальную сущность человека, способствует пониманию диалектики человеческой жизни с присущими ей противоречиями. Разрешение противоречий – это путь всестороннего развития человека. Универсальным способом осуществления этого является деятельность. Посредством неё он получает всё необходимое для полноценной жизни. Деятельность материализует духовные устремления человека и одухотворяет материальные. В этом качестве она составляет смысл человеческой жизни и является критерием её ценности: ценность человеческой жизни становится сущностной, а жизнь посредством деятельности наполненной смыслом. Главным в этом процессе является сам человек. Он как субъект жизни создаёт необходимые условия её осуществления, имея телесную, организменную, социальную организацию. А единство телесного, организменного и социального характеризует его сущность и, следовательно, сущность человеческой жизни (бытия). Основа этому – деятельность. Система «субъект – деятельность – бытие» детерминирована человеком, подчинена ему, он её центральное звено. Осуществляя деятельность, человек производит всю линейку материальных и духовных ценностей, развивается, совершенствуется, создаёт условия для своего воспроизводства и осуществляет его. Всё это определяет восприятие человеческой жизни как фундаментальной ценности, а человека «мерой всех вещей». При этом укрепляется взаимосвязь биологического и социального модусов его жизни:

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МОДУС	СОЦИАЛЬНЫЙ МОДУС
<ul style="list-style-type: none">• продолжение рода;• улучшение наследственности;	<ul style="list-style-type: none">• преобразование репродуктивной деятельности в творчество;• социализация;

<ul style="list-style-type: none"> • генетическая устойчивость. 	<ul style="list-style-type: none"> • гармоничное сочетание потребностей и способностей; • взаимообусловленность образования, обучения, воспитания; • совершенствование социальной организации.
--	---

Ценность человеческой жизни проявляется в системе «универсум ↔ человек». Суть в том, что «выйдя» из универсума, и, оставаясь включённым в него, человек приступил к активному воздействию на универсум. Эта диалектика постоянно порождает всё новые и новые моменты человеческого бытия: полёты в космос, освоение арктических широт, проникновение в глубины океана, решение экологических проблем и многое другое. Разрешение возникающих при этом противоречий – путь развития и прогресса, что возможно только посредством самого человека, то есть телесного существа, деятеля, творца, наделённого сознанием. Осуществляя деятельность, как совокупность универсальных операций, человек преобразует действительность, изменяет условия жизни, совершенствует её. Это характеризует его, подчёркивая значимость, первостепенность в мире, непреходящую ценность. На планете нет и не будет ценности равной человеку – телесному биосоциальному существу, способному к деятельности и производству себе подобных. Мерой этого является он сам. В этом заключается ценность человека, его жизни, в этом смысле он и его жизнь бесценны.

Существование человека определено двумя константами – жизнью и смертью. Родившись и живя, человек неуклонно приближается к смерти, и то, и другое естественно. Жизнь и смерть – пространственно-временные величины, поэтому альтернативы естественной смерти нет. Смерть – закономерность, обусловленная телесно-организменными процессами. Понимая это, человек стремится к телесно-организменному совершенству, ставя эту проблему в число приоритетных, требующих особого отношения и возможного решения, так как жизнь созидательна, ценностна, а смерть разрушительна. Возникает социально-правовая коллизия, к разрешению которой непосредственное отношение имеют человек, общество и государство.

Социально-правовая сторона жизни: человек как телесное существо приобретает право на жизнь с момента рождения и осуществляет его с целью деятельности, развития, саморазвития, производства и воспроизводства себе подобных, являясь правообладателем; общество защищает право человека на жизнь в соответствии с принципами гуманизма, являясь правозащитником; государство гарантирует право человека на жизнь в соответствии с правовыми нормами, являясь гарантом.

Из этого следует, что человек, общество, государство обладают правом на жизнь, защищают и гарантируют её сообразно своей сущности. Человек, его жизнь – высшая ценность в обществе, государстве, поэтому телесно-

организменное совершенствование человека является общей задачей, направленной на сохранение этой ценности.

Как обстоят дела с социально-правовой стороной человеческой смерти?

Смерть – закономерный процесс завершения жизни. Её наступление естественно, следовательно, она объективна. Потенциал для расширения прав на телесно-организменное совершенствование человека у него самого, общества и государства с целью снижения порога смертности существует, но для этого необходимо создавать соответствующие условия, уметь предвосхищать и исключать эко-, техно- и социофакторы, способные приводить к преждевременной смерти. Смерть человека – утрата высшей ценности и понимание этого является мотивом поиска правового алгоритма решения этой задачи.

В этой связи стоит отметить, что периодически возникают спекулятивные подходы к смерти, искажающие ценность жизни. Так, в конце XX в. была развёрнута дискуссия о так называемом «гуманном врачебном отношении к людям, страдающим неизлечимыми заболеваниями». Допускалась возможность предоставления лечащему врачу «права помощи» таким людям – *эвтаназия*, то есть добровольное согласие на умерщвление человеческой плоти. При этом «забывалось», что человек – существо телесное, и различные недуги могут преследовать его в течение жизни, поэтому с ними надо вести борьбу, а не предлагать эвтаназию. Проблема борьбы с тяжёлыми формами заболеваний глобальна: необходимо понять причины их возникновения, изменять условия жизни, предметно решать, как помочь больному человеку преодолеть болезнь, а не то, каким способом прервать ему жизнь. У тяжелобольных людей всегда должна оставаться надежда на выздоровление, а, значит, на жизнь. Эвтаназия – это манипуляция человеческой телесностью, игра на псевдоавторитет, на имидж, а не помощь больному, кощунственно именуемая «помощью смертью». Смерть в «Энциклопедическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Ефрона определяется как «прекращение жизнедеятельности организма [1 с. 538]». В «Оксфордском академическом словаре» по поводу смерти сказано, что «смерть – это конец жизни [4 с. 232]». С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» определяет смерть как «прекращение жизни» и констатирует её уровни: клиническая, биологическая, насильственная, скоропостиженная [3 с. 653]. Таким образом, смерть – это прекращение жизни, утрата высшей ценности. Следовательно, эвтаназия – это покушение на высшую ценность, приводящее к смерти человека, а права на это ни у человека, ни у общества, ни у государства нет. Отдельно следует рассматривать вооружённую агрессию – войну или террористический акт. Действия человека, общества и государства в этом случае имеют защитный характер, и уничтожение преступника закономерно. Целесообразно не прикрывать маской эвтаназии медицинскую несостоятельность оказания своевременной врачебной помощи тяжело больным людям, а развивать фундаментальную и прикладную медицину, совершенствовать методы диагностики, профилактики, лечения и реабилитации людей. Здоровые люди –

непременное условие всестороннего развития общества и смертность, вызванная болезнями, является серьёзной проблемой, требующей качественного решения. Немало проблем доставляют обществу пандемии, подобно той, которая охватила планету в первой четверти XXI в. Вспышка коронавируса показала необходимость создания высокотехнологичной медицины, способной эффективно и в короткий срок оказывать помощь больным людям, бороться за их жизнь.

Итак, жизнь и смерть – антропологические константы, каждая из которых связана с телесностью человека. С учётом этого целесообразно подходить к проблеме смысла человеческой жизни.

Смысл человеческой жизни.

Выявлением смысла человеческой жизни занималось не одно поколение мыслителей и по этому поводу существует немало точек зрения. К смыслу жизни относят: подвижническое содержание и направленность жизни; постановку целей, выходящих за рамки жизни; достижение высокого уровня развития; стремление к общественному признанию; продолжение рода и ряд других.

Можно соглашаться с такими концептами, можно оспаривать. Очевидно одно – универсальностью они не обладают, поэтому поиск константы, определяющей смысл жизни, продолжается. Так, в этом ряду появилась идея, в основу которой был положен личностный подход к смыслу жизни. У него есть немало сторонников, правда, при этом упускается гегелевская характеристика «дурной бесконечности», которая растворяет смысл жизни в его индивидуальных проявлениях, число которых будет неуклонно расти.

Поэтому для базового, константного определения смысла жизни стоит учесть один существенный аспект: жизнь любого человека характеризуется множеством связей, отношений, природой которых является деятельность. Деятельность – это универсальная форма отношений человека с окружающим миром, продуктивная активность людей, отражающая их потребности и способности. Деятельность есть способ существования, важнейший компонент системы человеческой жизни, обладающая свойством изменять бытие людей, преобразовывать действительность посредством их самих. Это принципиальный момент для константного подхода к определению смысла жизни, то главное, что составляет смысл человеческого существования, всю его систему. Деятельность – величайшее достижение *homo sapiens*, отражающее уровень его развития, способствующее самореализации, осуществлению полноценной жизни. Жизнь и деятельность взаимосвязаны. Через деятельность определяется ценность человеческой жизни, её материальные и духовные ценности. Они отражают единство общего, единичного и особенного. Деятельность – повторяющееся, ценность жизни – неповторимое, ценности жизни – отличительное. Это целостно характеризует человеческую жизнь, являясь сторонами, моментами её смысла.

Человек – универсальное существо, и жизнь его является отражением этой универсальности. Он находит применение своим знаниям, умениям, установкам во всех сферах общественной жизни посредством деятельности. Её результаты имеют непреходящее значение в его жизни. При этом сама деятельность представляет общечеловеческую ценность. Жизнь через деятельность наполняется смыслом, что приносит людям радость, полноту её ощущения, удовлетворение, связанные с достижением целевых высот, открытием нового, созданием уникального, ценностного для человека и общества, способствуя гармоничному сочетанию потребностей и способностей. Например, у *спортсменов* это проявляется в том, что главным, то есть значимым (ценностным) для них, является достижение высот профессионального мастерства в тех видах спорта, которым они отдают себя по жизни, осуществляя тренировочный процесс, участвуя в соревнованиях, то есть, занимаясь спортивной деятельностью. Это позволяет, выдерживая значительные физические нагрузки, одерживать победы, устанавливать рекорды. Для *учёных* главным, значимым является предметная научная деятельность по определению сущности вещей, процессов, явлений, что способствует приращению и появлению новых знаний. Они, занимаясь научными исследованиями, решают фундаментальные и прикладные задачи, открывают законы и выявляют закономерности, реализуют перспективные замыслы, обеспечивая обществу прорыв по ключевым направлениям развития. Для *студентов* главным, значимым в жизни является приобретение общих и специальных знаний, необходимых в будущей профессии, а также способствующих всестороннему развитию. Они осваивают учебные дисциплины, модули, формируют общекультурные и профессиональные компетенции, реализуют и развивают способности в процессе образовательной деятельности. И спортсмены, и учёные, и студенты осознают значимость (ценность) того, чем занимаются, и получают удовлетворение от осуществляемой деятельности, её результатов, что и является смыслом жизни.

Деятельность многопрофильна, занимаясь ею, человек решает актуальные и потенциальные задачи, достигает поставленных целей, намечает новые, совершенствуется и вновь движется вперёд. Однако жизнь противоречива и в какой-то момент могут появиться объективные или субъективные причины изменения существующего положения, выбранного жизненного приоритета. Деятельность до того осуществляемая, утрачивает значение, превращаясь в процессуирование, смысла в котором нет, жизнь приобретает бессмысленную форму существования, в котором утеряна её основа – целесообразность. В этом случае необходима корреляция либо реорганизация системы «человек – деятельность», изменение формы, вида деятельности. Прерогатива при этом остаётся за человеком, ему необходимо определить необходимый вариант её осуществления. Выбирая его, человек обращается внутрь себя, оценивая имеющийся потенциал, и приступает к осуществлению новой деятельности, что в итоге способствует обретению устойчивости в жизни и возврату её смысла.

Итак, деятельность является ключом к определению смысла жизни. Она является таковой в том случае, когда является ценностной для человека. Осуществляя деятельность, человек приводит в гармонию свои потребности и способности, достигая тех результатов, которые значимы для него и приемлемы для общества, то есть ценностны. Пиком человеческой деятельности является самодеятельность, отражающая глубину смысла жизни. Это свойство творческих людей. Особое внимание уделяется семейной жизни. Она характеризует такой род человеческой деятельности, которая предназначена для воспроизводства самого человека, жизнь которого является высшей ценностью. Это особая деятельность человека – существа телесного, условием которой является не только физическая, но и духовная близость, взаимная любовь, уважение, обоюдная забота, радость совместной жизни, единство цели. В этом заключается смысл семейной жизни.

Деятельность служит мерой ценности жизни, определению её смысла. Человек сам определяет цель и задачи деятельности, её содержание и форму. В этом заключается ответ на поставленный вопрос. Но есть в жизни такие явления, которые подрывают её ценность, нивелируют смысл человеческой жизни. К таким явлениям относится наркомания.

Проблема наркомании.

Наркомания напрямую касается человеческой жизни, её ценности и смысла. При наркомании происходит подмена истинной ценности и смысла человеческой жизни на мнимые. На первый план выходит антиценность – наркотик, которому искусственно приписывают некое живительное свойство, скрывающее его губительную сущность. Жизнь с наркотиком представляется в эйфорических красках, которые быстро блекнут в преддверии близкой и мучительной смерти. Человеческие константы – жизнь и смерть – в этом случае практически неразличимы. Жизнь становится смертельным мгновением.

Наркотики – это вещества, применяемые в медицине как снотворные или обезболивающие, для получения наркотического эффекта. Наркоманы используют их в целях достижения особого психического состояния – эйфории, которая даёт ощущение возбуждения, прилива сил, бодрости, значимости и даже неограниченности своих возможностей. Эйфория проявляется в некой оглушённости, безмятежности, благополучии. Человек теряет ощущение реальности, забывается на короткое время, в течение которого он совершенно раскован. Сознательно употребляя наркотики, наркоман разрушает организм, истощает тело, теряет человечность, опускаясь на социальное дно. Он знает, что за мгновением наркотического эффекта обязательно последует изматывающая всё тело боль, ломка и наступит смерть, но телесность слаба, воли нет, и человек продолжает собственное самоуничтожение. Эйфория опасна тем, что её эффект соблазнителен и у человека – существа телесного возникает желание его повторить. При этом индивид, употребляющий наркотики, ведёт себя иначе, чем окружающие его люди. В его поведении и внешнем облике появляются

характерные изменения, суть которых сводится к тому, что пропадает интерес к делам, развлечениям, учёбе, друзьям; периодически возникает неудержимый аппетит или полное равнодушие к еде, возникает постоянная жажда; появляется сонливость или бессонница; заметна утомляемость, погружённость в себя, плохое настроение, нервозность, агрессивность, скрытность; появляется непривычный блеск глаз, зрачки постоянно расширены или превращены в маленькую точку. В таком случае стоит оценить ситуацию и принимать необходимые меры, так как наркотический соблазн у больного человека велик, мозговые рецепторы перенастроены и ослабленный организм не справляется со своими функциями: жизнь может прерваться в любой момент.

Понимая особую опасность наркомании и её последствий, в обществе должны регулярно осуществляться мероприятия по искоренению этого явления. Разъяснительная работа, начиная с семьи, в совокупности с целенаправленными действиями общества, государства о губительном воздействии наркотических средств тогда достигнет цели, возобладает приоритет ценности человеческой жизни. Суть в том, что пути в завтра у наркомана нет. Он социально потерян: о профессиональной карьере можно забыть, семья не состоится, продолжение рода невозможно, здоровье подорвано, психика разрушена. Во всех сферах (институтах) общественной жизни – в экономике, управлении, науке, педагогике, медицине, обороне и других востребован духовно и телесно развитый человек, способный адекватно воспринимать окружающую действительность.

Социальная опасность наркомании состоит в том, что в результате употребления наркотиков нивелируется сущность человека, происходит деградация личности; находясь в состоянии наркотического опьянения, человек не может контролировать свои действия, адекватно воспринимать происходящее; наркоман ведёт аморальный образ жизни, является причиной преступлений и правонарушений; наркомания угрожает физическому и нравственному здоровью общества, способствует национальному вырождению; наркоман потенциально опасен для общества, так как способен расширить наркотический круг, вовлекая в него духовно и телесно слабых людей.

Здоровый образ жизни.

Ведение здорового образа жизни для человека, понимающего её смысл и ценность, закономерно. Здоровье определяющая ценность человеческой жизни, оно во многом способствует осуществлению задуманного в ней. Здоровый образ жизни помогает человеку осознавать собственное «я», уверенно решать стоящие задачи. Для этого необходимо поддерживать в тоне свою телесную организацию, обладать духовным оптимизмом. Этому способствуют регулярные физические нагрузки, соблюдение гигиены, рациональное питание, гармоничные сексуальные отношения, нравственная чистота, возрастная ритмизация, а также социальные факторы. Здоровый образ жизни – это форма целесообразности, активность и адаптивность человека, деятельность,

направленная на укрепление и сохранение здоровья. Это комплекс устойчивых, полезных для здоровья привычек. Здоровый образ жизни строится с опорой на знания, традиции, культуру. Существуют биологические и социальные факторы здорового образа жизни:

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
<ul style="list-style-type: none"> • естественная среда; • рациональное питание, натуральные продукты; • активный отдых, закаливание; • регулярные физические нагрузки; • спокойный сон; • гармоничные сексуальные отношения. 	<ul style="list-style-type: none"> • деятельность, творчество; • приятный круг общения; • психологический комфорт, минимизация стрессовых ситуаций; • культурный досуг; • устроенный быт; • семейная гармония; • моральная удовлетворённость; • отсутствие вредных привычек <p>[4 с. 305].</p>

Человек – существо биосоциальное. Его телесность требует уважительного отношения, учёта биологических и социальных факторов. Привести их в соответствие проблема вполне посильная для homo sapiens. Для этого необходимо относиться к жизни как высшей ценности, осознавать её смысл, своё предназначение, вести здоровый образ жизни. В этих целях важна мировоззренческая позиция человека, его мировоззренческая культура, способствующая осознанию высшей ценности – ценности человеческой жизни.

Список использованной литературы:

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Эксмо, 2006. С. 538.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов/Под ред. докт. филол. наук. проф. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1982. С. 653.
3. Петров В.П. Философия. Курс лекций : учеб. для вузов. 2-е изд. испр. и доп. / В.П. Петров. – М.: Издательство ВЛАДОС, 2018 С. 305.
4. Compact edition of the Oxford English dictionary. – Oxford, 1972. P. 232.

Раздел II ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

АБРАКОВА Т.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ 50–80-Х ГОДОВ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Выборы депутатов в советы различных уровней – часть системы советской власти 30-х – середины 80-х годов XX века. Историография этого исторического явления стала складываться на рубеже XX–XXI веков. В последнее десятилетие XX века сформировалось суждение, что проводившиеся выборы – это часть тоталитарного строя, который формально одобрялся участием в них большинства советских граждан. В целом советская избирательная система длительное время не была объектом разносторонних исследований; исключение составляли лишь выборы в местные советы. Однако полученные результаты позволяли составить ограниченное представление о некоторых аспектах общественной жизни советских граждан.

В начале 2000-х годов возникает большой научный интерес к исследованию взаимодействий общества и власти в СССР, в рамках которого начинается изучение выборов различных уровней в советское время. Так, Н.М. Меликова [6] проанализировала в целом советский избирательный процесс с 1936 по 1985 годы: от принятия советской Конституции, которая зафиксировала права граждан избирать и быть избранными, до последних выборов, проведенных в советских традициях с использованием выверенного канона избирательных процедур. Изучая всеобщие выборы на данном временном отрезке, она, с одной стороны опиралась на традиционное положение историографии предшествующего времени о том, что советы – это декоративное украшение советского тоталитарного режима, а выборы в них проходили с нарушениями норм избирательного права. С другой – представила новые суждения о дополнительных направлениях в изучении данного вопроса.

В частности, был обозначен взгляд на избирательные кампании не только как на механизм выбора депутатов, но и как на особый ритуал, который имел несколько важных целей: укрепление взаимодействия между властью и обществом; одобрение гражданами политики, проводившейся государством через голосование за предложенных кандидатов в депутаты. Другой аспект рассмотрения выборов 30-х–50-х годов XX века – форма праздника, особенно ярко демонстрирующего трудящимся достижения и успехи социалистического строя. Наряду с этим автором был представлен анализ причин роста формализма в организационно-массовых процессах выборов 60–80-х годов XX века. В целом

Н.М. Меликова обозначила новые, современные, на наш взгляд, объективные подходы к анализу исторического опыта советских избирательных кампаний, которые в первые десятилетия XXI века стали основой для их всестороннего изучения российскими историками. Представляется целесообразным одновременно проанализировать и другие результаты исследований советских избирательных кампаний.

Известно, что основа советской избирательной системы была заложена в Конституции 1936 года, дальнейшему её становлению способствовали проведенные в 1937 году первые выборы в Верховный Совет СССР. Развитие законодательства в послевоенное время рассмотрено в работах А.А. Дудникова [2], И.В. Упорова [12], А.С. Палазяна [9]. Исследователи сделали вывод, что его базовая часть была прежней – законодательство 1936–1937 годов, но в Положение о выборах 1947 года и в его обновленную редакцию от 1950 года были внесены изменения, расширявшие права советских избирателей. Дополненное таким образом названное Положение и Закон о выборах 1950 года просуществовали без каких-либо изменений вплоть до принятия советской Конституции 1977 года. Вышеназванные ученые проанализировала применение этих документов в избирательных кампаниях – выборах депутатов в Верховный Совет РСФСР 1947 года и местные советы 1950 года.

Выше отмечено, что первые выборы в Верховный Совет СССР проводились в 1937 году. Их подготовка – организационно-массовая и агитационная – стали образцом для осуществления последующих кампаний послевоенного времени в 1946, 1947 и 1950 году. Именно тогда происходит дальнейшее развитие и закрепление принципов и канонических традиций в организации избирательных кампаний. Это обстоятельство привлекло современных ученых к их дополнительному исследованию, особенно на региональном уровне. Так, процесс их организации рассматривается на основе анализа документальных источников, касающихся Ярославской, Саратовской, Пермской областей, Западной Сибири и т.д. [8], [7], [3], [4]. Например, А. Киммерлинг [3] изучала выборы 1946–1947 годов не только как кампании, проходившей под контролем местных партийных органов, но и как возможность объективно представить трудящимся достижения советской власти в послевоенные годы.

А.Ю. Подосинников [10] выполнил исследование документов советских выборов в Курской области, относящихся к середине 50–70-х годов XX века. Опираясь на изученные архивные материалы, были выделены важные новые тенденции, характерные для подготовки выборов позднесоветского периода и отношения к ним трудящихся. Во-первых, произошли существенные изменения в степени контроля избирательных процессов со стороны партийных органов. Наиболее высоким он был в начале 50-х, а снижение его стало происходить с середины 60-х годов.

По мнению автора это было обусловлено тем, что выборы стали традиционными и постоянными для советского государства и его граждан,

уровень образования и политической грамотности которых к этому времени стал достаточно высоким. Во-вторых, происходило постепенное снижение внимания граждан к избранию депутатов в советы различных уровней. Исследователь считает, что это было связано с несколькими обстоятельствами, касающимися особенностей развития советского общества тех лет. Среди них – противоречия между реальной и приукрашенной средствами пропаганды жизнью советского человека. Фактически стало проявляться отсутствие материальных стимулов к труду, всё чаще возникали сравнения с западными условиями жизни, критически рассматривались постулаты советской морали. Определённое значение имела «кухонная революция» – граждане при отсутствии страха перед репрессиями постоянно обсуждали будущее и настоящее СССР. Однако всё это не вело трудящихся к открытой оппозиционности, т.к. они в эти годы воспринимали власть как действенную систему, обеспечивавшую базовые социальные потребности. Участвуя в выборах, они надеялись на улучшение социальных условий жизни.

А.Ю. Подосинников также выделил неизменные положительные стороны в организации избирательных кампаний середины 50-х – начала 70-х годов XX века. Это: агитационно-пропагандистская и техническая работа избирательных комиссий, избирательная активность населения. Опираясь на материалы избирательных кампаний в Курской области, исследователь приходит к обоснованному выводу, что выборы второй половины XX века для советского человека становятся ритуалом, в котором необходимо регулярно участвовать; механизмом, влияющим на общественное сознание, доказывающим силу и власть правящей партии.

Позднесоветские выборы вновь изучались исследователями на основе материалов различных регионов страны [1]. Так, например, А. А. Фокин проанализировал кампании 1966–1977 годов на основе архивных документов Челябинской области. [13], [14]. Он, как и А.Ю. Подосинников, приходит к выводу, что выборы были особым ритуалом, наполненным множеством смыслов. По его мнению, выборы – это некий показатель доверия населения к существовавшей власти, которая в тот период обеспечивала социальную, экономическую стабильность советскому обществу. Участие в выборах – своеобразный способ привлечения внимания граждан к политической жизни СССР. Отмечалось также, что избирательные кампании не только один из постоянных ритуалов советской действительности, но и особый политический процесс с набором определённых элементов демократии. Избиратели в целом оказывали доверие власти через одобрение предложенных к избранию кандидатов, и делегирование им, как представителям народа, своих полномочий. Анализ проводившихся избирательных кампаний в Челябинской области также показал, что характерной особенностью выборов была практически стопроцентная добровольная явка граждан для голосования на избирательные участки, за которую активно боролись избирательные комиссии. Одновременно, как и в других исследованиях, отмечено, что в подготовке выборов 60–70-х

годов XX века активное участие принимали областные органы власти, стремились придать дню выборов форму народного праздника, прославлявшего советскую действительность.

А.А. Фокин сформулировал важный вывод, касающийся, на наш взгляд, как избирательных кампаний 60–70-х годов, так и выборов позднесоветского времени в целом. Он отмечал, что они были сложной и многофакторной системой с чертами демократии, игрой по определенным правилам, но с предсказуемым результатом.

Изложенный выше анализ историографии первых десятилетий XXI века позволяет сделать вывод, что советские выборы XX века вызывают интерес ученых. Они анализируют их с разных сторон: законодательная основа, организационно-массовые вопросы, положительные и отрицательные стороны политических процедур, культурологические аспекты и т.д. Основой для подобного системного подхода служат объективные исследования архивных материалов регионов России. Именно они позволяют исключить односторонний взгляд, который был превалирующим в трудах историков конца XX века, рассматривавших выборы как формальный атрибут советской тоталитарной системы. Современные исследователи предлагают новые аспекты для последующей разработки темы: выборы как инструмент развития политического образования и культуры советских граждан; как элемент постижения ими советской государственной системы.

Список литературы:

1. Абракова Т.А. Власть и общественное мнение периода «оттепели» //Сост. А.А. Кулаков, Л.П. Колодникова, В.В. Смирнов //Общество и власть. Российская провинция 1953 г.–1965 г. (по материалам Нижегородских архивов). В 6 т. Т. 4. Ч. II. – М.: ИРИ РАН, 2007. – С. 307–406.
2. Дудников А.А. Закон о выборах 1950 года: общая характеристика и значение в правовом регулировании института местных Советов //Вестник КРУ МВД России – 2009 – №1. – С. 71 – 75.
3. Кимерлинг А.С. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании //Вестн. Пермского ун-та. Серия История, – 2016. № 4(35). – С. 104 – 114.
4. Колязимова М.М. Идеолого-пропагандистские кампании, связанные с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946 г. (по материалам Кемеровской области) //Вестн. Кемеровского Гуманитарного Ун-та. – 2013. – № 4 (56). – Т.2. – С. 33–36.
5. Кудрякова Д.В. Особенности организации и проведения выборов в Советском государстве в 1988 – 1989 гг. //Науч. журн. Куб. ГАУ – 2013. – № 87.
6. Меликова Н.М. Исторический опыт функционирования советской избирательной системы, 1936 – 1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук; – М., 2001 г.

7. Моисейченко Л.А. Власть и духовно-нравственное состояние общества в послевоенные годы (1946–1953 гг.): региональный аспект //Известия Саратовского ун-та. Серия История. Международные отношения – 2013. – Т. 13. – вып. 4.

8. Оксем К.В. Пропагандистский аппарат ярославского обкома КПСС //Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №4. – Т. 1 (Гуманитарные науки) – С. 313–317.

9. Палазян А.С. Правовое регулирование института местных Советов депутатов трудящихся в послевоенный период //Общество и право. – 2012. – №5 (42). – С. 35 – 38.

10. Подосинников А.Д. Исторический опыт проведения выборов в органы народного представительства на территории Курской области в 1950 – 1970-е годы: автореф. дис. ... канд. истор. наук; – Курск, 2015.

11. Туманов Д.Ю. Основные проблемы обеспечения Конституционных прав и свобод советских граждан во второй половине 1930^х – начале 1960^х годов //Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – №1. – С. 257 – 259.

12. Упоров И.В. Положение о выборах в местные советы 1947 г.: политико-правовой анализ //Междунар. журнал «Содружество». – 2017. – № 12. – Т. 1. – С. 71 – 75.

13. Фокин А.А. Выборы в СССР в 1960 – 1970^е годы: симуляция или элемент демократии? //perspectivia. net. Soviet History Diskussion Papers. – 2014. – № 5. – С.1 – 11.

14. Фокин А.А. «Товарищи! Разрешите мне поблагодарить Вас за оказанное мне доверие в советском избирательном процессе» //Вести Пермского ун-та. Серия История. – 2015. – №3 (30).

БАБОШИНА Е.Б.

ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган,
Российская Федерация

К НОРМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАК СТАНОВЯЩЕМУСЯ В ПОЗИЦИИ СМЫСЛА

В понимании нормы человеческого мы опираемся на позицию Аристотеля, для которого норма человека выступает особым, надприродным образованием. Полития определяется философом наукой о способе и содержании существования человека, главной из наук о человеческой жизни. В понимании нормы для него важно и понятие сущности, «одного из родов сущего», всему же соответствует форма или образ; материя (род сущего) есть «возможность», а ее форма – «энтелехия» («знание» и «деятельность созерцания»); душу философ рассматривает «живым в возможности», «энтелехией тела» [3, с. 14]. По Аристотелю, таким образом, есть становление, превосходящее мир природы и ее

норму. В этом есть и момент лишения, но, с очевидностью, это и приобретение. Именно в этом механизме мы усматриваем преодоление нового старым. Это диалектика, сопряженная с метафизической основой процесса.

В этом смысле человеческая природа самым природным началом настроена на собственное преодоление, но вопрос о качестве процесса касается не только нормы природного в переходе к норме социального, но связан со смысловым порядком процесса и цели. Следуя логике Аристотеля Ф. Аквинский, в своем рационализме мысли, определяет сущее как все, что может представляться через «утвердительное высказывание» и такое сущее, в отличие от иного, отрицательного, «выражает сущность вещи (*essentia rei*)» [2, с.2].

В позиции Аристотеля и его последователей мы видим, что норма человеческого, в том числе в ее социальной сущности, не есть проявление только имеющейся возможности, но всегда превосходящее себя событие. Под событием мы понимаем такой ситуативный факт, в котором перекрещиваются ведущие моменты сущего в его прежнем и наличествующем состоянии, но которые в сочетании с возможностью нового, порождаемого новой необходимостью в новой ситуации, вызывают в этом имеющемся сущем иную возможность как реальность.

В отечественной мысли мы видим проявление этой идеи в идее Пре-Образа: идея пре-ображения возможна только в истинном событии как событии. Вся отечественная богословская традиция, Православие настроены на такую цель как истинный и главный смысл приобщения человека к миру Божественного (Т. Задонский, В. Зеньковский, И. Златоуст, П. Флоренский, др.). В Идее Обожения строит свое миропонимание и Вл. Соловьев [11], о ведущих ценностях процесса становления человеческого как идее Абсолютного Добра и норме движения к нему пишет Н. О. Лосский [7]. Православная традиция понимания человеческого строится на его жизнеутвердительности. Ее характеризует не только любовь к Богу, но и Бога к человеку. В такой позиции место смысла как главного значения нормы всегда сопряжено с ценностью как объективностью в отношении к сущему, то есть выражающему значение и главный смысл этого сущего в его сущности.

Поиск же человеком смысла есть в этой концептуальной схеме всегда поиск ценностной опоры в самоопределении как определении нормы для себя в поиске нормы общего. В этом понимании норма человеческого не бывает искусственной, а ее сущность из этоса. Тогда социальная норма есть выражение складывающегося порядка социальной жизни в силу этического характера и содержания отношений людей; однако мы различаем социальные взаимоотношения в непосредственных взаимосвязях людей и их действиях от общего социального места в структуре общества как метасистеме.

С этой точки зрения социальная норма есть порядок и выражение этого порядка в случае, когда она совпадает с позицией этического смысла людей, когда в ее содержании выражено исторически и культурно проявленное значение, помогающее ее транслировать от социального к индивидуального. От

общего к особенному путем восхождения от абстрактного к конкретному. В такой социальной норме есть большой потенциал правотворческой функции, что также свидетельствует об ее органической социальной сути, как связанной с ценностным смыслом. В логике Аристотеля о норме как выражении сущего в его сущности, это и есть счастливое единение формы и содержания. Так, философ-правовед Б.С. Шалютин справедливо замечает, что «моральные принципы есть объективная реальность, не «не от мира сего»; более того это правила *«реально существующего регулятора поведения»*, который, однако, есть всегда «предмет рефлексии», например, в этике; «и хотя нормативное предложение не подлежит логической оценке «истинно – ложно», оно вполне может оцениваться гносеологически» [15, с.95].

Итак, в оценке нормы человеческого важную роль выполняет рефлексия социальной нормы как того, что складывается не только под влиянием природной необходимости, но становится областью гносеологии и этики одновременно, “ключом” же к этому анализу выступает ценностная позиция (метаустановка, например, Богоборческая традиция; идея права в его превалирующем этическом прочтении, наконец, это сама этическая традиция с ее пониманием ценности и смысла имеющейся, например, социальной нормы как формы человеческого), и эта позиция в оценке сущего как сущности в подлинном становлении человека как проявлении собственной нормы важна именно “жизнеутвердительность”, но эта позиция нуждается в объективации духовного начала человека, в противном случае теряется ценностная основа бытия как позиция смысла становления.

Форму и содержание такой позиции вырабатывает Культура, забвение одухотворяющей роли длится уже долго как уход от традиции. Оправданием процессу в постмодернизме выступает выход в новое измерение, которое, однако, не предлагает именно этой жизнеутвердительности, чем составляет область сомнения в развитии. Между тем происходит не просто отход от прежней культурной традиции как старого, но совершается метаморфоза подмены истинного становления на ложное. а норма процесса перестает быть гарантией реальности как необходимости. И все это усиливается с развитием меновых отношений и только ускоряется в мире высоких технологий. Если меновые отношения порождают в человеке ложные потребности, о вероятности чего писал Еще К. Маркс в «Экономических рукописях...», что позже явление исследовали как негативный результат социальной эволюции представители Франкфуртской школы (А. Адрено, Г. Маркузе, др.); то мир виртуальной реальности и информационного бума в его псевдохарактере породил двусмысленность социального, за нормы которого выдаются тиражируемые фэйки и происходит скрытая и откровенная манипуляция человеческим сознанием.

В особой мере падение внимания к норме, как итогу естественной морали, проявляется в перерождении массовой культуры. К сожалению, надежды, высказываемые ее отдельными исследователями (Г. Сохраняева [12]), по поводу

формирования массового добросовестного, качественного исполнителя, личности с высоким уровнем социальной ответственности, мало соответствуют истинному положению вещей. Развитие “фэйковой” и манипуляторской социализации с ее псевдонормативностью и давлением на сознание и образ жизни личности создал социального монстра в форме «массовой культуры». В перерождении нормы человеческого как ситуации постмодерна мы солидарны с К.З. Акопяном, А.В. Захаровым, С.Я. Кагарлицкой и другими в том, что человек становится социокультурным в развитии надындивидуальных потребностей и что «массовая культура — это, вообще-то, не культура для масс и не культура масс, ими творимая и ими потребляемая», таковая «не творится массами по заказу и под давлением сил, господствующих в экономике, идеологии, политике»; в норме она противостоит элитарной, как универсалия; но ее появление в индустриализации усилилось «в период информационных технологий», и данная культура стала «культурой массового общества» [10, с.7].

Однако, исследователи Франкфуртской школы в изучении социальных противоречий обнаружили, что «сила массовой культуры такова, что способна вызвать конформизм, удерживать реакции потребителя в инфантильном, статическом состоянии, манипулировать ими с помощью ложных обещаний, удовлетворения инстинктов»; так произошел резкий разрыв между массовой культурой начального периода и сегодняшней, а наряду с «институциональными изменениями происходят когнитивные изменения, и наиболее значительное – потеря индивидуальности» [10, с.33]. Т. Адорно подчеркивает ее противоположную роль просвещению в силу общего обмана [1]. При этом никогда человек массы не был столь многочисленен, социально структурирован. В новых условиях массовой культуры происходит не социализация, по мнению ученых, а «массофикация», или «качественная характеристика процедуры «подгонки» личности под массовый стандарт, когда мышление и сознание личности подстраиваются под образцы», «требуемые обществом»; сегодня речь уже идет и о «виртуальной идентичности» и предлагается «широкий выбор готовых образцов и стилей поведения» [10, с.48, 50].

С этих позиций норма человеческого, связанная с «бытийствованием» человека как «специфически социального», действия которого «остаются в «эфире» культуры», где каждый, опредмечиваясь, становится «творцом» культуры и жизни (позиция Г.С. Батищева [4, с. 70, 71]), теряет свое значение и смысл. И хотя каждое действие ведет к отдельности, проявляя со временем норму процесса, в новых условиях, человек лишается главного – собственной истории как приключения, поскольку не всякая история подлинна. Подлинность же смысла в норме человеческого проявляется только в творчестве, о чем писал и Н.А. Бердяев [5], не случайно также массовой культуре в ее современном виде как примитивности противопоставляется искусство в его высоком значении.

Без позиции смысла, вмещающего в себя объективную ценность, человек становится через мутацию, лишая себя сущности как возможности, где тело,

находясь в бытии, отстоит от души. Такая рационализация человека ведет не столько к киборг-сознанию, сколько рассеивает его на мелкие идентичности. Так, Н.М. Чуринов подмечает, что еще вопрос, есть «ли кто дома» [13, с. 217].

Норма и смысла в становлении итак не совпадают, однако в этой реальности они распадаются окончательно. Так, Ж. Делез, отталкиваясь от Платона о двух измерениях – «ограниченном» и «чистом становлении», – пишет о «подлинном и непрерывном умопомешательстве, пребывающем сразу в двух смыслах»; где различие не между копией и моделью, но между «копией и симулякрами» [6, с.15-16]. Особость ситуации связана и с языком, который здесь знак, разворачивающий приключение. Однако, увидим, если он симулякр, то и история приключения перестает быть настоящей. В слове же важно, что подмечает Н.М. Чуринов как особое достоинство русского языка – стремление к Совершенству, поскольку такое слово, и по М. В. Ломоносову, не нуждается в знании ««гистории и нравоучительной философии», «слово свободно в тех пределах, которые предписаны законом», в русском языке ценна именно модель совершенства, а не «свободы слова» [14, с.189-190]. Но в том-то и дело, что, по Ж. Делезу, в постмире «событие соразмерно становлению, а становление соразмерно языку» [6, с.25].

И в таком приключении становится даже то, что не обладает смыслом, даже если личность находится в виртуальном поиске и вообще ее нет, но она проявляется как участник действия, в игре с особыми правилами, но без заданного образца. Однако, подчеркнем, что это и не то творчество, которое можно сопрягать со Смыслом как результатом поиска себя, поскольку этот поиск заранее не предполагает норму как культурный эффект. Есть чистое ее потребление, поскольку нет подъема ко Всеобщему, к Духу.

В этом редукационизме социального мира личности происходит эффект, который Г.С. Батищев связывал с результатом «субъект-объектным отношением» как «единственно фундаментальным отношением человека к миру», что в итоге лишает человека «субъектности» [4, с.47]. Выходом для современной личности из устрашающего приключения в массовости условий становления с описанными характеристиками, мы видим, конечно, стремление к совершенству как норме подлинно человеческого участия человека в мире, которое может быть осуществлено как шаг к себе, своей энтелехии в возможности постановки душевно-духовного вопроса в приоритет над эгоизмом потребительского начала.

Поэтому мы не можем не разделить позицию, известную со времен Платона о роли прекрасного, поскольку как подчеркивает философ-эстет М.Н. Щербинин, «художественно-эстетическая фигуративность» «продолжает участвовать в смыслогенезе, сохраняя определенную перспективу в гармонизирующем развитии человека и его сущности» [16, с.13]. Добавим, что в поиске сущности человека как совершенства в мире и подлинном бытии только и может проявиться норма человеческого в ее бесконечном стремлении к Идеалу.

Список литературы

1. Адорно Т. Социология музыки// Избранное. М.; СПб., 1999.
2. Аквинский Ф. О смешении элементов. О сущем и сущности. М., 2006.
3. Аристотель П. О душе. Мысль, 1976.
4. Батищев Г. С. Корни и плоды. Размышление об истоках и условии человеческой плодотворности // Наше наследие, 1991, №5(23), с. 1-4.
5. Бердяев Н.А. Смысл творчества (опыт оправдания человека). М., 1916. 358 с.
6. Делёз Ж. Логика смысла. М.: "Раритет", Екатеринбург, 1998. 480 с.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., 1991. 368 с.
8. Маркс К., др. Сочинения. Изд. второе. М., 1968. 317 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1986.
10. Массовая культура: Учебное пособие / К.З. Акопян, А.В., Захаров, С.Я. Кагарлицкая, др. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 304 с.
11. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве: Духовные основы жизни; Оправдание добра. Минск: Харвест, 1999. 910 с.
12. Сохраняева Т. «Массовый человек» как субъект образования// Высшее образование в России, 2002, №4. с.99-106.
13. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 712с.
14. Чуринов Н.М. Совершенство слова: теоретический анализ. Святая Русь: совершенство слова. Красноярск. 2012. 596 с.
15. Шалютин Б.С. Мораль, право и ложь//Этическая мысль. Т.16, №1, с. 93-111.
16. Эстетическая антропология: фигуративный аспект: монография / Под ред. М.Н. Щербинина. Тюмень : Мандр и К, 2014. 192 с.

БЕЛОУС Т.И.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ФОЛЬКЛОР

Историческое изучение фольклора очень широкая тема, поэтому будем рассматривать этот вопрос на примере датировки фольклорных произведений. Это одна из самых сложных проблем для исторического изучения фольклора и этнографии, так как фольклорное произведение – результат коллективной устной художественной деятельности носителей традиции и, возникнув, оно претерпевает изменения, которые со временем накапливаются и позднее закрепляются в тексте. Поэтому для датировки мы должны в идеале воссоздать всю историю зафиксированного текста, имея в виду, что определенные элементы его могли возникнуть до сложения того текста, историю которого мы

узнали. История существования фольклорного произведения до его фиксации могла быть весьма длительной. Общеизвестно, что первые записи исторического фольклора относятся к XVII веку, а первая научная публикация (Кириши Данилова) осуществлена только в начале XIX века [2].

Признавая предысторию текста и его динамичность, при возможном наличии равноценных вариантов, все же необходимо решать вопрос о времени первоначального возникновения того или иного фольклорного произведения. И здесь нужно призвать к осторожности. Конечно, могут встретиться совершенно разные случаи. Например, можно уверенно утверждать, что пословица «Погиб, как швед под Полтавой» не возникла ранее 27 июня 1709 г., а изучение истории какой-то сказки может увести нас через ряд сюжетных трансформаций в архаическую глубину первобытного фольклора, и в этом случае будет трудно решить, какая из трансформаций является начальной.

Замедленность развития традиционного мировоззрения, верований, быта крестьянства, бывшего основным носителем фольклора, обусловило многовековую популярность многих произведений. С другой стороны, в фольклоре отмечается одновременное сосуществование архаических и новых форм, поэтому здесь обычным является включение традиционных элементов в более поздние эстетические системы, а это позволяет в лучшем случае установить предположительные «нижние» хронологические границы явления, и очень редко возможно что-то сказать о «верхней» границе, что заставляет исследователей извлекать из фольклорного произведения, выражаясь языком археологов, «датирующие детали»: упоминаемые события, исторические имена, географические названия, связанные с историческими эпизодами, и т.д. Удачи и поражения исследователей здесь связаны не только с большей или меньшей исторической эрудицией, но в не меньшей степени с правильным пониманием художественной природы фольклорного жанра, а последнее учитывают не все. Например, исторические предания прежде всего выполняют информативную функцию, они очень дорожат именами героев, названиями мест их деятельности, индивидуальной спецификой их подвига, а эстетическая функция в них выражена слабо. В отличие от преданий, эпические героические произведения (те же былины) очень развиты эстетически, ибо в них все подчинено обрисовке монументального образа героя-богатыря, а названия географических названий, имена других героев для сказителей второстепенны и имеют множество вариантов: татарский хан может именоваться Бытыгой, Мамаем, Калиным-царем, Скурлой, Идолищем и т. д.

И даже те исторические жанры фольклора, где, казалось бы, соотношение исторических и фольклорных фактов должно быть более реальным, требуют осторожности в датировке. На первый взгляд, зависимость между историческим и фольклорным фактом проста: сначала что-то происходит и только потом (или одновременно) это событие может быть отражено в фольклоре. Но нередко обнаруживаются два или несколько исторических факторов или лиц (например, два исторических прототипа былинного Владимира) [1]. Еще более интересна

версия В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова по поводу исторической песни «Гнев Грозного на сына» (её обычно датируют 1581 г., реже 1590 г. или первой четвертью XVII в.), в которой они высказали предположение, что песня возникла ранее 1581 г. [3], и тому есть основания. А К. В. Чистов убедительно доказал, что легенда о покушении Петра I на жизнь сына возникла по крайней мере за 13 лет до его реальной гибели, ссылаясь, на документы, в частности, на письма от 1705 г. посла Петра А. А. Матвеева в Париже генерал-адмиралу Ф.А. Головину, где пересказывается содержание названного сюжета, который дошел уже до Франции [4].

А. А. Матвеев пересказал одну из современных ему и вполне самостоятельно возникших легенд о царевиче Алексее, хотя в те годы бытовали и другие рассказы о покушении Петра I на Алексея. Народное воображение обогнало реальное развитие событий и создало сюжет, который не опирался на уже существующие факты, но, надо сказать, объективная база для него все же была: затяжной конфликт Петра и Алексея. Фольклорные произведения часто отражают не просто отдельные исторические случаи, а относительно устойчивые и типичные ситуации, отражающие важные социальные, политические или нравственные коллизии. Создатели фольклорных текстов могли воспользоваться для воплощения своего замысла известными историческими фактами, а если таковых не было, придумать их, причем народная фантазия могла и обогнать реальное течение событий.

Сказанное обуславливает, что фольклористика вынуждена, как и этнография, и археология, удовлетворяться относительной хронологией, лишь изредка, при благоприятных обстоятельствах, прорываясь к абсолютной хронологии (то есть к конкретным датировкам). Датировка фольклорных произведений особенно сложна для нефольклористов, не всегда учитывающих эстетическую природу жанра, даже в тех случаях, когда так называемые «датирующие детали» находят себе как будто некоторое соответствие в известных исторических фактах. Всегда надо учитывать, что фольклорные факты не тяготеют к эмпирически понятой хронологической определенности. Факты, относящиеся к фольклорному ряду, можно интерпретировать при помощи фактов исторического ряда, только выяснив конкретное взаимоотношение их в каждом отдельном случае, а для этого необходимо настойчиво разрабатывать общую теорию взаимоотношения фольклора (описывающего, как правило, события прошлого) и действительности, как и соотношение старого и нового, привнесенного в фольклорные произведения.

Литература:

1. Астахова, А.М. Былины Севера. / А. М. Астахова. - М.-Л., 1938. Т.1, с.570-572; Пропп, В.Я. Русский героический эпос. / В. Я. Пропп. -М., 1958. С. 575-577.
2. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818.

3. Пропп, В.Я. Песня о гневе Грозного на сына / В.Я. Пропп // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. – 1958. - №14. – Серия истории, языка и литературы, вып. 3. С. 75 – 103; Путилов, Б.Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына / Б. Н. Путилов // Русский фольклор. М.-Л., 1959. Т. 4, с. 5 – 32.
4. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор. / К. В. Чистов. - Л., 1986. С. 187 – 189.

БЕРЕНДЕЕВ В.А.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

СУЩНОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДУХОВНОГО КРИЗИСА НА ЗАПАДЕ В ПОНИМАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО «МОДЕРНА» (НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЭРНСТА ЮНГЕРА)

Немецкого философа и публициста Эрнста Юнгера (1895–1998 гг.) принято считать знаковой фигурой в рамках общеевропейских интеллектуальных исканий, именуемых «консервативной революцией». Здесь, в отличие от так называемых «младоконсерваторов», он придерживался более «левых» взглядов, которые вполне допустимо называть «национал-революционными» [1]. Считается, что именно общественно-политические воззрения Э. Юнгера занимают центральное положение среди концепций «представителей радикального крыла “консервативной революции”» [5].

Обращаясь к рассмотрению соответствующих взглядов Э. Юнгера, следует остановиться на некоторых ключевых моментах творчества этого мыслителя. В первую очередь, здесь следует заметить, что критический настрой Юнгера по отношению к распространенным на Западе двум противоположным оценкам наиболее серьезных испытаний в жизни человека (буржуазно-морализаторской и вульгарно-ницшеанской) был, в значительной степени, сформирован под влиянием тяжелого опыта его участия в Первой мировой войне. Именно по ее итогам и был опубликован дневник бывшего фронтовика «В стальных грозах» (1920 г.), который стал самым знаменитым юнгеровским трудом, одинаково высоко оцененным и «милитаристами», и «пацифистами» [7]. Его дополнила еще более глубокая в философском плане работа «Борьба как внутреннее переживание» (1922 г.), в которой Юнгер подчеркнул, что именно война – «большая школа» – «вычеканила и закалила» нового человека особой «породы» [6]. Примечательной особенностью юнгеровских социально-политических воззрений этого периода стала позиция, «которую можно было бы назвать установкой “работника войны”, если учесть смысл в последующие годы созданной Э. Юнгером» в объемном очерке «Труженик» (1932 г.)

«интерпретации гештальта, или образа рабочего» [4]. В данном, поистине эпохальном, сочинении он предложил свое видение различия между характерным для буржуазного общества «пролетарием» и тем, кого счел возможным именовать «тружеником» [9]. Так, «пролетарий» – «“количественное” чудовище» – «порожден капитализмом и вне» его «он просто не имеет смысла, тогда как “труженик” лишь поработен капитализмом». Преодолев это своеобразное рабство, «труженик», «как носитель качества, почвенности и традиции легко воссоздаст органичный, созидательный и справедливый строй» [1]. Представляется, что здесь уже можно будет говорить о «труженике» как о духовно возвышенном «работнике мира», могущем стать в будущем, по итогам гипотетической победы «консервативной революции», прочной социально-политической основой обновленного, однако вполне еще традиционалистского, Запада.

Впрочем, несмотря на то обстоятельство, что либеральные властители косвенно признают важность «труженика», построенные ими тоталитарные государства видят в нем лишь жертвующего собой во имя интересов буржуазного социума «солдата». Они всячески пытаются препятствовать выполнению юнгеровским «тружеником» его истинной функции. Так, ставя в очерке «О боли» (1934 г.) «диагноз технической эпохе как эпохе совершенного нигилизма», Юнгер отметил, что порожденные «притязаниями государств на тотальное господство... атаки боли нацелены на индивидуальность, на уникальную позицию мыслящего одиночки, единичного человека» [2].

Убежденный противник выросшего из абсолютизированной буржуазности германского тоталитаризма, Э. Юнгер, при посещении захваченных «третьим рейхом» советских территорий, увидел в военных преступлениях нацистов «стремление творцов идеологии заменить мораль гигиеной, точно так же, как правду – пропагандой». При этом он подчеркнул, что «дыхание этого мира палачей столь ощутимо, что умирает всякое желание работать, писать и размышлять» [8]. Вполне закономерно, что прежнего патетического восприятия войны в юнгеровских дневниках времен Второй мировой войны уже не наблюдается. Понимая, что «массовые убийства» мирного населения случаются на оккупированных Германией территориях «в огромных количествах», Юнгер почувствовал «отвращение... перед мундирами, погонами, орденами, оружием, чей блеск» он когда-то «так любил». Немецкий философ-солдат пришел к страшному выводу о том, что «старое рыцарство умерло», а нынешние «войны ведутся технологами уничтожения». Более того, он заявил, что человек уже «достиг состояния, которое Достоевский описал в “Раскольнике”»: он все более тяготеет к существованию «в мире насекомых», воспринимая «себе подобного... как вредного паразита» [8]. В свою очередь, предельно циничные высказывания юнгеровских собеседников на Восточном фронте показали, «как глубоко техническое мышление проникло в нравственность» западного человека, который «ощущает себя находящимся внутри огромной машины, из которой он не в силах выбраться» [8].

Неудивительно, что в своем трактате «Мир. Слово к молодежи Европы и молодежи мира» (1945 г.) Вторую мировую войну Э. Юнгер назвал «всемирной гражданской войной» и отметил, что «подлинный мир предполагает мужество», которое «даже превосходит мужество воинов, ибо есть не что иное, как выражение духовной работы, духовной силы» [3]. Представляется, что наиболее четко эта позиция была обозначена Юнгером в его очерке «Уход в Лес» (1951 г.), где «Лесом» было названо некое «место свободы», которое «может находиться повсюду – как в пустоши, так и в городах, как в подполье, так и в государственных конторах, как в родном отечестве, так и в любой другой стране, где люди заняты сопротивлением». «Ушедший в Лес» человек, «обретает» в нем «субстанцию, которая становится для него источником свободы, необходимой для того, чтобы сказать “нет”» тоталитаризму [2].

Итак, обеспечить духовную абсолютность мыслящей личности и, тем самым, не позволить погрузить человечество в бездну тоталитаризма сможет, с точки зрения Э. Юнгера, только актуализировавшийся в практической плоскости «труженик». В свою очередь, масштабное задействование в Западном мире на рубеже эпох «модерна» и «постмодерна» либеральных «симулякров» (в первую очередь – псевдогуманизма и ложного пацифизма) должно рассматриваться как окончательно дегуманизирующий «фаустовского» человека пролог к новой «всемирной гражданской войне». Думается, что ее начало может предотвратить лишь выбор «тружениками» Запада непростого пути юнгеровского «левого традиционализма».

Список использованной литературы:

1. Дугин А.Г. Консервативная Революция [Электронный ресурс]. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=21> (дата обращения: 10.03.2021).
2. Михайловский А.В. Послесловие к эссе Эрнста Юнгера «Уход в Лес» [Электронный ресурс]. URL: <https://admarginem.ru/2020/05/01/posleslovie-aleksandra-mihajlovskgo-k-esse-ernsta-yungera-uhod-v-les/> (дата обращения: 10.03.2021).
3. Михайловский А.В. Эрнст Юнгер: призыв к миру [Электронный ресурс]. URL: <https://politconservatism.ru/experiences/ernst-yunger-prizyv-k-miru> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории // Юнгер Э. В стальных грозах [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/yunger_ernst/v_stalnih_grozah.html (дата обращения: 10.03.2021).
5. Терехов О.Э. «Консервативная революция» как феномен правого модерна в Веймарской республике [Электронный ресурс]. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=35091 (дата обращения: 10.03.2021).

6. Юнгер Э. Борьба как внутреннее переживание [Электронный ресурс]. URL:

https://royallib.com/book/yunger_ernst/borba_kak_vnutrennee_peregivanie.html (дата обращения: 10.03.2021).

7. Юнгер Э. В стальных грозах [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/yunger_ernst/v_stalnih_grozah.html (дата обращения: 10.03.2021).

8. Юнгер Э. Кавказские заметки // Излучения (февраль 1941 – апрель 1945 гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/yunger_ernst/izlucheniya_fevral_1941_aprel_1945.html (дата обращения: 10.03.2021).

9. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20080521014122/http://www.juenger.ru/text/46a8db85370d4> (дата обращения: 10.03.2021).

ВАРАКИН С. А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТΙΑ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Идеологическая основа взаимоотношений советской власти и церкви была заложена в дореволюционный период в ранней работе В. И. Ленина «Социализм и религия» 1905 года. Он так характеризовал религиозные убеждения: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. ... Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [6, с. 142-143].

Идеи, заложенные В. И. Лениным, легли в основу государственной антирелигиозной пропаганды.

После прихода к власти большевиков в 1917 г. отношения между властью и церковью стали развиваться в новом русле. 20 января 1918 г. Советом народных комиссаров был принят Декрет № 18, согласно которому церковь отделялась от государства, лишалась права собственности, вводилась свобода вероисповедания (ст. 263 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») [7, с. 5].

Первая волна гонений на религию, духовенство и верующих развернулась в годы гражданской войны. После нее в 1922 г., советская власть переходит к методической и последовательной разработке политики в отношении своего главного идейного и, как власть считала, политического конкурента –

Православной церкви. Поводом для этого стал голод, начавшийся в конце 1921 г. и охвативший всю страну. Советское руководство использовало его для начала гонений на церковь [2, с. 73].

С 1922 г. по 1930 г. атеистическая деятельность координировалась Антирелигиозной комиссией Политбюро ЦК ВКП (б), председателем которой был Емельян Ярославский, крупнейший идеолог атеизма и организатор атеистической антирелигиозной пропаганды. Репрессии в отношении церкви в 1920-1930-е гг. осуществляли органы ОГПУ-НКВД [1, с. 943].

Одним из инструментов антицерковной политики советского государства было обновленчество. Его важнейшей характерной чертой было признание «справедливости совершившегося в стране социального переворота», теснейшее сотрудничество с новой властью, а в первые годы деятельности – опора на репрессивные органы. Среди участников обновленческого раскола были и идейные сторонники церковного обновления, декларировавшие свою связь с дореволюционным течением за восстановление соборного строя и большую самостоятельность Церкви – идеями, реализованными в решениях Поместного собора Русской церкви 1917–1918 гг.

Расколу способствовали старые сословные противоречия, проявившиеся еще в имперский период между приходским духовенством и монашествующим епископатом [2, с. 74].

Организационно Обновленчество оформилось в мае 1922 г., когда патриарх Тихон, находившийся под домашним арестом в преддверии суда над ним, дезинформированный подобранной властями инициативной группой духовенства, дал согласие на временную – до созыва Поместного собора – передачу высшей церковной власти митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому) или митрополиту Петроградскому Вениамину (Казанскому). В 1922 г. при содействии властей было образовано обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ), во главе которого с 19 мая 1922 г. встал епископ Антонин (Грановский). Митрополиты Агафангел и Вениамин отказались признать эту структуру и были арестованы. К августу 1922 г. из 97 правящих епископов 37 признали ВЦУ, 36 – высказались против и 24 архиерея не выявили открыто своего отношения к совершившемуся церковному перевороту [3].

В 1923 г. состоялся первый Собор обновленческой церкви на котором были провозглашены родственность революционных идеалов с христианскими. Капитализм был признан смертным грехом.

Во многих местностях территории оказывались поделены. Где-то обновленцы и Патриаршая церковь существовали чересполосицей, где-то в одном городе оказывалось два епископа, где-то церковная власть в городе менялась, в зависимости от того, какой епископ приезжает. В 1926 г. после ареста митрополита Петра внутри «тихоновцев» возник локальный так называемый григорианский раскол. В 1927 г. после издания декларации о лояльности патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), а главное, после ряда его административных шагов возникает

так называемое «движение непоминающих», то есть тех, кто не поминают имя митрополита Сергия и не возносят молитвы о власть предержащих [2, с. 75].

Как отмечает А. Л. Беглов «к концу 1920-х годов ранее единое тело Русской православной церкви превращается в своего рода лоскутное одеяло, раздираемое разными расколами, каждый из которых так или иначе провоцировался или поддерживался органами государственной безопасности».

В конце 1920-х гг. давление на религию усилилось. С 1928 по 1938 год при Президиуме ВЦИК работала постоянная комиссия по вопросам культов [1, с. 943].

8 апреля 1929 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». Оно ограничивало церковную жизнь исключительно отправлением культа, т. е. только исполнением религиозных обрядов в стенах религиозных зданий. Вся остальная церковная, церковно-общественная деятельность были запрещены [2, с. 76].

В ходе начавшейся коллективизации в конце 1920-х гг. было закрыто от 40% до 90% церквей, часть из них отбирались колхозами под ссыпные пункты зерна или склады для удобрений [2, с. 77]. В первой половине 1930-х гг. священнослужители и активные миряне, переведенные в разряд лишенцев, выселялись из определенных городов при так называемых чистках крупных городов [2, с. 77]. Во второй половине 1930-х гг. в годы Большого Террора более 300 тыс. церковников и верующих было репрессировано [2, с. 78].

Но не только сама «государственная машина» вела борьбу религией, но в этом ей активно помогали общественные организации. Крупнейшей из них был Союз воинствующих безбожников, развернувший деятельность в 1925 г.

Задачей этой организации было «объединение широких масс трудящихся СССР для активной систематической и последовательной борьбы с религией во всех ее видах и формах как тормозом социалистического строительства и культурной революции» [8, с. 3].

Перед безбожниками была поставлена цель заменить религиозное понимание научным миропониманием [9, с. 24]. Антирелигиозная пропаганда заключалась в материалистическом объяснении явлений природы, отношений в обществе и самой религии, тесно связанной с повседневной жизнью, с ее бытом и с прежним мировоззрением. С помощью атеистической пропаганды безбожники шаг за шагом вели борьбу с религиозными пережитками, заменяя их элементами научного знания [9, с. 34].

Перестройка быта в старых жилищных условиях, очищение его от религиозного влияния, заполнение новым содержанием – было одной из важнейших задач ячеек СВБ. Бездельное и пьяное хождение в гости, в храмы, религиозные праздники, обряды, предметы культа в домах и другие проявления планировалось изгнать из повседневной жизни организацией культурного отдыха [5, с. 2].

Антирелигиозная пропаганда проводилась СВБ через периодическую печать, изобразительное искусство, кинематограф, проведение массовых

атеистических мероприятий (антирождественские и антипасхальные кампании), индивидуальную работу с верующими, распространение научных знаний.

Вопрос связанный с реконструкцией мнений, реакции населения об эффективности антирелигиозной работы в СССР является крайне сложным. С одной стороны, влияние атеистической пропаганды на население было бесспорным, и оно действительно приводило к трансформации мировоззрения у населения. С другой стороны, есть источники, позволяющие отчасти проследить реакцию населения на работу СВБ. В частности, в результате несостоявшейся переписи населения 1937 г., верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн. против 42,2 млн. или 56,7 против 43,3% всех выразивших свое отношение к религии. При этом отмечалось, что в действительности верующих было больше, чем показали официальные данные [4, с. 329-330].

Список использованной литературы:

1. Абросимова, Л. В. Церковь, верующие, власть / Л. В. Абросимова // Общество и власть : российская провинция. В 6 т. Т. 2. 1930 г.-июнь 1941 г. / сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова ; Ин-т рос. истории РАН. – Москва, 2005. – С. 943
2. Беглов, А. Л. Русская церковь в XX веке / А. Л. Беглов. - Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2017. – С. 73–78
3. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2282977
4. Жиромская В. Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // М.: ИРИ РАН, 2000 С. 329–330.
5. Инцеров Н. Решительно за организацию нового быта // Безбожник. 1930. № 6. С. 2.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 12. М. : Изд-во Политической Литературы, 1976. С. 142–143.
7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 5.
8. Устав Союза воинствующих безбожников. М.: Безбожник, 1930. С. 3.
9. Ярославский, Ем. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды / Ем. Ярославский. – М. : Безбожник, 1925. – С. 24–34.

ГОРДИН А.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

КОЧЕТКОВ И.И.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ГОРДИНА Е.Д.

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Великая российская революция 1917 г. – одно из выдающихся событий не только в истории XX века, но и всей человеческой цивилизации. Именно она во многом определила историческую судьбу XX века. Ее долгосрочным следствием стала победа СССР над фашизмом, разрушение колониальной системы и обретение независимости странами Азиатско-Тихоокеанского и Африканского регионов.

В советской исторической науке сложилась четкая, логически обоснованная с точки зрения причинно-следственных связей картина революционных событий 1917 г. Свое официальное отражение она нашла в «Кратком курсе истории ВКП(Б)» (1938 г.) В начале XX века Россия была охвачена системным кризисом, который усугубился Первой мировой войной. Накануне 1917 г. «царизм явно переживал смертельный кризис» [1]. Концепция о глубоком, многофакторном кризисе самодержавия являлась основной в советской и зарубежной историографии во второй половине XX века[2]. То есть, речь шла о комплексе причин, которые имели историческую закономерность и привели к революции 1917 г. Собственно революционный процесс 1917 г. в советской исторической науке раскрывался с позиции двух революций: Февральской (буржуазно-демократической) и Октябрьской (Великой Октябрьской социалистической революции). При этом основным поворотным моментом являлась Октябрьская революция, как начало нового этапа в истории человечества. При этом хронологически отделялась гражданская война, примерно полугодовым отрезком (октябрь 1917 г.– май 1918 г.), когда проходил процесс установления советской власти на местах.

В перестроечный период происходит коренная ломка прежних давно сложившихся взглядов и оценок событий 1917 года. Период гласности, ознаменовавшийся сначала доктриной «обновления социализма», а потом, примерно с середины 1989 года – концепцией его полного отрицания и жесточайшей критики, полностью изменил привычные акценты. Начался тяжелый и мучительный для общества процесс развенчания прежней системы ценностей, в которой революционные события 1917 года были, без преувеличения, важнейшими, и формирования новой системы координат, названной на страницах перестроечного «Огонька» «неовеховской»,

«неолиберальной». В соответствии с ней Февральская революция выступает закономерным и логичным явлением в развитии страны, а Октябрьская – предстает трагической ошибкой, результатом злой политической воли кучки экстремистов, исказившей на многие десятилетия дальнейший путь развития нашей страны, уведшей Россию в сторону от мировой демократической традиции. Таким образом, для бывшего советского обывателя «плюсы» в течение пары лет интенсивной информационной кампании в СМИ, прежде всего – в прессе, поменялись на «минусы». Дореволюционная Россия идеализировалась, В.И. Ленин, революционеры «ленинской гвардии», И.В. Сталин в начале 1990-х гг. рисовались в самых черных красках. В этом процессе задавали тон, несомненно, политики, подхватывали и развивали нужный контекст публицисты, позже появились и работы профессиональных историков. Для подготовки качественного научного исследования нужны источники. Последние появились в результате «архивной революции».

В 1990-е – начале 2000-х годов наблюдается смена исторических трактовок. Прежде всего, терминологически в работах историков выделяют Февральскую революцию 1917 г. и уже не Октябрьскую революцию, а Октябрьский большевистский переворот [3]. В смысловом отношении термины различны: революция – это коренное преобразование, изменение чего-либо. В термине присутствует определенный элемент легитимности самого исторического события с позиции исторического прогресса, масштабов происходящего, влияния этого события на дальнейший ход истории. Например, по аналогии Великая Французская революция или Американская революция XVIII в. С другой стороны, переворот (или политический переворот) – это незаконный захват власти, осуществляется с нарушением действующих норм. Он локален, он происходит без активного участия общества, ограниченным кругом.

Таким образом, выстраивалась конструкция: Февраль 1917 г. и свержение монархии – это законно и правомерно. Февральская революция имела широкие прогрессивные перспективы и могла бы привести к развитию конституционализма и гражданского общества в России. В свою очередь Октябрь 1917 г. – это реализованная «опасность слева» в лице большевиков, «за плечами которых поднималась грозная, обозленная темная масса», для которой были чужды общечеловеческие демократические ценности. «Широкие народные массы, одичавшие от невзгод и унижения, крестьянская и рабочая беднота под руководством своих убогих, амбициозных и закомплексованных вождей в конце концов победили в России», - отмечал А.Н. Сахаров. И далее, события октября – эта победа над неокрепшим гражданским обществом и личностью человека. Весь советский период трактовался как антицивилизационный [3]. Важной частью новой рефлексии стало понимание длительного и единого революционного процесса. В научный оборот вводится термин «Великая российская революция 1917 г.», в которой выделяются два основных этапа – февральский и октябрьский [4].

В начале 1990-х годов группа историков во главе с В.П. Даниловым выдвинула концепцию крестьянской революции (1902-1922 гг.) как основы всего революционного процесса в России в нач. XX века [8].

В условиях критики марксистской методологии с лежащей ее основе формационной теорией, историки стали широко использовать зарубежные методологические подходы к исследованию событий 1917 года. В это время приобретают популярность цивилизационная, модернизационная, институциональная и многие другие концепции, по-разному трактующие проблемы революции начала XX века.

В рамках цивилизационной парадигмы исследователи подчеркивали «русский» характер революции и его обусловленность социально-культурной спецификой российского общества (В.П. Булдаков, А.С. Ахиезер, Л.И. Семенникова и др.)

В.П. Булдаков, например, считает, что для раскрытия истинного «лица революции» необходимо понять «людей той эпохи, прежде всего – представителей бунтовавшего молчаливого большинства. Это необходимо потому, что итог революции – культура преобладающей людской массы». Исследователь подчеркивает, что человек исторический – это вечный бунтарь, и его действия вызваны отчаянием. Важным аспектом революции является познание ее культурно-антропологической сути [5].

Новый взгляд на революцию 1917 г. в отечественной исторической науке в начале XXI века связан с активным включением ее в контекст модернизационной парадигмы. Заметим, что еще на рубеже 1950-1960-х годов западными исследователем была выработана модель российской модернизации. Теория модернизации раскрывала различные аспекты перехода к «современности», включая урбанизацию, индустриализацию, формирование классов и нового типа семьи, развитие науки и образования, построение гражданского общества. В рамках теории модернизации активно изучалась экономическая история 1890-1910-х годов [2]. В рамках теории модернизации исторический процесс раскрывался с позиции перехода от традиционного общества к современному (индустриальному).

Один из ведущих исследователей российской революции 1917 г. в рамках этого подхода является Б.Н. Миронов. В работах Б.Н. Миронова по отношению к революции 1917 г. можно выделить следующие основные позиции: 1) стереотипность исторических представлений о российской революции; 2) искаженность исторической картины; 3) отсутствие социально-экономических причин революции (в марксистском понимании), причины революции кроются в политической, культурной, ментальной сферах и др. факторах; 4) отрицание парадигмы кризиса в России в нач. XX века; 5) большие достижения и успехи власти в процессе ускоренной модернизации в конце XIX – нач. XX века («экономическое чудо» 1861-1913 гг.); резкий рост благосостояния населения страны накануне революции, повышение уровня жизни крестьянства, быстрый экономический рост привел к политической нестабильности; 6) на протяжении

всего периода империи политический авторитаризм в России успешно осуществлял модернизацию «с национальными особенностями, но по европейскому эталону», 7) реально существовавшие социально-экономические проблемы были усугублены рядом обстоятельств – Первой мировой войной, и самое главное – борьбой за власть элиты и контр-элиты; 8) Октябрьская революция являлась в некоторых отношениях антимодернистской, а народное участие в революции было определено желанием восстановить погрязшие ускоренной модернизацией традиционные устои. В дальнейшем проводилась советская модернизация. По мнению Б.Н. Миронова, жизнь в Советской России, как в городе, так и деревне, строилась на принципах дореволюционной русской предельной общины [6,7].

В 2004 г. В. А. Мау и И. В. Стародубровская предложили и обосновали институциональную концепцию революции. Выдвигая на первое место экономические процессы, она, однако, учитывает также политические, социальные и культурно-психологические факторы.

Авторы исходят из институциональной теории, согласно которой в основе социальных сдвигов лежат изменения общественных институтов — законов, правил, норм, а также традиций, верований и т. п. В. А. Мау и И. В. Стародубровская, в частности подчеркивают, что «революции не характерны для стабильного общества, в котором отсутствуют динамичные изменения. Они неразрывно связаны с феноменом экономического роста. Причем предпосылки революций могут сформироваться не в любой момент, а лишь на особых переломных этапах», названных ими «кризисами экономического роста» [8].

Современными исследователями активно разрабатывается связь аграрной революции как части Великой российской революции. Отмечается, что масштаб и характер революции определило в решающей степени крестьянство, которое составляло более 80% населения страны. А ее кульминацией стала осень 1917 г. – когда крестьяне «осуществили свою вековую мечту и реализовали главный лозунг революции – ликвидировали помещичье землевладение и уравнилительно перераспределили всю землю». Важнейшим явлением крестьянской революции стали Советы, являвшиеся продолжением общинных форм жизни крестьянства [9].

Наличие многочисленных методологических подходов, которые оказывают взаимное влияние друг на друга, свидетельствует о постепенном преодолении теоретико-методологического кризиса в исследовании проблем 1917 года. Отказ от использования крайних теоретико-методологических точек зрения и синтезирование всего лучшего, что было создано отечественной и мировой исторической наукой, значительно расширяют проблематику революции 1917 года – наиболее значительного события XX века.

Как отмечает исследователь С.В. Леонов, «для России революция 1917 г. – самое важное («по модулю», по прямому и косвенному влиянию на историю страны), по меньшей мере, за последние 160 лет» [4].

Список использованной литературы:

1. История ВКП(б). Краткий курс. – ОГИЗ, 1945. С. 168.
2. Большакова О.В. Кризис Российской империи 1890-1914 гг. в зарубежной историографии // Российская история. 2019. №2. С.159, 161.
3. Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. - М.:ИРИ РАН, 2004. С. 317, 283-285.
4. Леонов С.В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. №1. С.24, 36.
5. Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. №6. С 25-26.
6. Мирнов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Т.2. - СПб: изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. С. 296-297, 332-334.
7. Миронов Б. Уроки революции 1917 года, или кому на Руси жить плохо // Родина. 2011. №12. С. 8-13.
8. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции: От Кромвеля до Путиной. 2-е изд. - М., 2004. С. 27–50, 65–68, 417–456.
9. Яхшиян О.Ю., Сидорова Г.М., Харичкин И.К. Русская крестьянская община и Советы // Вопросы истории. 2020. №1. С. 54-64.

ДИМИТРИЧЕВА О.И.

Нижегородский государственный университет им.Н.А.Добролюбова,
г.Нижний Новгород, Российская Федерация

ЛИЧНОСТЬ И ПАНДЕМИЯ

Мировоззрение личности формируется на основе системы ценностей, принятой в окружающей среде данного человека, на основе быта, условий жизни. На формирование мировоззрения воздействует искусство, образование, наука, поведение окружающих людей. В мировоззрении принято различать три ступени: мироощущение, мировосприятие и миропонимание. Философское понимание этих ступеней предполагает толкование значений этих слов. Исходя из смысла слов, определим сущность понятий. Мироощущение включает систему чувств, мыслей, настроение личности. Мировосприятие — восприятие мира, его субъективное видение, ощущение. Мировосприятие может быть враждебным и дружественным. Миропонимание — понимание окружающего мира. Основные источники формирования мировоззрения - это окружающие люди и их поведение; система ценностей, принятая в среде индивида; наука, уровень знаний; быт, условия жизни; искусство; интуитивное познание.

Как самоизоляция, дистанционная работа, дистанционное обучение влияют на мировоззрение личности?

Изменяются привычные условия жизни. Современные СМИ отражают текущую ситуацию о событиях, связанных с распространением вируса COVID-19 в стране и в мире. Это касается всех сторон жизни. От информации о событиях до их эмоционального восприятия в виде слухов, паники или анекдотов на злободневную тему. Государственные каналы транслируют официальную точку зрения, создаются сайты с фактическим материалом по ковиду. (Например, Стопкоронавирус.рф)

Наряду с официальной точкой зрения существует позиция диссидентов, которые обосновывают свое мнение опираясь на анализ событий и эмоциональное восприятие ситуации. Эмоции варьируют от паники, ожидания конца света, исполнения антиутопий в реальности до анекдотов на тему ковида.

С чем связано различное толкование событий, связанных с пандемией?

Здесь присутствуют два момента: с одной стороны — это информация или дезинформация в СМИ [2] и с другой — это устойчивость к стрессу отдельной личности, особенности сформированного или формирующегося мировоззрения.

Каким образом протекает взаимодействие личности и окружающего мира? Человек не просто испытывает воздействие со стороны внешнего мира. Личность имеет свою систему ценностей, мировоззрение, опыт решения трудных жизненных задач, а потому не просто подвергается воздействию извне, а творчески изменяет окружающий мир в зависимости от собственного восприятия.

Разные типы личности, по-разному реагируют на стрессовые ситуации. Одни унывают, другие мобилизуются для решения насущных задач. «В определенных ситуациях стрессоустойчивость, стойкость, реалистический подход и хорошо развитый механизм когнитивного оценивания позволяет личности гибко выбирать разные стратегии в меняющихся обстоятельствах» [1, с.15]. Л.И.Анцыферова выделяет два типа личности: экстерналы и интерналы.

Экстерналы полагают, что все отрицательные события происходят либо из-за плохого отношения к ним других людей, либо предопределены судьбой. Сами они никогда ни в чем не виноваты. Интерналы осознают свою ответственность за свои поступки и действия других людей. Экстерналы не считают себя ответственными даже за свои действия, которые воспринимают как навязанные извне. Интерналы, как активные типы личности, воспринимают жизненные трудности как сложную задачу, побуждающую личность к дальнейшему росту. Любой поворот изменчивой жизни переживается как стимул для развития своей личности, собственных качеств. У этого типа личности, несмотря на большое количество проблем, эмоциональных нарушений бывает немного [1].

Кардинальное изменение образа жизни, связанного с введением режима самоизоляции на длительный срок. Отсутствие привычной коммуникации: запрет видеть друзей, собираться в группы, касаться друг друга. Требование ношения масок в общественных местах с целью защиты себя и других людей.

Соблюдение физической дистанции, самоизоляция отдельных категорий людей — все это приводит к нарушению потребности в принадлежности к какой-либо группе.

Именно поэтому пандемия коронавируса является не только эпидемиологической проблемой, но и психологическим кризисом. Недоступна реализация многих базовых потребностей человека. Поэтому в данной ситуации очень важно сосредоточиться на психологическом здоровье личности.

Как повлияли меры самоизоляции и дистанционного обучения на мировоззрение молодежи? В настоящее время проводятся социологические опросы по выявлению отношения студентов к изменившимся условиям жизни, учебы. Некоторые уже опубликованы.

По данным исследователей, почти 30% студентов устраивает дистанционное обучение. Но это группа очень активных студентов, которые находясь на дневной форме обучения успевают работать, либо вынуждены часто уезжать из города для участия в спортивных мероприятиях. Четверть опрошенных высказали резко отрицательное отношение к дистанционной форме обучения. Почти половина (45%) мечтают вернуться к очной форме обучения. Главной проблемой для 88% обучающихся явилась самоорганизация. Авторы исследования пришли к выводу, что студенты ВГИФК не готовы к полному переходу на дистанционное обучение.

«Весь образовательный процесс попадает в зависимость от личностных качеств студента: ответственности, целеустремленности, зрелости, способности к самоорганизации, волевых характеристик. Важнейшим фактором самоорганизации становится восприятие и отношение к этой форме обучения у студентов: понимание смысла усиливает мотивацию, обуславливая организованность в информационном образовательном пространстве» [3, С.138].

Итак, пандемия влияет на любую личность: и зрелую и находящуюся в процессе становления. Несомненно, что все люди, находящиеся на самоизоляции и переживающие ограничение базовых потребностей испытали и продолжают испытывать стресс. Как это отразится в будущем на здоровье людей, предстоит выяснить ученым-медикам.

Восприятие окружающего мира и реакция на стресс зрелой личности зависит от принадлежности к тому или иному психологическому типу: экстернал или интернал. Экстернал полагает, что события предопределены, ничего невозможно изменить. Интерналы занимают деятельностную позицию. Даже в условиях стрессовых, пытаются помочь не только себе и своей семье, но и малознакомым людям, поэтому волонтерство в период пандемии достаточно распространено.

В ходе пандемии студенты взрослеют. Стали больше ценить здоровье, семейные отношения, дружбу, возможность общения с другими людьми не дистанционно, а лично. Стали понимать, насколько важно уметь

самоорганизовать процесс обучения в условиях дистанционного обучения. В свою очередь, преподаватели ясно увидели, что в ситуации дистанционного обучения образовательный процесс попадает в зависимость от сформированных или не сформированных личных качеств студента, наличия или отсутствия силы воли, ответственности, целеустремленности, т. е. насколько студент мотивирован к процессу обучения. В условиях продолжающейся пандемии и мер против нее, главным является понимание важности духовного стиля жизни, оптимистичного мировоззрения, интеллигентности, альтруизма, волонтерства, благотворительности, заботы о близких и не очень близких людях. Все эти качества личности наиболее актуальны в настоящее время, поскольку не только позволяют преодолеть стресс, но и свидетельствуют о духовном росте каждой личности. Удовлетворение исключительно базовых потребностей не должно становиться главной целью в жизни. Даже в кризисных условиях необходимо проявлять волю к победе над трудностями. Восприятие пандемии как стимула для развития личности, повода задуматься о смысле жизни, о необходимости помощи окружающим людям, важности выхода из круга повседневной рутины – все это помогает человеку преодолеть сложные времена.

Список использованной литературы:

1. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.
2. Димитричева, О.И., Савченко, И.А., Пикунов, О.И. Город, медиа и пандемический стресс / О.И. Димитричева, И.А. Савченко, О.И. Пикунов // Теория и практика общественного развития. 2020. №11. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-11-2020/> (дата обращения: 25.11.2020).
3. Зыкова, Н.Ю. Мазкина, О.Б., Труднева, М.И. Восприятие дистанционного обучения студентами ВГИФК / Н.Ю. Зыкова, О.Б. Мазкина, М.И. Труднева // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе: сборник научных статей Международной научно-практической конференции / [под ред. А.В. Сусоева и др.]. Воронеж, 2020. С.135-138.

ДУПЛИНСКАЯ Ю.М.

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ПРОГРЕСС ИЛИ ДИВЕРГЕНЦИЯ?

Идея прогрессивного, поступательного развития человечества, в котором «старое» (отождествляемое с «менее совершенным») заменяется «новым» (соответственно, отождествляемое с «более совершенным»), утвердилась в

рамках классического периода европейской философии. Заметим, что эта идея имеет достаточно узкие, - как региональные, так и временные рамки. Региональные рамки: дух европейской цивилизации. Временные рамки: с XIV по XIX вв. Уже с конца XIX в. возникают альтернативные концепции истории.

Нужно заметить, что подавляющее большинство обществ на Земном шаре принадлежало к типу *традиционных обществ*, которые исходили из прямо противоположной версии отношения между «старым» и «новым». Традиционное общество живет по принципу: истина не бывает новой, - новым бывает только заблуждение. Всякого рода нововведения, как и любые исторические, то есть *необратимые изменения*, как таковые, в традиционном обществе считались *аномалией*, по сравнению с «нормальным» течением времени в режиме «вечного возвращения». (По терминологии М.Элиаде, это воспринималась как *катастрофа впадения в историю*). В традиционных обществах считалось, что любые новшества могут совершаться только в одном направлении: от хорошего к плохому, а от плохого - к еще худшему. Характерно изречение Горация: отцы наши хуже наших дедов, зачали нас, - еще худших, а мы породили совсем плохих. Европейская цивилизация, с ее идеей прогресса и стремлением к постоянным нововведениям, - выглядит настолько нетипичным явлением на фоне «нормы» традиционных обществ, что ее можно сравнить с мутацией.

Проблема, как видим, нетривиальная. Поэтому рассмотрим возможность альтернативных версий истории. В русле известного афоризма П.Фейерабенда «наука - это религия XX века», можно сказать, что и идея прогресса была неким базовым мифом новоевропейской культуры, которая проецировалась в самые различные сферы не только гуманитарного, но и естественнонаучного знания. Иногда идею прогресса сравнивают с атеистическим мифом, который пришел на смену религиозной вере. Попытка найти опору в вере в лучшее будущее пришла на смену утраченной религиозной вере в загробное воздаяние. Со второй половины XX в. намечается трансформация тех предельных парадигмальных оснований, которые в свое время были источником разнообразных версий прогресса, - как в истории общества, так и естественной истории. Эту парадигмальную трансформацию У.Эко, сравнил с переходом от схемы дерева к схеме лабиринта [1]. На смену парадигме поступательного прогрессивного развития (символ древа) приходит образ ризомного разветвления (символ лабиринта). В контексте этого парадигмального сдвига можно иначе взглянуть на картину как биологической, так и социальной эволюции.

Проведем параллель между эволюцией биологических видов и историей человечества. Является ли эволюция биологических видов поступательным развитием «от низших форм к высшим»? Научный ли это «факт» или это - естественнонаучный миф, возникший в результате проекции социальной мифологии прогресса в область естествознания? Существует ли поступательное развитие биологических видов в русле единого магистрального направления? А может быть, биоэволюцию следует уподобить ризомному разветвлению

боковых ветвей, которые рано или поздно заканчиваются тупиком? Например, насекомые и хордовые могут рассматриваться не в качестве последовательных этапов поступательного развития от «низших» (насекомые) форм к «высшим» (хордовые), а как *альтернативные ветви* эволюции. У насекомых скелет помещается не внутри, как у хордовых, а снаружи. Эта ветвь эволюции оказалась тупиковой. Необходимо сделать оговорку, что тупиковой она оказалась для среды обитания планеты Земля: в условиях, где «не слишком большая гравитация, умеренная величина интенсивности космического излучения» и т.д. [2, с. 32]. В иных же условиях эта ветвь могла бы быть более перспективной. Хордовые, с их энтодермальным скелетом, в условиях земной среды сформировали более перспективную ветвь биоэволюции, которая, впрочем, в свое время тоже может закончиться тупиком. В результате может последовать не новый, более «прогрессивный» этап развития, а переход на другую ветвь эволюции ... которая в конце концов тоже закончится тупиком. Другой пример тупиковой ветви биоэволюции - это мхи, которые, опять же, являют собой не «этап» в поступательном развитии растительного мира, а его тупиковую ветвь. У мхов спорофит - часть гаметофита, а не гаметофит - часть спорофита, как у других растений. (Поясняя популярно, у мхов не половые органы являются деталью тела, а наоборот, тело - деталь половых органов).

Теперь поставим тот же вопрос применительно к развитию общества. Нельзя утверждать, что теории общественно-исторического прогресса похоронены. Но в философии XX - XXI вв. они уже не имеют статуса аксиомы. То же самое справедливо и в отношении теорий технологического прогресса. Является ли развитие по пути совершенствования техники той магистральной линией, на которую рано или поздно должно вступить всякое общество, достигшее определенной стадии зрелости? Или путь технических инноваций, опять же, - только одна из альтернатив, наряду с другими возможными путями развития культуры и социума (например, магически ориентированные цивилизации, экологически ориентированные цивилизации и т.д.)?

Технологический путь развития до сих пор ассоциировался с идеей «прогресса», как такового. Но может быть, это - не более, чем очередная *боковая ветвь развития* цивилизаций, которая открывает некие новые возможности развития и тем самым закрывает другие? Иногда технологический путь развития цивилизаций сравнивают с левополушарным развитием интеллекта, который усиливает способности определенного типа, но, вместе с тем, блокирует другие, связанные с работой правого полушария (интуицию, экстрасенсорные способности и т.д.). По развитию способностей правого полушария современный цивилизованный человек находится ниже уровня шимпанзе. Случайно ли, что все, так называемые, «дикари» убеждены в умственной неполноценности белой расы?

Продолжая аналогию с биоэволюцией, добавим важное наблюдение. О тупиковом характере той или иной ветви может свидетельствовать не только упрощение (как у паразитов), но и чрезмерное *усложнение* организмов.

Например, насекомые весьма и весьма сложны, с точки зрения, как строения, так и поведения. А переход на новую, более перспективную ветвь развития, очень часто начинается именно с *упрощения*. Так, ланцетник, открывающий перспективную ветвь эволюции животных, имеющих эндоскелет, - несравнимо проще и, можно сказать, примитивнее, жуков, мух, тараканов и прочих существ с наружным скелетом. Итак, усложнение не всегда говорит о прогрессе, как, равным образом, упрощение - о регрессе. То же самое можно сказать о развитии культуры, общества, а в более частном аспекте - о развитии науки и даже о развитии техники. О чем свидетельствует чрезвычайная, и притом все возрастающая сложность теоретического аппарата современной фундаментальной науки? О чем свидетельствует чрезвычайная, и притом все возрастающая сложность социальных коммуникаций современного общества? О поступательном развитии по пути прогресса? Или о тупиковом характере той ветви, в русле которой развивается европейская культура и европейская наука?

Необходимо сделать оговорку, что не следует в этом плане идеализировать, так называемые, примитивные общества. Этнография свидетельствует о том, что, т.н. *примитивные* общества - это отнюдь не *простые* общества. Напротив, структура социальных коммуникаций, правил, ритуалов, законов и запретов (табу) в этнографических обществах является чрезвычайно усложненной. Усложненной настолько, что, так называемые, цивилизованные общества в плане социальной коммуникации в некоторых отношениях более просты, по сравнению с «примитивными» обществами.

Нельзя ли предположить, что магический и технологический пути развития - это *не этапы, а альтернативные ветви* развития социума, каждая из которых рано или поздно оказывается тупиковой? Развитие цивилизаций магического типа уже привело к тупику в прошлом. Развитие цивилизаций технологического типа приведет к тупику в (недалеком?) будущем. Не смотря на то, что сложность техногенной цивилизации, на первый взгляд, кажется в корне отличной от сложности архаических обществ, - сама по себе сложность, как таковая, и в том, и в другом случае может расцениваться как симптом начинающегося тупика в развитии цивилизаций.

Мы вели речь об альтернативе между магическим (правополушарным) и технологическим (левополушарным) развитием цивилизаций. Но на горизонте маячит перспектива новой, гораздо более радикальной дивергенции. Возможным следствием инновационного развития НИВС технологий будет не прогресс, а новая дивергенция, - теперь уже самого вида *homo sapiens*. Такой итог, в духе романа «Схизматрица» Б.Стерлинга, - уже не фантастика, а реальная возможность исхода технопроекта, получившего название трансгуманизм.

Список использованной литературы:

1. Эко У. От древа к лабиринту. М.: «Академический проект», 2016. - 559 с.
2. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002. - 211 с.

ЕРМОЛОВИЧ Д.В.

Институт современных знаний им. А.М.Широкова, г. Минск, Беларусь

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В БИЗНЕС-ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ «ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ» КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ)

Понимание бизнеса полагает выявление ряда его сторон (онтологической, аксиологической, методологической, праксиологической), так

- *онтология бизнеса* – это производство ради воспроизводства, распределения и потребления (где сущность – обеспечение жизнедеятельности общества посредством управления материальными процессами): от поляризации форм труда к предпринимательству до гуманизации труда;

- *аксиология бизнеса* – это движение оценки от «производства ради производства» (по традиции наследования профессии) к ценности «self made man» до перспективы индивидуальной универсальности;

- *методология бизнеса* – от рабовладения (как метода разделения труда с целью освобождения части людей от тяжелого физического труда) к эксплуатации до полного освобождения (творчества);

- *праксиология бизнеса* – от незаинтересованности (вынужденности труда) к выгоде до индивидуального развития (самоактуализации).

Промежуточные выводы из подобной (марксистской) философии бизнес-практики: *первичность производства* обнаруживается в развитии общества, *первичность деятельности/труда* – в развитии человека.

Прослеживание эволюции «человеческого фактора», в связи с этим, можно было бы провести на примере эволюции базовых принципов нравственных кодексов профессиональной деятельности, ибо никакая профессиональная деятельность не может непосредственно гарантировать качественное функционирование и сохранение гуманистических ценностей, т. к. цели профессиональной деятельности лежат в плоскости материальных ценностей, а гуманистические ценности сродни духовным, то при активном вмешательстве производственно-производительной сферы в человеческую жизнь возникает необходимость в разработке *этических кодексов* профессиональной деятельности [1, с. 68-71].

Однако профессиональные кодексы не определяют самостоятельно принципы нормативного поведения – это функция этической практики, закрепляемая в этикетных нормах. Если этические нормы определяются общечеловеческими ценностями и всегда играют объединительную роль, то этикетные нормы определяются групповыми интересами и потому играют разъединительную, отличительную роль. Исторически, по происхождению, можно выделить следующие виды кодексов: родовые, сословные и цеховые. В процессе социального и культурного развития человеческого сообщества,

названные кодексы соответственно трансформируются в кодексы чести, поведения и профессиональные. В результате общественные нормы не могут найти своего четкого отображения в различных кодексах и сводятся к набору нравственных принципов жизнедеятельности (см. Схему 1), реально регулирующих поведение человека в быту или на производстве.

Традиционные	Современные		«Целевые»
	«Производственные»	«Потребительские»	
Патриархальность	Правоответственность	Мода	Проективность (естественность)
Общинность	Корпоративность	Конформизм	Коллективизм (альтруистичность)
Трудолюбие	Профессионализм	Подражание	Универсальность (творчество)
Патриотизм	Гражданственность	Эгоцентризм	Планетарность (общечеловечность)
Доблесть	Прагматизм	Доступность	Благородство (любовь)

Схема 1. Эволюция нравственных принципов регулирования поведения

На современном этапе функционирования общества (в стадии стихийно-рыночного, неравномерного развития) линии производства и потребления разделяются настолько, что приходится говорить о разных стратегиях выживания в рамках цивилизационной концепции эволюции общества: умеренного потребления, «золотого миллиарда» (антиутопических, с сохранением классового баланса) или либерально-демократических («общества знаний», «креативного общества» [2] – утопических, с нивелировкой классовых различий). Альтернативой этому все еще может быть известная формационная концепция, с содержательным «политэкономическим» расширением анализа исторического процесса, обращенного к широкому спектру вопросов: власти, производства, труда, потребления и др. (см. Схему 2).

Власть, в качестве стиля управления и набора тактических действий непосредственно связана с «человеческим фактором», но при этом может быть и «антигуманной». Классическая парадигма менеджмента требует директивной стратегии, авторитарного стиля и строится преимущественно на манипулятивных действиях резко повышающих производительность труда (преобладает коммуникация по вертикали: top-middle-low) – базовый принцип: субъект ≡ объект управления. Необходимость развития классической парадигмы была связана с низкой эффективностью монополизированного и ресурсного менеджмента в новых условиях ведения экономики в XX веке. Кибернетическая

парадигма менеджмента требует коллегиальной стратегии и «гуманизации» рабочей среды, демократического стиля и строится на сотрудничестве (преобладают коммуникации горизонтального типа, подразумеваются отрицательные обратные связи с сохранением устойчивости производства, а значит и потребления к внешним факторам) – базовый принцип: субъект > объект управления. Необходимость развития кибернетической парадигмы в свою очередь была связана с формированием общества потребления и расширением экономических рынков до глобальных размеров. *Синергетическая парадигма* менеджмента требует либеральной стратегии, свободного стиля управления и должна строиться на взаимодействии и доверии сторон производственного процесса (производство товаров и услуг). Коммуникация, наряду с интерактивными и перцептивными действиями поднимается до равноправного общения (наличествует должный уровень правовой защиты и авторских прав, как потребителя, так и производителя); профессиональный фриланс потребует самоорганизации и самоуправления: базовым принципом становится постмодернистский ориентир – «ни субъекта, ни объекта».

Вопрос о власти	Вопрос о производстве	Вопрос о труде	Вопрос о потреблении
«диктатура» природы	производство средств защиты	«вынужденный» труд	от каждого по статусу, каждому по возможностям – нет излишков, нет кризисов
диктатура родовой морали (нормы)	производство средств жизни (общения, средств потребления)	дифференцированный труд	от каждого по возможностям, каждому по статусу – есть излишки, есть кризисы
диктатура одного или меньшинства	производство средств производства	производительный труд	от каждого по способностям, каждому по труду – есть кризисы, потому что есть излишки (рынок) или нет кризисов, потому что нет излишков (план)
диктатура большинства (демократия)	производство нравственности (целей производства)	интегрированный труд	от каждого по способностям, каждому по потребностям – нет кризисов материальной сферы жизни общества, потому что есть культура производства и потребления
«диктатура» человека	производство о совести (смысла жизни)	универсальный труд, творчество	

Схема 2. «Политэкономическая» картина социальной материи

Таким образом, современное состояние жизни общества тесно связано с трудностями формирования человека, со сложностью организации его частной и общественной жизни. Ощущается объективная необходимость удовлетворения этических, культурных, политэкономических, социальных и психологических

основ человеческой жизни, поиска «человеческих» технологий такого удовлетворения.

Список использованной литературы:

1. Ермолович, Дмитрий. Этика как практическая философия (опыт гуманистической манифестации) /Д. Ермолович. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 180 с.
2. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика XXI, 2007. – 421 с.

ЕФИМОВА С.Г.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящее время происходит смена парадигмы образования, которая предполагает новые походы и возможности, рекомендует иное содержание, внедрение инноваций в педагогическую деятельность и, в конечном итоге, иное восприятие мира. Требования социально-экономического развития современного общества приводят к противоречиям в сфере образования и диктуют необходимость инновационных преобразований. Цифровизация почти всех сфер жизни актуализировала и вопрос внедрения инновационных технологий в педагогическую деятельность, в которой уже сформировано целое направление - теория новаций и инновационных процессов.

Отечественными и зарубежными исследователями созданы научно обоснованные классификации педагогических инноваций и достаточно полно определены их ключевые признаки (данная проблематика раскрыта в работах В.И. Загвязинского, В.И. Андреева, И.П. Подласого, Т.Г. Новиковой и др.), что позволяет осмыслить многообразие и сущность понятия педагогическая инновация. Её следует рассматривать как изменение в содержании и технологии обучения и воспитания, которое имеет цель повышения эффективности образовательной деятельности. Однако, при внедрении новшеств в образовательный процесс, необходимо учитывать возможные трудности и барьеры, являющиеся, скорее обязательным элементом при внесении чего-то нового, чем исключением из правил. Среди них можно выделить наиболее основные, которые, в свою очередь, можно определить как внешние и внутренние препятствия. К внешним барьерам относятся:

1. Организационные, которые проявляются в противодействии руководства образовательного учреждения внедрению нововведений или отсутствию соответствующих координационных центров.

2. Материально-технические, выражающиеся в несоответствии материально-технической базы необходимым требованиям в условиях реализации инновационных программ.

3. Методические, которые выражаются в недостаточной осведомленности в области педагогической инноватики и методического обеспечения нововведения.

4. Социально-психологические, проявляющиеся в стереотипах мышления педагогического состава учреждения и несовместимости нового с уже имеющимися ценностями, установками и опытом [1].

К внутренним факторам, тормозящим внедрение инноваций в образовательный процесс, следует отнести:

1. Кадровый фактор - недостаточный кадровый потенциал образовательного учреждения в области применения информационно-коммуникационных технологий.

2. Психологический, где выделяются два типа психологических барьеров: когнитивный и регулятивный. Первый тип проявляется в отсутствии определенного знания о новом, вне чувствительности к новизне и вызывает пассивное противодействие. Второй тип выражается в недоверии к инициаторам, к руководству, к самому новому и часто вызывает активное противодействие.

3. Консерватизм мышления, который также относится и к психологическому, внутриличностному барьеру. Он обусловлен как индивидуальными особенностями личности, так и социально-психологическими чертами той общности, в которую он входит. Внешне этот барьер выступает в защитных высказываниях, которые часто отражают стереотипы, существует в обществе относительно конкретных инноваций [3].

Кроме того, в современном мире в условиях стремительного развития информационных и телекоммуникационных технологий наиболее актуальным остается вопрос дистанционного образования, вызывающее обоснованную критику участников процесса. Действительно, внедрение инновационных технологий в образовательный процесс учреждений образования связано с развитием дистанционного обучения. Однако, главной задачей образования в нашей стране всегда было воспитание самостоятельной, творческой личности, способной адекватно отвечать на вызовы внешней среды. Поэтому во все времена главным вопросом в сфере обучения, развития и воспитания был вопрос о качестве образования. Современный мир отличается стремительным развитием всех сфер жизни, информатизацией и всеобщей глобализацией, поэтому образование также не стоит на месте, а модернизируется. Поскольку сейчас основной ориентир в данной области направлен на личностный подход в процессе учебной деятельности, то инновационные технологии позволяют через использование новых средств и методов обучения и воспитания решать задачи, которые стоят перед современным образованием.

В формате дистанционного обучения есть ряд очевидных преимуществ, способных сделать процесс обучения наиболее доступным и интересным:

- удаленность от места обучения дает возможность совмещать его с работой и планировать свой график, сохраняя мобильность.
- более гибкое обучение предполагает выбор интересующих тем и разделов, возможность исправить ошибки, неоднократный возврат к отдельным вопросам и т.п.
- обучение и повышение квалификации из труднодоступных мест без отрыва от основной деятельности.
- технологичность, которая позволяет использовать современные программные и технические средства, делая электронное образование более эффективным.
- отсутствие конфликтных межличностных отношений, поскольку обучение носит обезличенный характер.
- экономия материальных средств обеих сторон процесса обучения в сравнении традиционным.

Однако, у каждого явления есть свои плюсы и минусы, и дистанционное образование также имеет свои существенные недостатки. Главным здесь выступает отсутствие прямой очной коммуникации между участниками образовательного процесса, что перевешивает все вышеназванные преимущества. Преподнесение преподавателем эмоционально окрашенного материала, личная заинтересованность своим предметом, возможность открытой дискуссии - все это в значительной мере способствует усвоению информации, выработке аргументированной точки зрения у учащихся и, соответственно, качеству обучения в целом. Кроме того, обучая дистанционно, практически невозможно простимулировать и поддержать творческую атмосферу в группе обучающихся. Недостаток практических и лабораторных работ делает теоретические занятия бесплодными, поскольку не дает возможности закрепить полученные знания. Научные и творческие работы имеют более низкий уровень, а достойный уровень демонстрируют лишь высокомотивированные, с хорошими навыками самоконтроля и самостоятельной работы, студенты[2].

Также следует отметить тот факт, что при дистанционном обучении требуется наличие целого ряда индивидуально-психологических условий, поскольку необходима жесткая самодисциплина, где результат зависит от самостоятельности, мотивации и сознательности учащегося, сформированности его умений и навыков. Этими способностями обладают лишь зрелые личности.

Таким образом, переход полностью на дистанционное обучение, учитывая указанные недостатки, не представляется возможным, если целью является качественное образование. Рассматривая его как дополнение, с современными ИТ технологиями, мобильностью, Интернетом, можно существенно поддержать и разнообразить традиционное очное образование. Новые технологии позволяют нам открывать новые сферы, поэтому дистанционное образование, как инновация, должно быть использовано, совершенствуя процесс обучения и

открывая возможности для саморазвития, но не заменяя собой уже сложившиеся традиционные формы, подтвержденные опытом.

Список использованной литературы:

1. Абдалина Л.В., Зайцева В.А. Общее представление о психологических барьерах в профессиональной деятельности преподавателя вуза // Вестник ВГТУ. 2014. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschee-predstavlenie-o-psihologicheskikh-barierah-v-professionalnoy-deyatelnosti-prepodavatelya-vuza> (дата обращения: 09.03.2021).

2. Корепанова Н.В., Стародубова Е.А. Дистанционное обучение: проблемы и перспективы// CCS&ES. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantcionnoe-obuchenie-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 11.03.2021).

3. Шувалова К.В. и др., Особенности внедрения педагогических инноваций в образовательный процесс // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №2 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnedreniya-pedagogicheskikh-innovatsiy-v-obrazovatelnyy-protsess> (дата обращения: 10.03.2021).

ЗАЛАДИНА М.В.

НГТУ им. Р.Е. Алексеева, г. Н.Новгород, Российская Федерация

НЕКОТОРЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В современном информационном обществе идеи, концепции, теории, любое созданное учёными знание без труда тиражируется разнообразными способами, становясь в цифровом мире всё более доступным. Отчуждённый таким образом результат научного и педагогического труда обычно используется другими людьми с немного иным (в лучшем случае) набором компетенций, и, не исключено, что даже с меньшим уровнем квалификации.

Кроме того, например, онлайн-курсы, как правило, создаются по заданному технологическому шаблону, то есть подгоняются под «прокрустово ложе» определённых компьютерных программ. Качество дистанционного образования, получаемого таким способом, несколько сомнительно. Это, в принципе, признаётся многими представителями университетской науки. Например, Д.Г.Китаев и В.Ю.Перов говорят о происходящем отчуждении преподавательского труда, когда «на место отношений «человек-человек» становится отношение «человек-машина», что также является одним из признаков господствующего отчуждения» [5, с. 106].

В информационном мире мыслительная деятельность частично передаётся искусственному интеллекту, формализуется. В результате происходит

отчуждение в самом процессе мышления, отчуждение смыслов, появление «принципиально антисмыслового мышления» [4, с.51], ослабление духовности, опирающейся на сопряжённые с культурой смыслы.

Ведь персональный духовный опыт конкретного человека, элементы, которые связаны с личностным знанием, формализовать трудно, и не факт, что вообще возможно. Кроме того, научные школы создаются в немалой степени в процессе происходящего в университетах неформального общения, также немаловажного для науки. А оно в последнее время (и это связано не только с пандемией) становится всё более дефицитным.

Ещё одно проявление отчуждения в науке – неадекватная интерпретация мультимедийным пространством полученных ею знаний, вызывающая снижение её престижа и уровня доверия к ней. Поскольку во главу угла медиа-корпорациями ставится зрелищность, коммерческая, а иногда и политическая целесообразность, поэтому то, что ими представляется «научным», иногда с реальной наукой не имеет ничего общего. Ради эмоциональной составляющей истиной зачастую пренебрегают. Поэтому можно считать симулякр науки отдельным культурным феноменом. Как пишет Н.Н.Емельянова, «в ситуации „отражение отражённого“ мы уже имеем дело с проблемами, аналогичными ситуации „отчуждение отчуждённого знания“...» [2, с.129]. И это не говоря уже о том, что иногда мы видим отражение того, что априори далеко от фактов.

Отчуждение научной информации от истины, её искажение в медиа-пространстве может происходить различными путями. Основные из них – следующие. Первый: примитивизация или самой научной проблемы, или способов её решения. Второй: так называемая «нарезка», то есть произвольно-предвзятая подборка научных фактов или цитат. Третий: некорректное сопоставление объектов, скажем, по разным критериям. Четвёртый: имитация строгой научности с помощью чрезмерного использования узкоспециальных терминов. Пятый: неоправданная апелляция к эмоциям. Шестой: отсылка к якобы авторитетному исследователю, по сути таковым не являющимся. Седьмой: применение тактики так называемого «информационного доминирования», когда подвергнутому критике исследователю не предоставляется возможности ответить. Восьмой: преждевременное обнародование результатов, из-за чего они рискуют быть неверно проинтерпретированы.

Как видим, ни количественное увеличение каналов информации, ни техническая модернизация способов презентации научных достижений не способствуют прямо и однозначно росту информированности общества.

Что касается созданного человеком искусственного интеллекта, он способен отчуждаться от своего создателя и даже в определённой степени ему противостоять. Сейчас искусственный интеллект используется как вспомогательный, сотрудничает с людьми, в принципе не заменяя их. Однако, к сожалению, теоретически существует вероятность того, что такая замена может произойти, и, что самое плохое, произойти неожиданно. Очевидно, есть

необходимость обсудить вопрос о способности искусственного интеллекта приобрести какие-то свойства личностей, стать новообразованным нечеловеческим актором, способным на каком-то этапе развития значительно превзойти людей по мыслительным способностям. В настоящее время он уже значительно быстрее человека может выполнять сложнейшие задачи. Сейчас роботы ещё не могут испытывать свои собственные эмоции. Однако учёные уже довольно успешно работают над поиском способов обучения распознаванию человеческих эмоций интеллектуальными техническими системами, «предлагают и разрабатывают формальный алгоритм, обозначая его как древо эмоций» [1, с.36].

Мы можем спрогнозировать появление такого качества этих новообразованных нечеловеческих акторов, как самоуправляемость, определённый аналог самостоятельности человеческой личности. Но у любой самостоятельной личности априори существуют собственные интересы. Если подытожить, налицо ситуация со следующими составляющими: 1) эти акторы будут превосходить человека в интеллекте, 2) обладать своими интересами, и, 3) находиться как в непосредственной близости от людей, так и в виде чипов внутри тела. В результате может оказаться, что люди станут объектами скрытого контроля, или даже манипуляции, причём, с использованием самой достоверной информации об их слабых местах.

Поэтому здесь «налицо классическая картина отчуждения: создатель искусственного интеллекта становится зависимым от своего создания. Причём, это будет, возможно, отчуждение такой степени, которую ранее трудно было себе представить. Теоретически нельзя исключить того, что люди могут стать несвободными не только в деятельности, но и в мышлении, и даже не заметят такого положения, поскольку их желания могут проектироваться извне» [3, с.45]. Очевидно, одной из актуальных задач философии вообще и этики, в частности, в настоящее время является переосмысление отношений человека с искусственным интеллектом. Важно сформулировать моральные принципы, которые должны эти отношения регулировать. При этом надо учесть, что основные *побудительные мотивы* людей находятся не в интеллекте, а в *смысложизненных стратегиях*, в том числе нравственных *ценностях*. Но в поставленной задаче научения искусственного интеллекта эмоциям ничего не говорится о привнесении нравственной составляющей, обучить которой интеллектуальные технические системы было бы ещё более важно. Хотя, разумеется, пока это, наверное, относится к области фантастики.

В принципе о необходимости создания «машинной» этики давно уже говорил фантаст Айзек Азимов, а научное сообщество стало это обсуждать всерьёз лишь в последнее десятилетие. Например, В.А.Кутырев отмечает как тревожную тенденцию тот факт, что человек в условиях усиления мощи технических средств постепенно всё меньше находится в центре управления процессами, а всё больше перемещается на их периферию, и перестаёт в принципе быть субъектом имеющих место процессов [4].

Получается, что средства производства, снабжённые искусственным интеллектом (мыслящие машины), из объектов могут превратиться в субъекты производства, оказывая обратное воздействие на своих создателей, что представляет собой достаточно тревожную ситуацию отчуждения.

Список использованной литературы:

1. Бекарев, А.М., Пак, Г.С. От научной философии к философии науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. – С. 34-36. <http://www.philosconf.unn.ru/files/2019/11/SbornikNNGU2019.pdf>
2. Емельянова, Н.Н. Социально-политическое измерение науки и техники // Философия науки и техники. – 2018. – Т. 23. – № 1. – С. 128-140. DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-1-128-140
3. Заладина М.В. Отчуждение в сфере современной науки и образования // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 4. – С. 41-50. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.055
4. Кутырёв, В.А. Последнее целование. Человек как традиция / В.А. Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с. <http://www.elcom.ru/~human/kutyrev/chelo.pdf>
5. Перов, В. Ю., Китаев, Д. Г. Проблемы трансформации университетской этики // Ведомости прикладной этики. – 2018. – № 52. – С. 98-110. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35598536>

ЗЕЛЕНОВ Л.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ВЛАДИМИРОВ А.А.

Волжский государственный университет водного транспорта,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ФОРМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ

Мировоззренческая интерпретация универсума сохраняет языковое многообразие освоения, истолкования, понимания человеческого отношения к универсуму.

Это объясняется многообразием типов мировоззрения несводимого к философии, а представленного ещё и религией, искусством, народным опытом.

Мы во всех наших работах философию трактуем не как вид науки, а как тип мировоззрения, а именно как «концептуальное мировоззрение». В отличие от науки как «номологического мировоззрения».

В нашей монографии «Общая теория мировоззрения» [1] обоснованы 6 типов мировоззрения с анализом их специфики. А эта специфика выражается и в понимании социальной материи как того специфического исторического образования универсума, в котором живут все субъекты как авторы и соавторы мировоззренческих типов: этносы, учёные, философы, художники, священнослужители, мифологи.

Уходя от однозначного понимания мировоззрения как философии, М.М. Прохоров последовательно развивает многомерное понимание мировоззрения, опрокидывая его на все стороны живой реальности. А эта «живая реальность» бытия и становится социальной материей как единством общественного бытия и сознания. Мы склонны толковать «социальную материю» не только как общественное бытие или объективную реальность, но и как виртуальную реальность, производную от общественного сознания. Даже понятие «общественная жизнь» стремится охватить это единство бытия и сознания, объекта и субъекта, объективного и субъективного, кажимости и видимости.

Гегель мудро сохраняет диалектическое многообразие проявлений сущности в явлениях, видимостях, кажимостях.

В.И. Ленин также мудро учитывает это при конспектировании Гегеля. Мы стараемся удержать это терминологическое разнообразие с учётом диалектики объективного и субъективного.

Если явление – это та категория, которая выражает адекватное сущности её проявление, не искажающее и не обедняющее сущности, хотя и отражающее только её отдельные грани, но при их общем соответствии родовой природе сущности (проявление сущности жизни в форме обмена веществ или наследственности), то в кажимости и видимости это деформировано, что и смущало И. Канта с его «вещью для нас».

Видимость – это такое проявление сущности, которое деформирует её объективно реальной ситуацией всеобщего взаимодействия явлений универсума, что и выражается в миражах, галлюцинациях и других объективных искажениях сущности. При этом в процессах освоения универсума субъект (человек) обладает способностью эту видимость доминантно воспринимать как объективность (пена на поверхности бурного ручья) в виде виртуальной реальности. Таковы искажения, деформации, отчуждения, фетишизации товарно-рыночного мира. Товарный фетишизм этого рыночного мира хорошо представлен Марксом при анализе объективной деформации потребительской стоимости товара или человека меновой стоимостью. Рождается виртуальная реальность видимостей ценности, полезности и так далее. Эта виртуальная реальность рыночной видимости становится фактором социальной материи. Человек, субъект обладает способностью такую видимость воспринимать как натуральную реальность, тождественную сущности вещей. СМИ и рекламно-рыночные механизмы усиливают эту способность, превращая человека в жертву рынка, виртуальной реальности, в одномерного человека-рыночника. Опиум рыночной видимости аналогичен опиуму религии как типа мировоззрения

догматического характера. Видимости рыночного мира становятся одним из концептов виртуальной реальности социальной материи.

Кажимость – вторая форма концепта виртуальной реальности, не адекватно отражающая сущность, но в основном субъективными силами человека, обладающего способностью фантазировать, выдумывать, домысливать и т.д. В кажимостях идеалистических или религиозных представлениях виртуально искаженно предстаёт сущность. И это обусловлено объективными гносеологическими и социальными причинами.

Эти кажимости моды, вкуса, симулякров, брендов и прочих виртуальной реальности образуют тоже социальную материю в её современном виде [2].

Еще раз обращаем внимание на то, что виртуальный мир социальной материи при помощи видимостей и кажимостей создаётся на основе единства объективных и субъективных моментов. Как «концепты», выражающие духовные аспекты виртуальной реальности в формах разных рыночных концепций, они не исключают, а предполагают одновременное использование их как «конструктов», выражающих технологические учения (методики, приемы, способы). Конструкции сопровождают концепции, духовное сопрягается с технологическим. Это характерно для рынка, для рекламы, для брендинга и т.д.

Преодоление искажённого виртуального мира социальной материи эпохи рыночной стихии возможно на основе развития эвристических способностей человека адекватно воспринимать явления сущности любого объекта, отбрасывая кажимости и видимости, искажающие сущность. Это предполагает развитие эвристик интеллекта человека, ибо эти эвристики раскрывают тайну интуитивной деятельности интеллекта. Эвристика есть у всех людей. Сократ развивал их. Мы в философском клубе работаем также: «Эвристика интеллекта человека» [3].

Список использованной литературы:

1. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Общая теория мировоззрения: монография. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2017. 134 с.
2. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Противоречия виртуального мира современной России: монография. Н.Новгород: Гладкова О.В., 2020. 90 с.
3. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Эвристика интеллекта человека: монография. Н.Новгород: ВГУВТ, 2020. 80 с.

ЗИНИНА С.М.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В высшей школе образовательное направление «Архитектура» традиционно относится к «творческим» направлениям профессиональной подготовки. Наделение его столь высоким статусом связано со спецификой труда архитектора, его направленностью на создание нового, нестандартного продукта. В связи с этим, креативность, как личностное качество, суть которого заключается во включение творчества во все виды контактов со средой, приобретает характер профессионально важного.

В рамках преподавания дисциплины «Психология творчества» нами был проведен ряд исследований, касающихся специфики проявления креативности у студентов выпускного курса направления «Архитектура». При изучении уровней креативности на основе изобразительного объективного теста Э.П. Торренса было выявлено, что в выборке из 33 студентов только у 24% креативности выше нормативного уровня. Вместе с тем, при изучении субъективных оценок студентами своих творческих способностей результаты были куда более оптимистичными. При описании психологического портрета своих однокурсников участники исследования (выборка 62 человека) часто использовали характеристики: «творческий человек» встречалось в 46,7% описаниях, «нестандартно мыслит» - 24,2%, «открыт новому» - 14,5% , «не загоняет в рамки, не зависит от других» - 8,1%.

Анализируя результаты исследования самооценки студентами качеств самоактуализированной личности (тест А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина), средняя оценка по шкале «Креативность» оказалась одной из самых высоких, а показатель вариативности индивидуальных различий по данной шкале - один из самых низких. Что еще раз подтвердило высокую самооценку большинством студентов направления «Архитектура» уровня своих творческих способностей и позволило прийти к выводам о том, что креативность можно рассматривать как реальную способность к творчеству (по объективному тесту Торренсу) и как ценность, которая определяет стиль жизни (по субъективному тесту самоактуализации). Для большинства студентов направления «Архитектура», креативность – это, прежде всего, ценное качество, которое определяет их стиль жизни, однако студентов с высокой креативностью как реальной способностью к продуцированию оригинальных идей - единицы [1].

По итогам контент-анализ 60 письменных работ студентов-архитекторов, посвященных педагогическим условиям актуализации творческих проявлений, нами были выделены следующие желательные для студентов условия, указанные в порядке частоты их встречаемости в текстах письменных работ.

1. Демократический стиль педагогического общения, создание творческой атмосферы на занятия (53,3%).

2. Совершенствование учебного процесса, преобладание практического материала, а не теоретического (51,6%).

3. Индивидуальный подход (40%).
4. Творческая свобода, отсутствие жестких рамок (40%).
5. Совместный поиск необычных и нестандартных подходов, передача опыта (36,6%) .
6. Конструктивная уместная критика и похвала (28,3%).
7. Стрессовые ситуации для выработки интересных решений (20%).
8. Акцент на формировании образов и идей, накопление багажа профессионального опыта (16,6%).
9. Объяснение практических целей выполнения учебных работ, большая осмысленность обучения (11,6%).

Содержание выше указанных педагогических условий показывает, что студенты в полной мере осведомлены о социально-педагогических факторах актуализации творческого потенциала личности.

К последнему курсу обучения в высшей школе студенты направления «Архитектура» в полной мере осознают проблемы, возникающие в профессиональном образовании и сфере будущей профессиональной деятельности. При содержательном анализе 26 письменных работ студентов, в которых их просили выделить наиболее важные проблемы архитектурного образования и архитектуры как профессиональной сферы, были отмечены следующие проблемы образования:

- консервативный и несовременный характер образования в целом, в высказываниях типа: «несовременность», «устаревшие методы обучения», «нет гибкости», «консервативность преподавателей», «нет новых современных методов», «устаревшее содержание», «медленная адаптация образования под современные темы и мировые современные тренды», «нет современных компьютерных программ» и т.п.) - в 58% работ;

- несовершенство содержания программы профессионального образования по направлению «Архитектура» в высказываниях типа: «много лишних предметов», «мало профильных», «нет реального выбора предметов», «не изучаем маркетинг, веб-дизайн, проект-менеджмент», «общеобразовательные предметы должны иметь связь с профессией», «мало практики, много теории» - в 54% работ.

- проблемы, связанные с отрывом обучения от реальной профессиональной деятельности (высказывания типа: «плохая связь учебной практики и реальной», «нет решения реальных проблем», «отсутствует обучение реальным навыкам» и т.п.) - отражены в 35% работ;

- проблемы методов и средств обучения в высказываниях типа: «недостаточная ориентация на самостоятельность и осознанность студентов при обучении», «не уделяется внимание обоснованию своей идеи», «мало используются групповые формы работы» - в 20% работ;

- субъективизм преподавателей при оценивании выполненных студентами проектов - 15% работ.

Анализ выявленных студентами проблем показывает, что большинство из них являются отражением «старых», извечных проблем профессионального образования, вызванных противоречиями между учебной и профессиональной деятельностью:

- между системным, контекстным использованием знаний в профессиональной деятельности и изолированностью, абстрактностью знания, содержащего в отдельной учебной дисциплине;

- между продуктивным (творческим) характером мышления при решении реальных профессиональных задач и репродуктивным способом освоения знаний в процессе обучения;

- между индивидуальным характером усвоения знания в процессе обучения и общественным характером труда, требующем коллективных форм работы.

В среднем каждым студентом было выделено 3-4 проблемы из области архитектуры и архитектурного образования, которые требуют решения, однако на просьбу отметить те из них, в решении которых сам студент готов принять участие, студенты отмечали 1-2 проблемы.

Подлинная креативность проявляется не только в умении видеть проблему, но и в готовности и способности продуктивно её решить. Будут ли на это способны нынешние студенты направления «Архитектура» будет зависеть от того, как они разрешат свое противоречие: между высокой значимостью креативности как профессионального качества, как ценностной установкой личности и весьма скромными возможностями проявлять подлинную креативность в реальной деятельности.

Список использованной литературы

1. Зинина С.М., Белова В.Э. Особенности проявления креативности у студентов направления «Архитектура» // IX Всероссийский фестиваль науки. - Сборник докладов. Нижний Новгород, 2020.

ЗУБКЕВИЧ Л.А.

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ФИЛОСОФИЯ КОНЦА XIX-XX ВЕКОВ НА ПУТИ К НОВОМУ МИРОВОЗЗРЕНИЮ

По данной теме автором совместно со студентами юридического факультета ННГУ в рамках учебной студенческой конференции было проведено исследование, обобщенные результаты которого будут представлены ниже (в полном объеме результаты публикуются в данный момент в ряде журналов).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития человечества существует глобальная проблема поиска нового мировоззрения как необходимого условия новой эпохи в развитии человечества, подвергаются критике и переосмысливаются константы старого мировоззрения — рационализм и антропоцентризм. Философия является авангардом мировоззрения, поэтому указанное переосмысление происходит прежде всего в рамках философских учений.

Под рационалистическим мировоззрением подразумевается мировоззрение Нового времени. Для этого мировоззрения характерно убежденность в том, что человек наделен всемогущим разумом (от природы или от бога), который подчиняет человеку природу, других людей, общество. Последние — лишнее отягощение для личности, но поскольку они существуют, то именно разум изобретает основы сосуществования Человека (который стал себя мыслить с большой буквы) и общества. И поэтому главной, а часто и единственной, проблемой философии признаются гносеологические, и еще уже, эпистемологические вопросы.

Следствием антропоцентризма является индивидуализм, порождающий социальный эгоизм, классовость (буржуазность) сознания или мировоззрения. Последнее развивает антропоцентрические представления в сторону количественного увеличения от понимания под центром мироздания конкретного индивида, до группы лиц, в основном социально-экономический класс. Однако, такой «оголтелый» рационализм и антропоцентризм в современную (с конца XIX века) переходную мировоззренческую эпоху стал подвергаться ревизии. Он корректируется, постепенно видоизменяется посредством разных философских концепций, таким образом осуществляется путь к новому мировоззрению. Ему мы пока не можем дать положительных характеристик, однако точно знаем, что это должна быть полная противоположность старому.

Методологическая «система координат» в нашем исследовании следующая: 1) современный поиск нового мировоззрения является продолжением переходных мировоззренческих изменений, началом которых является вторая половина XIX века; 2) основным критерием переходного состояния в процессе развития является переход от «старого» к «новому», изменчивость; здесь не существует какой-либо качественной определенности, происходит усиление или ослабление тенденций старого и нового; 3) «старое» и «новое» представляются нам как бинарные оппозиции (в понимании А.Н. Тетиора [2]); бинарные оппозиции — «универсальное рациональное средство, отражающее два противоположных состояния одного явления. Эти состояния рационально осмысливаются с помощью противоположных, с логической точки зрения, понятий» [1]; 4) исходя из этого, если под «старым» в данном переходном состоянии мы понимаем рационализм и антропоцентризм Нового времени, то под «новым» по правилам логики будет фигурировать «не

рационализм» и «не антропоцентризм», то есть в «новом» отрицается существенный признак данных понятий.

Рамки данной статьи не позволяют продемонстрировать все результаты проведенного нами исследования, поэтому ограничимся некоторыми наглядными примерами. Так обнаружено, что общей чертой философских концепций является применение синтеза идей или полипарадигмальности в философских концепциях. «Религиозный материализм» С.Н. Булгакова представляет собой философию, где на единой методологической основе софийности мира, всеединства Бога и мира синтезируются элементы разных философских парадигм (марксизма и «положительных достижений» европейской философии, материализма и идеализма, прагматизма и мистицизма). В.И. Ленин писал о тождественности, логики, диалектики и теории познания материализма, под которой подразумевал всю предшествующую материалистическую философию, также считал основой общественного развития синтез естествознания, науки в целом и диалектико-материалистического миросозерцания, тем самым основой синтеза становится мировоззрение общества и человека. Легальный марксизм пытался синтезировать неокантианство и марксизм, но не определился с основой для синтеза, поэтому результат получился отрицательным. Основой для создания «всеобщей организационной наука», тектологии, А.А. Багданова становится эмпирический опыт, по сути являющийся революционным опытом. А.В. Луначарский синтез материализма и идеализма видел возможным на базе «социалистического религиозного сознания». Г.В. Плеханов пишет о преемственности в философии, которая обеспечивается методом историко-философского анализа, философия есть синтез познанного бытия эпохи. Определенное объединение идей и опыта подразумевает конструирование бытия. Например, конструирование смысловых структур бытия в *Dasein* Хайдеггера, или когда в редукции Гуссерля конструируется мир, приписываются ему значения.

Следующий общий момент — обращение философов к смыслам, сущности мира, представление о жизни как целостности. Это реализуется в Гуссерлианском «жизненном мире», в том же *Dasein* Хайдеггера, в понятии «жизни» у Булгакова, «экзистенции» Ясперса, Камю, Сартра, «практики» В.И. Ленина.

Мы также пришли к выводу, что философские течения и школы являются переходными формами описанного выше состояния формирования и поиска нового типа философствования и нового мировоззрения. Они конкурируют между собой. В представленной системе методологических координат они выглядят следующим образом.

У В.И. Ленина мы обнаруживаем ту же веру в силу науки, что и в старом мировоззрении, более того, именно наука обеспечит переход к совершенному обществу. В основе его философии тот же гносеологизм (апелляция к здравому смыслу), но вместо логики предлагает диалектическую логику Гегеля, а вместо

метафизики — материалистическую диалектику. Однако, эти изменения достаточно существенны, так как приводят к утверждению новых мировоззренческих констант: изменчивости мира, релятивизма, материалистического объективизма. У В.И. Ленина философия является мировоззрением, в отличие от непродуктивных высот абстрактных категорий прежней философии. Подлинной философией является диалектический материализм, марксизм, который должен соединиться с естествознанием, у них один предмет. Естествознание и философия не могут быть мировоззренчески нейтральными, они всегда «партийны». В отличие от старой философии В.И. Ленин не говорит об отдельном человеке вне общества, вне истории, каждый человек имеет мировоззрение того социально-экономического класса, чьи интересы ему близки, или к которому он принадлежит. Поэтому речь идет не об индивидуальности или субъективности сознания, а его классовости. Общественное бытие определяет общественное сознание. Таким образом, несмотря на бытующее в советское время мнение о том, что Ленин предложил принципиально новое мировоззрение, мы не обнаружили этой принципиальной новизны. Философия В.И. Ленина — переходная философия, она имеет очень прочные старые мировоззренческие основания, но рационализм и антропоцентризм у философа подвергается серьезной ревизии и модификации, что делает возможным путь к новому мировоззрению.

Было изучено течение русского марксизма как переходная форма. В ней также были обнаружены в качестве бинарных оппозиций идеи рационализма (гносеологичность философии, примат науки, мышления и пр.), антропоцентризм и его существенный признак — индивидуализм, социальный эгоизм, с одной стороны, с другой — их логическая противоположность, так как речь идет об умозрительном рассуждении-конструировании. Многофакторность формы включает в себя в качестве факторов-идей концепции философов, которые поляризуются относительно бинарных оппозиций, или стремятся к их усреднению. Средним вариантом видится философия Плеханова, разные виды объективизма тяготеют к полюсу «старого», а активизм — к «новому». Но, поскольку на персональном уровне мыслители (за исключением Плеханова) постоянно «дрейфовали» в своих позициях между полюсами, то это течение распалось. Происходящий в то время процесс институционализации этой переходной формы не привел к положительному результату. Эта переходная форма не выдержала конкуренции с другой, более конкурентоспособной — марксизмом-ленинизмом.

Экзистенциальная философия также рассматривалась как переходная форма. Элементами старого (бинарной оппозиции) представляются: феноменальное рассмотрение экзистенциалов как априорных конструкций, априоризм, гносеологичность. К бинарной оппозиции нового стремятся такие идеи-факторы как экзистенциальная проблематика антропологических построений, иррационализм, апелляция к смыслам, причем индивидуальным смыслам жизненного самоопределения человека; «бытию» противопоставлено

«существование»: отход от четкого категориального аппарата с его логическими определениями к иррациональным категориям, не поддающимся логическому определению, а только описанию; отрицается онтологическая объективность. Многофакторность формы также представлена множественностью экзистенциалов как модусов существования индивидов. Противоречивость переходной формы проявляется в противоречивости самих факторов этой формы (экзистенциалов), также противоречива картина мира: противоречие онтического и онтологического, свободы и не свободы (это именно тезис и антитезис), многофакторности, ситуативности человеческого бытия и целокупности свободы. Динамика данной формы привела к возникновению «серединных вариантов» (К. Ясперс, А. Камю), которые полностью отошли от онтологичности, гносеологизма философии, но остановились на каузальности и телеологичности бытия, но это бытие не бытие вообще, а субъективное бытие индивида. То есть, все равно от общих понятий не ушли, остановились на фиксации изменчивости человеческого бытия. Единственная константа — конечность этого бытия. Поиски середины между разумом и экзистенцией привели к потере смыслов бытия, отрицанию мировоззренческих аксиологических констант и деструктивности выводов.

Список использованной литературы:

1. Зубкевич Л.А. Взаимосвязь социологических методик измерения бедности и развития человечества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 90-98.
2. Тетиор А.Н. Бинарная множественность природы. М.: РЭФИА, 1999. 234 с.

КАРИМОВ А.Р.

Казанский федеральный университет, г.Казань, Российская Федерация

РАСШИРЕННОЕ ПОЗНАНИЕ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Тезис о расширенном разуме (extended mind) заключается в том, что когнитивные процессы, формирующие наше сознание, могут выходить за рамки традиционно предполагаемых границ отдельных организмов, чтобы включать в качестве надлежащих частей аспекты физической, технологической и социокультурной среды организма. С точки зрения этого подхода ментальные состояния могут частично реализовываться структурами и процессами, расположенными вне биологии. (Clark, Sutton, Menary, Kiverstein, Farina).

Простой пример: привязка памяти к определенному месту – некоторые воспоминания возникают только при нахождении в определенном пространстве (школьные воспоминания и т.д.).

Кларк и Чалмерс цитируют исследование, в котором подсчитано, что во время игры в Тетрис на обработку фигур с помощью мыши субъект тратит приблизительно 300 мсек, тогда как если он делает это в уме, то около 1000 мсек [1]. Физическое прокручивание используется не только для того, чтобы позиционировать фигуру, но и часто, чтобы определить, являются ли фигуры совместимыми. В этом случае, как отмечают авторы исследования, физическое действие становится эпистемическим действием.

Эпистемические действия изменяют мир с целью помочь расширить когнитивные процессы, такие, как поиск и распознавание. Примером расширения нашего сознания являются приборы сенсорного замещения – это устройства, которые превращают сигналы из одной сенсорной модальности в другую: визуально-тактильные, визуально-слуховые, тактильно-слуховые и т.п.

Чтобы продемонстрировать, что когнитивный процесс может быть конституирован внешними факторами, Кларк и Чалмерс просят представить себе гипотетический кейс с пациентом, страдающим болезнью Альцгеймера Отто. Как и многие, кто страдает болезнью Альцгеймера, Отто полагается на информацию о среде, которая помогает ему структурировать свою жизнь. Отто везде носит с собой записную книжку. Когда он узнает новую информацию, он ее записывает. Когда он нуждается в какой-то старой информации, он находит ее в записной книжке. Допустим, Отто услышал о том, что в Музее современного искусства будет выставка, и он решает сходить на нее. Он обращается к своей записной книжке, в которой записано, что музей находится на 53-й улице, поэтому он идет по 53-й улице по направлению к музею.

Теперь представим себе Ингу. У Инги нормальная память. Сегодня она услышала от подруги, что в Музее современного искусства проходит выставка, и она решает посетить ее. Она думает минуту и вспоминает, что музей находится на 53-й улице, поэтому она идет по 53-й улице к музею. Очевидно, что Инга имеет убеждение, что музей находится на 53-й улице, и она имела это убеждение до того, как справилась у своей памяти. Но раньше это не было текущим убеждением, как и многие из наших убеждений. Это убеждение сидело где-то в памяти и ждало, чтобы мы к нему обратились.

Кларк и Чалмерс утверждают, что эти случаи структурно являются похожими, а именно: записная книжка для Отто функционирует точно так же, как память для Инги. Информация в записной книжке функционирует точно так же, как информация, которая конституирует обычное не-текущее убеждение. Просто так случилось, что эта информация находится за пределами физического организма. Действительно, записная книжка является некоторой константой в жизни Отто – он использует ее практически всегда. Информация в записной книжке является непосредственно доступной. После того как он получает информацию из записной книжки, он автоматически принимает ее. Наконец, информация из записной книжки была ранее в какой-то момент осознанной.

Принцип, согласно которому если две вещи функционально одинаковы, то они являются одним и тем же, называется Принципом Паритета (parity principle).

Принцип паритета призван, по мнению Кларка и Чалмерса избавить нас от «биошовинистического предрассудка».

Но не только артефакты в этом смысле расширяют наше познание, а другие люди тоже. «Что по поводу социально расширенного познания? Могут мои ментальные состояния быть частично конституированы состояниями других познающих? Мы не видим причины, почему нет, в принципе. В необычно взаимозависимой паре людей вполне возможно, что убеждения одного партнера будут играть такую же роль для другого, как и записная книжка Отто. Что является важным, так это высокая степень доверия, опоры и доступности. В других социальных отношениях эти критерии могут не выполняться эксплицитно, но они могут тем не менее выполняться в определенных областях. Например, официант в моем любимом ресторане может действовать как репозиторий моих убеждений о моих любимых блюдах (это можно также рассматривать как случай расширенного желания). В других случаях, убеждения человека могут содержаться в его секретаре, его бухгалтере или в его партнере по бизнесу» [1, с. 21].

Чтобы перейти к вопросу о том, насколько революционным может быть изменение в наших познавательных практиках, рассмотрим еще одно понятие – облачное хранилище и облачные вычисления. Облачное хранилище (Cloud storage), как следует из названия, является сервисом для хранения цифровой информации. Все данные, которые загружаются в „облако” или запускаются из него, хранятся на специальных серверах в гигантских кампусах, являющихся центрами обработки данных. Облачные вычисления Cloud Computing характеризуется совместным использованием ресурсов, программного обеспечения и информации через Интернет.

Насколько расширенным может быть расширенное сознание? Настолько, насколько это позволяет развитие современной техники и технологий. Современный цифровой абориген (т.н. поколение Z, т.е. рожденные после 2000 г.) в буквальном смысле делегирует обработку информации внешним источникам – прежде всего Интернет и соцсети. Подобно современным устройствам, которые все вычисления осуществляют посредством «облака», хранят информацию «в облаке», цифровой абориген не считает нужным пользоваться «внутренними» ресурсами, когда за один-два клика мыши он может получить ответ на любой вопрос/

Понятие «мышление в облаке» (thinking in the cloud) введено в последние десятилетия в философии сознания [2]. Так, например, Клоус противопоставляет организмическую память «О-память» и электронную память «Е-память». Последняя намного надежнее, чем обычная, организмическая память. Вы можете забыть время важной встречи, но программа, установленная на вашем смартфоне вежливо напомнит вам о ней. Например, программа Microsoft Outlook выполняет те же самые функции, что и биологическая память (сохранять и извлекать информацию в нужное время и т.д.).

Поиск в Google позволяет нам более быстро и легко найти факты, чем если бы мы вспоминали их с помощью биологической памяти. «Дело не только в том, что Google прост в использовании и добывает информацию быстро, но *он есть сам активная память (курсив наш – А.К.)*. Google, сохраняя указатели к массе информации, доступной в Интернете, и ее рейтинги, позволяет найти высокорейтинговые страницы по любому поисковому запросу за доли секунды. Его база данных постоянно обновляется, но, что для нас важнее, также обновляются алгоритмы и процессы, которые используются для поиска этой информации. Информация не хранится в Google пассивно, но - преследуя двойную цель быть полезным и получать прибыль - она постоянно просеивается и сортируется с помощью все более сложных технологий, расширяясь и подвергаясь обработке» [2].

Кто такой т.н. «цифровой абориген» с точки зрения тезиса о расширенном познании? Это тот, кто максимально расширил свои вычислительные мощности *за счет передачи на аутсорсинг* большей части вычислительных функций своего мозга вовне цифровой среде (сетевые ресурсы, соцсети и т.д.). Т.е. когда «цифровые мигранты» сетуют на то, что «цифровые аборигены» не знают элементарных вещей, например, что такое гелиоцентрическая система и кто такой Николай Коперник и т.п., то они просто используют термины «знать», «думать» в привычном нам, интерналистском смысле, т.е. что знание обязательно должно быть у нас в голове.

В каком случае, например, я знаю дни рождения своих друзей? С интерналистской точки зрения, я знаю нечто, если я удерживаю эту информацию в своей памяти и могу ее воспроизвести (и это мы можем проверить, например, на экзамене). С точки зрения тезиса о расширенном сознании, я «знаю», когда день рождения моих друзей, если об этом знает Фейсбук и он мне всегда напомнит об этом заранее (потому что мой смартфон всегда со мной 24/7). Мне не нужно держать эту информацию в памяти.

С точки зрения Тезиса о расширенном сознании полностью обесмысливается понятие плагиата. Когда на экзамене в ответ на ваш вопрос субъект, мыслящий посредством облака, копи-пастит вам информацию из Интернета и при этом искренне недоумевает, почему вы возмущаетесь этим, это все «неправильно» только с точки зрения традиционного «интерналистского» подхода к сознанию. Зачем ему помнить, кто такой Платон или Аристотель – ведь он всегда может почерпнуть эту информацию из Википедии одним-двумя кликами. С точки зрения данного субъекта, он сделал все правильно, потому что последовательность решения любой задачи для «облачного» мышления такая же.

Все это ставит большие вопросы о том, зачем вообще нужны эксперты в любой области? Зачем врач должен обучаться в течение десяти лет, если любой человек считает, что с помощью десятиминутного поиска в Сети он может сам поставить себе диагноз и сам выбрать себе подходящий курс лечения. Как утверждает автор книги «Смерть экспертизы» Томас Николс, сейчас мы

наблюдаем процесс обесценения экспертного знания в любой области. Спровоцированное Google, Wikipedia и блогами стирание любых границ между профессионалами и дилетантами, студентами и преподавателями, знающими и просто любопытствующими – другими словами, между теми, кто достиг определенных успехов в какой-то области, и теми, кто этим похвастаться не может [3].

Более того, все эти новые практики могут необратимым образом сказываться физиологически на мозге человека. Как пишет В.А. Бажанов: «Особенности культурного развития человека и его непосредственная деятельность оказывают заметное влияние на архитектуру мозга. Это проявляется в том, что определенные разделы мозга претерпевают такого рода физиологические изменения, которые связаны с выполнением определенных задач и/или более эффективным выполнением какого-то вида деятельности. Это позволяет говорить о культурно-деятельностной детерминации физиологического устройства и активности мозга» [4, с. 27-28].

Трудно прогнозировать дальнейшее развитие информационных технологий, но эти тенденции заставляют нас задуматься о нашем традиционном понимании ценности знания и критического мышления. В каком смысле любое знание может быть ценным в современную цифровую эпоху, когда большинство людей охотно делегируют когнитивные процессы на аутсорсинг поисковым алгоритмам Google?

Литература:

1. Clark A., Chalmers D. The extended mind // *Analysis*, 1998. №58 (1). P. 10-23.
2. Clowes, R. Thinking in the Cloud: The Cognitive Incorporation of Cloud-Based Technology // *Philos. Technol.* 28, 2015. P. 261–296.
3. Николс Т. Смерть экспертизы. М. Бомбора, 2019.
4. Бажанов В.А. Мозг, культура, социум. Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон Плюс, 2019.

КОПТЕЛОВА Т. И.

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, г.
Нижний Новгород, Российская Федерация

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НОВИЗНА В ПАРАДИГМЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Парадигма органической философии – интеллектуальная традиция и методология, сформировавшаяся благодаря синтезу естественнонаучных и гуманитарных знаний (теории порядка Г. Дриша [4, с. 163-178], идеям русского космизма, учению В.И. Вернадского о ноосфере [2, с. 382-458], теории ортобиоза И.И. Мечникова [8, с. 238-245], геософии евразийства 20-30-х гг.

XX в. [9, с. 13-78], теории этногенеза Л.Н. Гумилёва [3, с. 471-514]). Таким образом, парадигма органической философии представляет собой совокупность знаний, где в центре внимания находится цельность объектов действительности и законы живой природы. Именно жизнь, определённая предельно конкретно биогеохимическими свойствами каждого отдельного организма выступает здесь как проявление бытия. Поэтому важнейшей характеристикой бытия в парадигме органической философии выступает «воля к жизни» (определённая А. Швейцером), свойственная человеку и всему живому [10, с. 218]. И всё новое здесь целостно-функционально, отражает многообразие и единство, динамичность и завершённость, согласованность и антагонистичность живой природы.

Рассмотрение нового на уровне бытия вселенной, согласно органической философии, позволяет говорить о пластичном равновесии (согласованности мега- макро- и микромиров), где всё живое развивается и в то же время остаётся тождественным самому себе. Здесь новое — это раскрытие внутреннего потенциала вселенной. Новое в парадигме органической философии обязательно должно быть целостным. А целостность вселенной представлена вне времени и пространства как начальное и конечное состояние действительности. Принцип целостности неотделим от понимания нового во вселенной, в биосфере, в жизни человека и общества. И в то же время целостность рассматривается как причина всего существующего и как цель [6, с. 8-9]. В парадигме органической философии всё новое выступает как образ, отражение вселенского (всеобщего) целого. Поэтому всё подлинно новое обладает свойствами: завершённостью и полнотой. Подобное положение подтверждают открытия современной физики (исследования 1980-х гг. французского физика Алена Аспекта, привели к открытию мгновенной взаимосвязи микрочастиц, названной «нелокальностью», к выводу, что все квантовые частицы во вселенной, когда-либо находившиеся в одном состоянии, остаются внутренне связанными друг с другом [1]). Также и генетика показывает, что все клетки организма произошли из одной, поэтому тождественны по ДНК. Так, органическая философия не исключает принципиально метафизические характеристики нового, сопоставляя новизну с моментом рождения и завершения вселенной.

С точки зрения органической философии, новое в биосфере — это увеличение многообразия видов живых организмов. А для человечества новое — продолжение жизни в последующих поколениях. При этом онтологическая новизна в парадигме органической философии характеризуется особым видением пространства. Пространство здесь создаёт сама биосфера Земли. В связи с чем пространство вне биогеоценозов, без живых организмов теряет всякий смысл. Поэтому новое — это проявление становления, раскрытия всего потенциала вселенной как единого живого организма. Время также обретает новый смысл в парадигме органической философии, и все стадии в индивидуальной жизни (рождение, взросление, расцвет, увядание) наделяются новизной — неповторимой уникальностью.

Продолжение бытия человечества, согласно парадигме органической философии, невозможно представить без рождения новых этносов, увеличения культурного многообразия. И здесь парадигма органической философии позволяет говорить о новом виде энергии, источником которой становится альтруистическая любовь человека, воплощенная в индивидуальном творчестве. Творчество характеризуется созидательной жертвенностью альтруизма, оптимистическим жизнеутверждением, оно воплощает в себе всю цельность человеческой воли. Поэтому любое применение силы в отношении природы или человечества вне творческого действия ведёт к деструкции, разрушению действительности, уменьшает возможность появления нового.

Парадигма органической философии позволяет рассматривать новое в бытии личности как индивидуальное переживание культурных универсалий, спонтанность, непредсказуемость творчества. И онтологическая новизна невозможна здесь без проявления альтруизма в творчестве, той целевой детерминации будущего, которая ведёт к далёким идеалам, т. к., в противном случае, все стремления, продиктованные человеческим эгоизмом сиюминутны, ориентированы на текущий момент, который быстро уходит в небытие. В связи с этим общество, где «любовь к себе» достигает своего максимума, находится в стадии самоуничтожения [5, с. 36-38].

Новое в парадигме органической философии существует как продолжение, развитие живого. При этом оно не повторяется из поколения в поколение, новое принципиально уникально. Один из законов развития живой природы, сформулированный Г. Дришем, говорит о переходе интенсивного индивидуального развития в общий экстенсивный процесс так, что интенсивное пространственное разнообразие производит свой отбор из множества всех потенциальных путей изменения действительности [7, с. 144].

Таким образом, новое в парадигме органической философии — это не упрощение и унификация, не техническое облегчение жизни, производимое современной цивилизацией, а увеличение многообразия этносов, культур, видов и подвидов животных и растений в биосфере, это «разворачивание» вселенной, раскрытие её потенциала, заложенного вне времени и пространства. Новое — это индивидуальное творчество, с одной стороны отражающее духовные традиции многих поколений, а с другой — выходящее за рамки своего исторического пространства и времени (поэтому актуальное в будущем). Онтологическая новизна в парадигме органической философии представлена осмыслением полноты жизни, раскрытием её многообразия.

Список использованной литературы:

1. Аспект А. Теорема Белла: наивный взгляд экспериментатора, (Пер. с англ. Путенихина П.В.), 2007. URL: <http://quantmagic.narod.ru/volumes/VOL422007/p2135.htm>
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004. 576 с.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001. 560 с.

4. Дриш Г. Витализм. Его история и система. М., 1915. 280 с.
5. Коптелова Т.И. Интерпретации цифровой экономики в механистической и органической философии // Философская мысль. 2018. № 8. С.34-42.
6. Коптелова Т.И. Картина живого мира в парадигме органической философии // Философская мысль. 2018. № 11. С.1-15.
7. Коптелова Т.И. Логика органического. Наука для жизни или жизнь для науки?: монография. Н. Новгород, 2015. 236 с.
8. Мечников И.И. Этюды о природе человека. М., 1961. 290 с.
9. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. 464 с.
10. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. 575 с.

ЛАПШИНА В.С.

ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

УРБАНИЗМ В ОПТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Более века назад возник интерес к изучению города с социально-философской, социологической, культурологической, географических позиций. Это отразилось в работах Освальда Шпенглера, Георга Зиммеля, Макса Вебера и других мыслителей.

За последние годы философский интерес к проблемам урбанистики (науки, посвященной развитию различных городских систем) возрастает и отражается в серии работ, посвященных социально-философскому восприятию города как целостного организма, социокультурного универсума [2,3,10,13]. Среди отечественных исследователей можно выделить работы следующих авторов: Е.Ю. Агеевой, В.С. Вахштайна, Л.А. Зеленова, С.С. Касаткиной. Среди зарубежных авторов отметим работы: З. Баумана, Р. Флорида, Л. Костронь, М. Ридли и др.

Урбанизация – многосторонний социально-экономический, демографический и географический процесс, который происходит на основе исторически сложившихся форм общественного и территориального разделения труда. В узком понимании, урбанизация — это рост городов, особенно больших, повышение удельного веса городского населения в стране, регионе, мире.

Под урбанизмом чаще всего понимают городское планирование, в искусстве и литературе – изображение и описание больших городов, динамики их жизни. Урбанизм – это направление в градостроительстве XX в., считающее неизбежным и необходимым создание городов-гигантов с крупными зданиями. Согласно историческому словарю, урбанизм – это буржуазное течение, отстаивающее интенсивное развитие материальной и духовной жизни в городских центрах в ущерб развитию деревни [9]. В рамках настоящей работы

будем руководствоваться социологическим определением урбанизма. *Урбанизм – это социокультурные последствия жизни в городской среде: изменение системы ценностей, привычек, обычаев, моделей поведения человека.*

Урбанизация и урбанизм далеко не всегда идут параллельно друг другу. В развивающихся странах можно увидеть районы с высокой степенью концентрации населения, т.е. *урбанизированные*, но при этом с низким уровнем урбанизма [5]. К примеру, фавелы в городах Бразилии, отдельные районы в Бангкоке, город Мертвых в Каире и другие задворки мира. Согласно данным, приведенным в докладе Комиссии ООН по поселениям, на конец 2008 года в трущобах проживало около 1 млрд бедняков, из них 930 млн. – в развивающихся странах, то есть 42 % городского населения развивающихся стран. Наибольшая доля трущобных районов в населении городов наблюдается в Африке к югу от Сахары (72 %) и в Юго-Восточной Азии (59 %) [11].

Если рассматривать урбанизацию сквозь призму вопросов и проблем, возникающих и обсуждаемых в поле социальной философии, то непременно стоит отметить факторы общественного развития (объективные и субъективные).

Среди *объективных факторов* можно выделить: *социально-экономические* (характер экономики, потребности общества, степень научного и технического развития), *природно-географические* (климатические условия, ландшафт, запасы природных ресурсов, отдаленность или близость к каналам коммуникаций), *демографические*: численность и плотность населения, его половозрастной состав, соотношение городских и сельских жителей.

Итогом сознательной деятельности человека и социальных групп являются *субъективные факторы*: мировоззрение и сознание человека, его духовный мир, менталитет, общественный опыт, потребности, цели, интересы и ценности.

Результатами урбанизационных процессов является динамика развития общества, которая характеризуется противоречиями, неоднозначными результатами. С одной стороны, урбанизацию стоит рассматривать как позитивную тенденцию развития мира, как некий объективный исторический процесс, связанный с повышением качества жизни для большинства населения, проживающего на земной шаре [1]. С другой стороны, урбанизации сопутствуют не только позитивные перемены в жизни людей, но и отрицательные. Недостатком роста городов является загрязнение окружающей среды, перенаселенность городов, возникновение «кварталов бедных» в городах-мегаполисах, повышенная преступность. Результатом урбанизации являются принципиальные изменения в структуре занятости населения, в образе жизни современного человека, в характере социальных отношений. Всё это оказывает влияние на ценностный мир человека, осмысление им социальных, культурных, экономических процессов, протекающих вокруг. Исследователи современной урбанистической структуры России и её пространственной дифференциации выделяют в масштабах страны территории демографического роста и упадка. В

настоящее время на территории страны сформировались две крупные зоны с сокращающимся городским населением (Европейская и Азиатская) и шесть зон меньшего масштаба в которых городское население увеличилось (Юго-Западная, Центральная, Северо-Западная, Волго-Уральская, Сибирская и Якутская) [12]. Это обусловлено несбалансированным развитием экономической сферы в регионах, прекращением функционирования целых отраслей. Пространственная дифференциация урбанизации становится причиной депрессии не только в экономике, демографии отдельных регионов, но и социальной сфере.

Макс Вебер отмечал, что в городе отсутствует специфическое для общества соседней личное знакомство друг с другом» [4, с.9]. На этот пункт как ключевую черту города (в социокультурном отношении) указывает другой немецкий философ и социолог Георг Зиммель. Рассматривая повседневное человеческое существование в книге «Большие города и духовная жизнь», Зиммель отмечает, что «духовное отношение жителей большого города друг к другу можно с формальной точки зрения назвать замкнутостью» [8, с.90]. Мы нередко «даже в лицо не знаем соседей, с которыми годами живем в одном доме». Внутренней стороной этой внешней замкнутости является безразличие, взаимная чуждость, отторжение, невысказанное желание избежать контакта [8, с.92-93].

Об этой же особенности пишет Эллард Колин, директор Лаборатории городской повседневности Университета Ватерлоо в Канаде. Изучая влияние урбанизации, учёный отмечает, что психические расстройства, связанные с тревожностью, чаще всего развиваются в городской среде. Причину этому Эллард находит в добрососедских отношениях (а точнее, в их отсутствии). Например, тщательное исследование сплоченности соседских сообществ, включающее оценку их мобильности, процентной доли одиноких отцов и матерей и количества человек в семьях, показало, что люди, у которых хорошие и крепкие отношения с соседями, меньше подвержены тревожности и депрессиям [15, с.148-149].

Согласно социологу Луису Вирту, урбанизм как образ жизни есть преобладающая черта современного общества. Л. Вирт отмечает, что личностная дезорганизация, нервное расстройство, суицид, преступность, коррупция и беспорядок — всё это будет ожидаемо шире в городском сообществе, чем в сельском» [6, с.40].

Согласно сферному подходу, применяемому к изучению общества, принято выделять четыре сферы: экономическую, политико-управленческую, социальную, культурно-духовную. Сфера повседневности пронизывает все эти сферы, в основном — социальную. Л.А. Зеленов выделяет 8 сфер социума: экономическую и экологическую, научную и художественную, педагогическую и управленческую, медицинскую и физкультурную [7]. С.С. Касаткина анализируя состояние современного общества отмечает, что сегодня следует признать появление урбосферы, новой социальной действительности.

«Урбосфера в широком смысле – урбанизированный мир в целом, охватывающий глобальные процессы городского развития. Урбосфера в узком смысле – мир конкретного города. Структура урбосферы состоит из многообразия социальных отношений в городе. С.С. Касаткина подчеркивает взаимосвязь субъектов урбосферы, как в формате «общество – город» и «человек – город», так и в триаде «человек – общество – город» [10].

С точки зрения социальной философии, город и человек могут быть рассмотрены как диалектически взаимообусловленные субъекты взаимодействия. Современный горожанин может быть вовлеченным в проекты, связанные с исследованием города, городского пространства, благоустройства. Через социальные сети и мессенджеры реализуется практика дискуссий, обсуждений вопросов, касающихся социальных, жилищных и иных вопросов, потребностей жильцов микрорайона. С одной стороны, в этом явлении мы видим преодоление разобщённости, о которой писали Вебер, Зиммель, а сегодня пишет Эллард. С другой стороны, такая практика экспериментов «снизу» в городской среде становится частью повседневной жизни, вовлекая всё больше жителей города в процессы переустройства, «отвоевания» прилегающих территорий, создания собственных дворовых территорий отдыха, детских площадок и т.д. В научных исследованиях появился даже новый термин «хипстерский урбанизм». «Хипстерский урбанизм – это самая молодая на сегодняшний день городская идеология», – отмечает российский социолог В.С. Вахштайн [3].

В отличие от социологии, использующей сочетание теоретических и эмпирических исследований, посвященных городу, а также делающей акцент на быстром росте и неоднородности городского населения, социальной поляризации (расслоение на богатых и бедных), социальная философия начинает с понимания общих характеристик общественной реальности и общественного человека (человека в его социальных качествах). Психология пытаются найти ответы на вопросы: «Как влияют архитектура, городская среда, парки, ритм города на самочувствие человека?», «Как влияют на человека цвета, присутствующие в городском пространстве?». Изучая урбанизм как предметную область социальной философии мы сможем раскрыть логику социальных процессов, происходящих в обществе. Изучение урбанизма в оптике социальной философии позволит нам обобщить взгляды урбанистов, философов, психологов, архитекторов, социологов для решения противоречий современного города и общества.

Список использованной литературы:

1. Агаширинова, В.Ю. Урбанизация как сложное комплексное явление // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №8 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urbanizatsiya-kak-slozhnoe-kompleksnoe-yavlenie> (дата обращения: 10.02.2021).

2. Агеева, Е.Ю. Город как социокультурное образование: функционально-типологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Е. Ю. Агеева; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. - Нижний Новгород, 2005. - 48 с.
3. Вахштайн, В. С. Метафоры города и метафорика городских исследований: самописание vs метаписание / В. С. Вахштайн // Культура и искусство. 2015. № 1. С. 41–42.
4. Вебер, М. Город / Пер. с нем.; 2-е изд. – М.: Strelka Press, 2018. -252с.
5. Вершинина, И.А. Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-goroda-istoki-i-osnovnye-napravleniya-issledovaniy>. - Дата обращения: 18.02.2021.
6. Витр Л. Урбанизм как образ жизни. Пер. В. Николаев. Ред.: В.Бабицкая, Изд-во: Strelka Press, 2018. – С. 44-45.
7. Зеленев Лев Александрович Методология исследования социума // Вестник ННГУ. 2012. №1-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-sotsiuma> (дата обращения: 10.03.2021).
8. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. М.: Strelka Press, 2018. – 112 с.
9. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС 2010. http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения: 10.02.2021).
10. Касаткина С.С. Урбосфера: системно-семиотический анализ. 09.00.11 – социальная философия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Архангельск – 2019. – 38с.
11. ООН - Хабитат. Право на достаточное жильё. Изложение фактов № 21/Rev.1// ООН: Программа ООН по населённым пунктам. — Женева, Швейцария, 2010. — № 21. — С. 1—65. — URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FS21_rev_1_Housing_ru.pdf Дата обращения: 07.03.2021.
12. Соколов, А.А., Руднева О.С. Современная урбанистическая структура России и её пространственная дифференциация // Народонаселение. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-urbanisticheskaya-struktura-rossii-i-ee-prostranstvennaya-differentsiatsiya> (дата обращения: 10.02.2021).
13. Тюрина, А. А. Городское пространство как антропологический феномен / А. А. Тюрина, В. С. Лапшина // X Всероссийский фестиваль науки : Сборник докладов, Нижний Новгород, 14–15 октября 2020 года / Редколлегия: А.А. Лапшин, И.С. Соболев, Д.В. Монич, А.А. Смыков [и др.]. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2020. – С. 748-751.
14. Флорида, Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать / Ричард Флорида: Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Точка», 2018. – 368 с.

- 15.Эллард, К. Среда обитания: Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / Колин Эллард; Пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 288 с.

ПЕТЕВ Н.И.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация

ФЕТИШ И УСРЕДНЁННОСТЬ НОВИЗНЫ

Во все времена в обществе присутствовала диалектика новаторского и традиционного за обретение актуальности того, что представлено в инкарнированной форме этими понятиями. В истории развития человеческой мысли, в том числе философской, существовали периоды, когда доминирующими выступали традиции (т.е. установившееся и принятое), и когда новаторство являлось тем аспектом, реализация которого становилась показателем как социального, так и индивидуального развития. В современном обществе новизна приобретает особо радикальный характер, характеризующийся буквально фетишистским навязчивым стремлением обладания этим «статусом», и вызывающий параноидальную зависимость, в виду возникающей фрустрации. Быть новатором – это для сегодняшнего дня часто максима личности и самости. Однако, содержание подобной «новизны» не только часто носит сомнительный характер, но и может указывать на деструктивные и дисперсные тенденции, как индивида, так и общества в целом.

Новизна как явление современного мира и деятельности человека сегодня находится в глубоком кризисе. Существует фундаментальная проблема новизны. Действительно, новое может не восприниматься и не приниматься, в частности даже в области знаний фундаментального характера, так как для этого необходимо определённое время для апробации и внедрения. Современность по причине потребительского примата общества не может позволить себе тратить такой дорогой ресурс, как время. Особый динамизм общества диктует скорость как неотъемлемый критерий любого акта, творчества, создания и т.д., и новизна не исключение. К ней применяются двойные требования: она не просто должна иметь скорость общего развития человека и общества, но и многократно преодолевать её, выходить за её пределы. Фромм Э. отмечал, что обожествление скорости является серьезным элементом некрофилии [6, с. 447]. Несомненно, было бы иррациональным отрицать необходимость движения как развития и преодоления препятствий, однако стоит также учитывать, будет ли интенсификация иметь положительный характер или же приведёт к регрессу, или образованию статического состояния.

Современный индивид требуется от новизны, чтобы она уже была готова к употреблению. Лишь в такой доступной форме, новое не только может обрести актуальность в своей применимости, но и достичь собственно своего статуса. Эпоха массового потребления, несомненно, оставила отпечаток и на понятии новизны. Хайдеггер М. обращал внимание, что при изготовлении массового товара конститутивная отсылка (означающая пользователя и носителя) неопределенна, указывает на любое, среднее [7, с. 70-71]. Новизна как явление массового сознания не является исключением. Новаторство – это процесс не формирования чего-то совершенно иного, а процесс создания усредненного как доступного, прагматического и утилитарного. Это уже не творческий процесс, и даже не производство, а лишь воспроизводство. Наличие такого массового «нового» порождает переполненность и избыточность усреднённой новизны. Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что сегодняшний избыток возможностей обернётся беспросветной нуждой, скарденностью, тоскливым бесплодием [5, с. 50]. Действительно, современный мир изобилует возможностями как техническими, так и интеллектуальными (по причине накопления огромного фонда знаний и практики), но с другой стороны всё это вообще усложняет возможность новизны как таковой, особенно если она корректируется принципом массовой усреднённости.

Чрезмерность и излишек это свойства современного массового новаторства. Его искусственность состоит не только в создаваемом множестве усреднённого «нового», связанного с транспозицией из области качественного в количественное, но и в попытках выйти за установленные границы сфер, в которых оно «производится». Особенно в этот момент «выхода» обнаруживается и вскрывается мнимость данных процессов, так как в действительности «прорыв» является лишь возвращением к стандартам потребления и массовости. Для современной новизны свойственна абсолютная оторванность от наследования, радикальная автономия, неприятие исторического и т.д. Она не гармонично проистекает из имеющегося (отрицая или подтверждая его), она как бы возникает моментально, без предпосылок, как абсолютно иное. Такая искусственная радикальная независимость является лишь маской, чтобы скрыть истинное содержание. Ницше Ф. отмечал, что всё самое глубокое любит маску, а некоторые вещи (не всегда плохие) нуждаются в неузнаваемости [4, с. 67]. В случае с новизной скрытым является отсутствие её самой, ибо в действительности это явление очень хрупкое. Современные её формы в большинстве своём это лишь транспозиция и подмена понятий. Усреднённость новизны предполагает лишь копирование, но она не может себе заявить об этом, иначе это разрушит её.

Существует парадокс, требующий вышесказанной маскировки. Дело в том, что новаторство изменило своё телеологическое содержание: оно перестало быть открытием, становлением нового, что отличалось бы от имеющегося, теперь оно стало категорическим условием любой деятельности вообще. Само общество воспитывает бесконечное число «новаторов», одновременно

устанавливая им границы этого «нового». Только в этих рамках, нечто обретает свой статус «новизны». У индивида возникает неутолимое влечение к данному явлению, он стремится обрести его и это становится довлеющей задачей. Возникает определённый диссонанс, так как существует противоречие между установленными требованиями «новизны» (усреднённой) и действительным её содержанием, требуемым от этого понятия. Ещё Гоббс Т. отмечал, что люди не считают за благо то, что не даёт преимущество владельцу и не выделяет над другими [1, с. 82]. Ницше Ф. указывал, что всё великое и прекрасное не может быть общим достоянием [3, с. 66]. Как доминирующее условие всякой деятельности стремление к «новизне» во всём и везде ведёт к тому, что её обнаруживают там, где её нет, и в том, в чём её не может быть. Химеричная навязчивая идея настолько интегрирована в сознание индивида, что он может видеть то, чего нет, то есть обнаружить «новое» в вещах достаточно посредственных, но легитимно приемлемых в рамках границ установленного системой «новизны». Существует и более радикальный способ обретения этой актуальной статусности. Когда предъявляются требования к достижению успеха, а институциональные формы достижения не эффективны, они вытесняются незаконными, но более эффективными [2, с. 36]. Поэтому часто в погоне за «новым» индивид может переступать всякие границы (социальные, нравственные, психические и т.д.), и такое «достижение» начинает носить деструктивный характер. Оно даже может быть не новым, но лишь хорошо забытым старым по причине развития цивилизации. Или же оно может быть побочным эффектом развития общества (как например особая склонность к жестокости и насилию в рамках деструктивности садизма цивилизованного человека). В целом, очень часто «новым» обозначается лишь переоткрытие старого.

Несомненно, что для современного «новаторства» частыми качествами являются стремление к популяризаторству, комфорту и безопасности, обязательное количественное одобрение, контаминация с понятием нормы, инструментальный характер и т.д. Способом преодоления усреднённости является отказ от массовости с её утилитаризмом, а также готовность к риску и затраты времени для становления нового. Однако в большинстве случаев «новизна» в современном мире не может лишиться безопасности и комфорта. А поглощенное динамизмом пространство индивида исключает затрату времени на апробацию «нового». Навязчивое и патологическое желание новизны обретает фетишистское поклонение данному явлению, особенно благодаря конституированию и фундированию как категорическому условию любой деятельности. Однако такое положение вещей не только приводит к девальвации внутреннего содержания понятия новизны, но и инициирует такие формы мышления, отношения и поведения, которые не только никак не связаны с ней, но и могут носить деструктивный характер.

Список использованной литературы:

1. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Мн.: Харвест, 2001. 304 с.
2. Мертон Р. Вызов демона антисоциального поведения / Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. С. 23-40
3. Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: издательство «Э», 2018. 320 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2018. 256 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. 624 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.

ПИЛЯК С.А.

Государственный музей «Смоленская крепость», г. Смоленск,
Российская Федерация

ДВОЙНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Обращение к культурному наследию также является одним из векторов самоотождествления человека с гранями историко-культурной реальности [5, с. 6]. Объекты культурного наследия выступают некими зримыми символами эпох, верстовыми столбами истории. Как отмечают современные исследователи, «в результате одни грани культуры могут позиционироваться человеком как чуждые или «иные», а другие восприниматься как близкие, сопричастные и в итоге тождественные его идентичности» [5, с. 6]. Культурная идентичность является важнейшим отражением специфики человека, эпохи, региона и государства.

Ценность культурной идентичности, культурного наследия в целом, осознается лишь в случае утраты. Формирование понятия было связано с процессом коренной перестройки культурно-национальной карты Европы в ходе масштабных социально-экономических процессов XIX-XX веков: «Поиск национальной идентичности является одной из ярких особенностей европейской культуры постнаполеоновского времени. В этом же историко-культурном контексте происходит закрепление России в роли одного из наиболее значительных игроков на политической арене континента» [2, с. 425]. Ощущение постепенной утраты культурных скреп народа, региона или местного сообщества привело к научному осознанию ценности идентичности. Одним из основоположников концепции идентичности является американский психолог Э. Эриксон. Исследователь, анализируя междисциплинарную природу понятия идентичности, отмечает: «С одной стороны, ее можно отнести к сознательному ощущению личной идентичности, с другой – это бессознательное стремление к целостности личного характера, с третьей – это критерий для процесса синтеза

Эго. И наконец, внутренняя солидарность с групповыми идеалами и групповой идентичностью» [14, с. 206]

Как отмечают исследователи, «несмотря на единство цивилизационного типа, культуры всех регионов страны уникальны в силу географических, природно-климатических особенностей, наличных природных богатств, существующей инфраструктуры, исторического развития, демографической ситуации» [9, с. 40]. При этом наиболее характерными отличительными культурными особенностями регионов среди многих традиционно называют фольклор, ремесла, традиционную архитектуру, в том числе и музеефицированные комплексы под открытым небом [9, с. 43]. Такие маркеры региональной идентичности составляют наиболее очевидный набор категорий, транслирующих своеобразие региона, что в немалой степени упрощает понимание региональной специфики.

Региональная специфика, представленная в региональном культурном наследии, приобретает в условиях ускоряющейся глобализации особое значение. Как известно, «каждый регион имеет свой культурный ландшафт, природно-климатические условия, место расположения территории, что не может не отразиться на процессах социокультурной сферы» [4].

Поскольку любая общность, к которой может отнести себя человек, способна сформировать идентичность, признаки, по которым формируется эта общность, и будут свойствами идентичности. Тем не менее, «поскольку структура идентичности имеет многоуровневый и гибкий характер, все виды идентичности взаимосвязаны между собой и имеют особый характер «преломления» в социокультурном пространстве, а потому говорить о каком-либо конкретном виде идентичности изолированно от других практически невозможно» [11, с. 654].

Процессы освоения заселенных пространств, маркировки этих территорий, к примеру, храмами, представляют не столько процесс экономического или военного характера, сколько культурную трансформацию среды. К. Кокшенева именует церкви «знаком веры» [8, с. 14]. Также храмы могут служить «знаком религии», то есть неким верстовым камнем, отмечающим поле присутствия приверженцев определенной религии. Весомое значение в формировании культурной идентичности имеют духовный и религиозный аспекты. «Религиозность раскрывает глубину человеческой души в ее поступках как актах нравственного самоопределения» [10, с. 177].

Нередко культурную идентичность связывают с национальным менталитетом. Исследователи отмечают что «уникальность и оригинальность культурного творчества каждого народа (этноса) обусловлены тем, как в сознании, психологии отражаются особенности его исторического развития, вся совокупность общественных и природных условий» [1, с. 27]. Дискуссии на тему того, какие – общественные или природные особенности преобладают в формировании идентичности, до сих пор не принесли однозначного решения.

Как отмечают исследователи, «регионализация по своей внутренней сути является обособлением и отграничиванием по принципу «наше – не наше», «мы – они», что, в свою очередь, связано с самоидентификацией, самоопределением и самоотнесением совокупности людей к определенной общности «региональных» материальных условий и духовных (национальных, конфессиональных и др.) ценностей» [3, с. 50]. В этом случае «Чужак предпринимает попытку истолковать культурный образец (pattern) социальной группы, с которой он сближается, и сориентироваться в нем» [12, с. 533]. Стоит отметить, что собственное культурное наследие вполне может стать для человека наименее известным по сравнению с популярным, ярким, грамотно интерпретируемым наследием иных сообществ, в том числе и государств.

С учетом вышеизложенного в условиях России особое внимание следует уделить понятию двойной идентичности, разработанному К. Хюбнером [13, с. 12]: «После того, как Россия вобрала в себя Великую Степь и разнородные культуры своих южных соседей, она сформировала двойную идентичность – этническую и общенациональную» [7, с. 285-286]. Именно эта особенность российского менталитета объясняет исключительный характер российского государства и масштаб освоения различных территорий, населенных сотнями народов.

Как отмечают исследователи, «...вследствие глобализации и усиления миграционных процессов на современной карте мира практически не осталось моноэтнических государств» [6, с. 48]. В России при этом создание государственной многонациональной идентичности возможно и реализуется при условии сохранения национальной идентичности каждым регионом, что заметно отражается и на региональной культурной политике в целом. Особенностью интерпретации культурного наследия является высокое прикладное значение фундаментальных исследований по данной теме. Наиболее лаконичным определением наследия остается его понимание как субстрата национальной идентичности. Соответственно, культурное наследие становится одновременно главным инструментом и капиталом реализации государственной культурной политики. Именно двойная культурная идентичность, выраженная в форме внимания к культуре и религии как отдельного региона, так и государства в целом, не только стала ключевой особенностью российского культурного ландшафта.

Список использованной литературы

1. Бабаков, В.Г., Семенов, В.М. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы) - М., 1996. - 70 с.
2. Будрина, Л.А. «Новый порфир» или национальный символ? Трансформация образа малахита / Актуальные проблемы теории и истории искусства — 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под

ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: НП-Принт, 2018. С. 425-426.

3. Региональная культурная политика: методология, институты, практики : Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т Наследия, 2019. – 206 с.

4. Ефимец, М.А., Мерзлов, Н.Г., Шаповалов, Д.В. Культурные интересы устойчивого города в контексте благосостояния региона: Новоуральский городской округ // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 2. С. 142-155.

5. Иконникова, С.Н., Леонов И.В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 6-10.

6. Козловцева, Н.А. Региональные практики консолидации русского мира на основе русского языка // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. –М.: ИП Лядов К.В., 2017. С.48-55.

7. Кольев, А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. – М.: Логос, 2005. – 800 с.

8. Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования [Электронный ресурс] / Капитолина Антоновна Кокшенева. – М. : Институт Наследия, 2019. – 472 с. – URL: [http:// heritage-institute.ru/?post_type=books&p=21867](http://heritage-institute.ru/?post_type=books&p=21867).

9. Ройфе А.Б. Культура регионов России в контексте культурологии М.С.Кагана // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. –М.: ИП Лядов К.В., 2017. С.38-43.

10. Сенюшкина, Т.А. Кризис идентичности и цивилизационное наследие Православной культуры // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Ин-т Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия. 2016. С. 173-182.

11. Швецова, А.В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 653-661.
12. Шюц, А. Чужак: социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. В.Г. Николаев, С.В. Ромашко, Н.М. Смирнова. М.: РОСПЭН, 2004. С. 533-549.
13. Хюбнер, К. Нация. М.: Канон., 2001. - 396 с.
14. Эриксон, Э.Г. Детство и общество. М.: ИТД «Летний сад», 2000. – 416 с.

ХОЗЕРОВА Т.П.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ЦИКЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИИ КАК ДВИЖУЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ

Важным условием определенности в понимании как будущего, так и прошлого, а также, впрочем, и настоящего является или должно быть целое истории, история как целое, ибо нельзя знать часть, не зная целого, если неизвестно частью какого целого оно является. Однако рассматривать историю как целое невозможно, ибо в ней присутствует запредельность, или трансцендентность, причем в тенденции, в перспективе.

Наиболее полным и всеобъемлющим подходом, не отрицающим закономерность в истории, в тоже время системным и многоуровневым является идея метапаттернов, то есть теоретических моделей исторического процесса. Метапаттерны представляют предельно глубокий уровень исторической реальности как понятия предельно широкого, выводящего нас за пределы всего известного, познавательно доступного, которое при этом выступает в качестве конечного основания внутреннего единства всего исторического процесса. Мы акцентируем внимание на циклическом метапаттерне.

Циклическая модель истории - одна из древнейших в человеческой культуре, она является первым в ряду настойчивых познавательных усилий, цель которых - овладение временем и историей. Вероятно, в качестве мировоззренческого ориентира образ цикла сформировался на основе наблюдений явлений природы: смены времен года, лунных фаз, морских приливов и отливов, жизненно- биологической размерности (рождение...смерть) земного пути человека.

Следует отметить, что цикл, цикличность - непреходящий элемент архаической мифологической картины мира. Достаточно вспомнить мифы, повествующие о периодических катастрофах и обновлениях мира, об умирающих и воскресающих богах. Подобное видение мира встречается,

практически, у всех народов и во всех культурах. Такую, например, яркую, инкрустированную числами идею цикличности мы находим в индийской мифологии, в частности, в учении о четырех югах (поколение, эпоха, период времени, век, эра).

Еще на заре древности и до наших дней в учениях многих тайных обществ идее цикличности соответствуют представления о смерти кандидата в прошлой жизни и воскрешение его в жизни новой, в рамках тайного братства. [1,с.67] .

Циклическая модель являет собой также и смыслообразующее зерно великих религий. Основу цикла представляет посвящение, смысл которого состоит в символической смерти кандидата и возрождении его к новой жизни.

В Индии сохранилось множество древних религиозных форм, бытующих наряду с более новыми идеями и верованиями, такими, как тантризм, йога. Символика смерти при посвящении очевидна в различных психо- философских аспектах, характерных для йоги. В рамках циклической модели можно рассматривать цивилизационный и культурологический подходы к истории.

Цивилизационный подход был предложен Арнольдом Тойнби в своем труде «Исследования истории». Центральное понятие, используемое его сторонниками, - цивилизация. Суммируя выделенные черты, можно согласиться с определением, согласно которому цивилизация есть собственно социальная организация общества, характеризующаяся всеобщей связью индивидов и первичных общностей в целях воспроизводства и приумножения общественного богатства

Цивилизационный подход мало известен, о чем свидетельствует, например, то, что у разных авторов он трактуется далеко не однозначно. «Цивилизация, по Тойнби,- устойчивая общность людей, объединенная духовными традициями, сходным образом жизни, географическими, историческими рамками» [2, с.283]. Развитие цивилизаций является дискретно-стабильным, т.е. переход от одной стадии к другой не происходит автоматически, и что не все цивилизации в обязательном порядке проходят все названные стадии. При этом число стадий ограничено, они представляют следующую цепочку: возникновение- рост-надлом- распад. В конечном счете, на месте распавшихся цивилизаций возникают новые, и цикл развития возобновляется. Гибнущие цивилизации не всегда дают начало новому, родственному поколению цивилизаций. Но географически место ушедших цивилизаций занимают и осваивают другие цивилизации.

Цивилизационный подход представляет собой вариант циклической модели истории, поскольку развитие цивилизаций построено как цикл, т.е. возникновение - рост-надлом - распад.

Культурологический подход был предложен немецким философом Освальдом Шпенглером. Центральное понятие данного подхода - культура. Понятие «культура» Шпенглера близко понятию «цивилизация» у Тойнби, однако «цивилизация» у Шпенглера имеет иные значения, чем у Тойнби.

Органическую совокупность всех форм истории, форм «живого мира», душевно-духовной стихии человеческого бытия Шпенглер называет культурой [3, с. 14].

В основе каждой отдельной культуры, по Шпенглеру, лежит своя собственная идеальная форма, свой первообраз, или чистый тип. Каждая культура проходит стадии, переживает возрасты детства, юности, возмужания и старости, развития, расцвета и увядания. Необходимым завершением, естественным исходом, неизбежным концом любой культуры является цивилизация. Всего О. Шпенглером было выделено восемь культур: индийская, китайская, вавилонская, египетская, античная, арабская, русская, западноевропейская.

У каждой культуры свое собственное мироощущение, собственные пути развития. Ее понимание доступно лишь тому, кто душой принадлежит к этой культуре. Вживание, наблюдение, сравнение, точная чувственная фантазия - таковы, по Шпенглеру, основные средства исторического исследования. Завершив свой жизненный цикл, осуществив всю сумму своих возможностей в виде «народов, языков, верований, искусств, государств и наук», культура умирает, вновь возвращаясь в первичную духовную стихию» [4 с. 36]. Свою концепцию истории Шпенглер считал очень полезной для будущих поколений, поскольку она, по его мнению, ясно указывает на внутренние возможности, равно как и на ограниченности каждой эпохи.

Культурологический и цивилизационный подходы раскрывают постоянный процесс смены одной стадии развития общества на другую. И каков бы ни был конец развития той или иной культуры, начало нового открывает новый цикл.

Таким образом, идея цикличности, представленная циклической моделью развития истории, показывает нам переход от одной стадии к другой на примере отдельных религий, явлений, цивилизаций, завершение и в то же время начало, слияние нового и старого, противостояние, борьба и единение. Именно идея цикла дает возможность всестороннего развитию общества.

Список использованной литературы:

1. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины [Текст] / отв. ред. Бромлей Ю.В. - М.: Прогресс, 1986. С. 67-70.
2. Тойнби, А. Постижение истории [Текст] / А. Тойнби. - М.: Прогресс, 1991. С. 283-286.
3. Шпенглер, О. Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер.- М., 1923. - Т.1, С.13-40.
4. Философия истории: онтология [Текст]: учеб. пособие. - М.: АО «Аспект Пресс», 1998. С.36.

ЧЕБОТАРЕВА С.В.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Н. Новгород, Российская Федерация

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К НОВОВВЕДЕНИЯМ И ИННОВАЦИЯМ

Инновация - это процесс внедрения нового в различные сферы организационной и общественной деятельности. Этот процесс непосредственно связан и с научно-техническим прогрессом, и со стремительно изменяющимися условиями и темпами современной жизни, характеризующейся динамичностью, нестабильностью и неопределенностью.

Изучением психологических проблем отношения человека к новому посвящены исследования многих отечественных психологов (А.Л. Журавлев, Н.А. Ильина, Б.Д. Парыгин, А.И. Пригожин, А.Л. Свенцицкий, О.С. Советова, Е.В. Виттенберг и др.). Изучается отношение человека к новому как в широком смысле – к широкомасштабным социальным изменениям и переменам, так и в узком смысле – к конкретным нововведениям и инновациям, исследуется феномен готовности к инновационной деятельности (В.И. Долгова, Л.Г. Почебут, В.А. Чикер, А.П. Альгин, Л.М. Подлесная, С.Б. Ребик, М.И. Фаерман).

Исследователи отмечают, что важным психологическим моментом, способным затормозить инновационный процесс, а в некоторых случаях и вообще остановить его, является неприятие человеком инноваций, которое получило название «психологического барьера» по отношению к нововведениям.

А.И. Пригожин определяет психологический барьер как «силу привычки, нежелание менять устоявшийся стандарт поведения, боязнь неопределенности» [3]. Л.М. Подлесная описывает психологический барьер как «неосознанную актуальную установку, детерминирующую индифферентное или отрицательное установочное отношение к общественно-значимому новому». М.В. Кроз понимает под психологическим барьером разновидность социальной установки аттитюда к нововведениям, точнее – негативный полюс установки [4].

Психологический барьер - это сопротивление переменам, состояние, мешающее процессу адаптации человека к новой среде. Оно связано с психологическим складом личности, а также с стремлением людей к сохранению стабильности, предпочтением «знакомого» «незнакомому».

Противоположным феноменом является наличие психологической готовности к принятию изменений. Б.Д. Парыгин подчеркивает, что «психологическая готовность к действию в новой ситуации предполагает скорее преодоление стереотипа, чем следование ему, столкновение разноречивых установок, нежели диктат одной из них. В ситуации инновации психологическая готовность предусматривает чаще всего ломку, разрушение сложившихся ранее

стереотипов и шаблонов вследствие их полного несоответствия новым условиям деятельности». Разрушение прежних психологических установок, которые в свое время обеспечивали эффективность действий, может быть вызвано изменением как внешних условий, так и его внутренней психологической настройкой [2].

О.С. Советова изучает феномен инновативной диспозиции личности – предрасположенности личности к изменениям и нововведениям, составляющей часть всей диспозиционной структуры личности. Инновативные диспозиции личности имеют иерархическую структуру. На высшем диспозиционном уровне выделяются обобщенные диспозиции - предрасположенность личности к изменениям в самом широком смысле. На среднем уровне - отношение к инновациям в различных сферах жизнедеятельности. Конкретные инновационные установки в профессиональной деятельности соответствует низшему уровню диспозиций. Наблюдается воздействие высших уровней иерархии диспозиций на нижележащие конкретные установки. Обобщенная инновационная диспозиция определяется особенностями мировоззрения личности и ее ценностными ориентации, которые способствуют или препятствуют изменениям на уровне конкретных инновационных установок. Готовность к изменениям в конкретной деятельности будет выше, если этому способствует ценностно-ориентационная структура, т.е. когда инновативная диспозиция внутренне согласована [4].

Согласно результатам исследования Советовой О.С., соотношение людей с различными инновационными диспозициями такие: консерваторы – 32,7%, умеренные – 38,5%, инноваторы – 20,3%, радикальные инноваторы – 8,2%.

В исследовании О.С. Советовой показано, что максимальные инновационные установки имеют люди в возрасте 25-29 лет, радикально-инновационные выше в возрасте 30-39 лет, консервативно обобщенные установки преобладают в возрасте 50-59 лет. Выделены следующие тенденции: военные показали высокую готовность к изменениям; деятели науки, культуры, искусства, а также предприниматели показали высокий процент инноваторов; управленческий аппарат, работники сферы строительства, сферы обслуживания, просвещения/образования, снабжения – показали высокие результаты консерватизма [4].

Как показывают психологические исследования, инновационная диспозиция связана с общеличными свойствами человека.

Консерваторы – склонны к спокойствию, обособлению, твердости в делах и личных контактах, зрелые, постоянные в своих планах, привязанностях, конформны, склонны все усложнять, старательно планировать свои поступки, ко всему подходить очень серьезно, осторожно, обладают высокоразвитым чувством ответственности, точны, аккуратны, робкие, осторожные, расчетливые, практичные, проницательные, не любят перемен, возражают против изменений и откладывают их, склонны к нравоучениям, безразличны к удачам и неудачам,

не стремятся к достижениям и переменам. Преобладает мотивация избегание неудачи, объектность, уровень субъективного контроля у них экстернальный.

Инноваторы – бодрые, активные, легко воспринимают жизнь, высокая способность к социальной адаптации, готовые к сотрудничеству, коммуникабельные, склонные к непостоянству, независимые, игнорируют социальные условности, агрессивно отстаивают свои права, невосприимчивы к угрозе, отсутствует проницательность, имеют тягу к риску, склонны к эксперименту, гибкие, легко приспосабливаются к изменениям, не доверяют авторитетам. Преобладает мотивация достижения успеха, субъектность, уровень субъективного контроля – интернальный, высокая креативность и гибкость мышления.

А.Л. Журавлев, рассматривая вопрос о психологической готовности людей к происходящим изменениям, выделил социально-экономические типы людей по их отношению к организационно-экономическим нововведениям в зависимости от интенсивности проявления трех психологических компонентов:

- психологической готовности к нововведениям (мотивационный компонент – желают или не желают изменений),
- подготовленности к жизнедеятельности в новых условиях (знания, умения, навыки, опыт и т.п.),
- реальной активности (действия, поступки, деятельность) [1].

Различные сочетания желаний, знаний и действий позволяют разбивать людей на 9 социально-психологических типов:

- «активные реформаторы» (желают экономических изменений, умеют работать в новых условиях и активно действуют);
- «пассивные реформаторы» (желают, умеют, но не действуют);
- «пассивно-положительно относящиеся к нововведениям» (в основном желают изменений, но не умеют и не действуют):
- «преодолевающие себя» (умеют и действуют, но не желают изменений);
- «неэффективные» (желают и действуют, но не умеют);
- «выжидающие» (умеют, но не желают и не действуют);
- «слепые исполнители» (выраженного желания нет, не умеют, но действуют в направлении изменений с помощью других);
- «пассивные противники» (не желают, не умеют и не действуют);
- «активные противники» (не желают, не умеют, действуют против изменений)

А.Л. Журавлев отмечает, что различные социально-психологические типы людей нужно оценивать по-разному, и работать с ними разными методами. Любые социально-экономические преобразования неэффективны, если они опираются на концепцию «среднего унифицированного человека» или рассчитаны на депсихологизированные трудовые группы и слои общества. Упрощение социально-психологической типологии, недооценка ее значимости

или тем более ее игнорирование чрезвычайно опасно в ситуации интенсивных социальных изменений. Для успешного процесса социальных преобразований необходим учет психологического фактора - психологических особенностей отношения человека к нововведениям и инновациям.

Список использованной литературы:

1. Журавлев А.Л. Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 11-37.
2. Парыгин Д.Б. Социальная психология территориального самоуправления. М., 1993.
3. Пригожин А.И. Нововведения, стимулы и препятствия: социальные проблемы инноватики. М., 1989.
4. Советова О.С. Основы социально-психологических инноваций. СПб, 2000. С.78-140.

ЧУМАКОВ В.А.

г. Дзержинск, Нижегородской обл.

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ НОВАЦИИ И ОФИЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ²

Старое и новое в философии рассматривается в отношении понятий и представлений, обращённых к практическим процессам, знаниям и идеологиям. Развитие человечества связано с непрерывной заменой старого содержания этих элементов новым наполнением. Отношение старого и нового есть отношение *противоположностей*, существующих в одном времени, занимающих разное признаваемое общественное положение и связанных борьбой за выживание, указывающее на *единство* их приложения. Это *сближает* их отношения к диалектической закономерности единства и борьбы противоположностей, происходящих в одном объекте, хотя она ничего не говорит о происходящих при этом процессах. Для этого существует закономерность перехода количественных изменений в качественные. Возвышение нового и сдача позиции старого происходит *количественным* путём, получая в конце процесса развития *качественную* перестройку рассматриваемого содержания, замену старого новым, если оно было более прогрессивно, правильно и, как говорил В. Ленин - верно. О дальнейших этапах качественного изменения системы указывает закон отрицания отрицания, который, однако, учитывая случившийся регресс в замене СССР буржуазной РФ, не всегда может определять

² Текст публикуется в порядке дискуссии

прогрессивность направления развития. На этом основании автор сформулировал *интегральный закон диалектики*: «Развитие единой системы элементов, включающей противоположные составляющие, заключается в количественных изменениях разнонаправленных элементов, до наступления превалирования одной и, соответственного умаления другой, приводящие рассматриваемую систему в качественно иное содержание и появления противоположностей нового свойства, дающие основания для последующего развития».

Интегральный закон диалектики используется для уточнения понимания *регулятивно-диалектического механизма* (РДм), предложенного автором в 2014 году [3, с. 31-38]. К сожалению, РДм до сих пор *отвергается философским руководством РФ*, показывая своё истинное отношение к взаимодействию старого, консервативного и нового, *тормозя* развитие философских знаний. В РДм констатируется, что в сознании возникают представления, благодаря получаемой информации, о существующем, т. е. о старом бытии, и противоположные - о его необходимом, новом состоянии, производимое кибернетическим блоком сознания. Разрешение диалектического противоречия, являющимся *источником развития*, приводит к формированию кибернетическим блоком решения по изменению бытия. Человек начинает желаемое изменение бытия в деятельностном процессе регулирования, в котором сознание - субъект управляет изменением бытия - объекта регулирования. Совместное функционирование диалектического принципа развития и деятельностного управления изменением бытия человеком приводит к желаемому результату состояния бытия. Процесс изменения бытия непрерывно контролируется по линии обратной информационной связи замкнутого контура управления и выделении в сознании ещё невыполненных изменений бытия в продолжающемся *регулятивно - диалектическом процессе управления*. Ликвидация в сознании противоречия между существующим и желаемым означает появление нового содержания бытия, отвечающего интересам человека или общества.

Такое понимание процесса развития должно быть отнесено и к развитию социума, в котором общественное сознание воспринимает информацию от общественного бытия, образуя диалектические противопоставления существующего и желаемого, запускает регулятивный процесс изменения общественного бытия - содержания способа производства, наблюдая за изменением противоположностей в сознании, до их полной ликвидации.

Источником *социальной революции* и смены *содержания способа производства*, является несправедливое общественное устройство, приводящее к возникновению противостоящих, *антагонистических* классов неимущего большинства и имущего меньшинства, которое своими властными возможностями удерживает большинство в повиновении, и, по возможности, нещадно эксплуатирует его. Понадобилось почти полтора столетия, чтобы раскрылась действительная *структура* способа производства, состоящая из

содержания, в которое, как было показано ещё в советское время, должны входить как производительные силы, так и социально-экономические (производственные) отношения, образующие его общественное бытие [2, с. 197] и *формы - совокупного общественного сознания* открытой автором [3, с. 31-38]. Там же была обоснована *зависимость* диалектической категории содержания произвольного *социального образования* от его формы. В качестве формы, определяющей единство содержания общественной организации, в концепции РДм выступает идеальная воля, желание и убеждённость людей, а для способа производства – *общественное сознание*. Общественное бытие *зависит* от общественного сознания, которое не только скрепляет и связывает, но ещё и регулирует общественное бытие. В социуме образуется замкнутый контур управления, субъектом которого является общественное сознание, а объектом – общественное бытие. Например, распад содержания социальной общности происходит из-за падения воли, идеологических и материальных интересов, выраженные формой - коллективным сознанием рассматриваемой общности, как это произошло, например, с распадом Советского Союза после такого же развала КПСС.

Противоречие антагонистических сторон совокупного общественного сознания, как *формы способа производства*, лежит в основе его развития и в первую очередь в развитии социально-экономических отношений. Наступление осознания своего бедственного и униженного положения общественным сознанием трудящегося неимущего большинства приводит, согласно интегральному закону диалектики, к активизации его борьбы с имущим меньшинством. При благоприятных условиях разрешение революционной ситуации в контуре социального регулирования, может привести к *качественному изменению* состояния общественного бытия, его социально – экономических отношений. Их изменение *необходимо* ведёт к изменению содержания и темпов роста производительных сил [3, с. 31-38].

Для понимания *общественных процессов развития* в концепции РДм, автор отошёл от обычного в истмате ограниченного формационного подхода, предлагая уточнение и развитие «номенклатуры» социальных сфер общественной жизни. В предложенном автором *обобщённом* варианте социального анализа, общество разделено на три составляющие - компоненты, позволяющие проводить полное трёхмерное исследование общественного состояния. Они получили название *ментальной (М), цивилизационной (Ц) и формационной (Ф)* составляющих, а их *использование* при изучении общества названо *обобщённым ментально – цивилизационно – формационным (МЦФ) анализом* [2, с. 57]. МЦФ компоненты представляют собой следующие понятийные образования.

Цивилизационная составляющая включает материальную культуру: *производительные силы*, технику, технологию, естественные, технические и гуманитарные науки, все виды человеческой деятельности - образование, медицину, искусство, а также идеальные *регулятивные структуры* в виде

индивидуального и коллективного разума, осуществляющие локальное регулирование цивилизационного развития, что говорит о её относительной самостоятельности.

Формационная составляющая берёт начало с момента *расслоения* первобытного общества по имущественному признаку, по отношению к собственности на средства производства и постепенному выделению *антагонистических* классов и сословий, заключая в себе *социально – экономические* (производственные) *отношения* и классовые взаимодействия. Формационная компонента проявляется также в политической сфере и правовом урегулировании социально-экономических отношений, а также связанных с ними социальных институтов, например, судебных, полицейских и иных государственных властных органов. Имеющиеся идеальные и организационные структуры противостоящих классов состоят в постоянном противоборстве друг с другом, выражая антагонизм имущих и неимущих классов. Формационная составляющая представляет *сущность социума*, определяющая *общественно – экономическую формацию* и развивается до наступления *бесклассовой фазы развития общества*. Цивилизационная и формационная компоненты составляют единый социально-экономический блок, во многом соответствующий *общественному бытию* – категории *содержания* способа производства [1, с. 197]. В этом блоке содержанием является цивилизационная составляющая, формой – формационная составляющая общества. В социальной материи, в отличие от косной, содержание *определяется* формой общественной организации, открытой автором [3, с. 31-38].

Ментальная составляющая общества проявляется в организации социальных связей, определяющих взаимные отношения людей, человека и коллектива, а также взаимодействие общества и природы. Появляются зачатки духовной культуры, рождается нравственность, вызревает мировоззрение, идеология, религиозные догмы, волевые, интеллектуальные и т. п. психические качества, которые в совокупности составляют *общественное сознание*, представляющее диалектическую категорию *формы способа производства* [3, с. 31-38]. Расслоение первобытного общества объективно *разделило* единую *ментальную компоненту* на части, представляющие *общественные сознания противостоящих сил: имущих и неимущих, эксплуататоров и эксплуатируемых классов*. Ментальная компонента является, *идеальной, духовной* основой общества, *взаимодействующей* и с *цивилизационной*, но в большей степени с *формационной составляющей* общества. Ментальная составляющая, как категория формы способа производства, способна «принимать» решения и даже *определять состояние* формационной и цивилизационной составляющих – содержания способа производства, усиливая или замедляя характер классовой борьбы.

Органическое соединение регулятивно-диалектического механизма с обобщённым ментально–цивилизационно–формационным анализом создаёт

законченную концепцию *регулятивно-диалектического материализма* (РДМ), описывающую существование и развитие социальной материи.

К числу нового можно отнести и предложение автора по замене «Основного вопроса философии» Ф. Энгельса, *выполнившего* свои прогнозные функции «Основными постулатами социальной философии» (ОПСФ). Первым является положение о материалистичности существующего мира, напоминая философам физически доказанную первичность материи и вторичность сознания. Вторым постулат есть понимание регулятивно-диалектического отношения сознания, как субъекта управления к бытию, как объекту в замкнутом контуре регулирования сознанием, необходимого изменения бытия в РДМ. Третьим фактором социального развития является *соединение* масс, настроенных на общественные перемены, с известной *личностью*, готовой сплотить и организовать народ на борьбу за изменение общественного статуса. Представление некоторых новых вопросов философии послужит официальной, руководящей философии в РФ и её адептам, своеобразным экзаменом на понимание необходимости её развития или сдерживания, в год науки, объявленной президентом. Нужно коллективное выяснение достоверности нового, а не её кулуарное решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалистическая диалектика как научная система. Под редакцией проф. А. П. Шептулина. М., 1983, 295 с.
2. Чумаков В.А. К вопросу закономерности развития общественно – экономических формаций // Система экономической сферы общества. Материалы 40 академического симпозиума, изд. Гладкова О.В., 2012, с. 55-61.
3. Чумаков В.А. Регулятивное развитие социальной материи //Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология. Научный журнал. 2014, № 2, с. 31-38.

ШАМИН И.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ПУТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА НА ЗАПАДЕ В XXI в.

Поражение СССР в рамках геополитического противоборства с США и другими странами «Большого Запада» в ходе «холодной войны 1», повлекшее за собой распад советского государства в декабре 1991 г., а также разрушение к началу 1990-х гг. так называемой «мировой социалистической системы» привели в итоге к тому, что западный капитализм, как концептуальная модель

общественного устройства, обрел в начале XXI в. глобальный статус. И кроме того, именно капитализм также получил при этом возможность достичь в рамках Земли доминирующего положения и как общепланетарный стратегический вектор развития, фактически предопределяющий соответствующую направленность динамики человечества в долгосрочной перспективе. Другими словами, в результате итогов «холодной войны 1» в мире произошло образование нового, так называемого «постбиполярного порядка», суть которого можно определить как *«глобальная западноцентричная система капитализма»*. Вместе с тем в качестве «системообразующего ядра» данной глобальной конструкции выступили прежде всего США и другие англосаксонские государства «Большого Запада» – Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, а также Израиль, страны ЕС и Япония. И как следует отметить, практически все остальные страны мира, включая РФ и КНР, фактически стали неотъемлемой частью такого рода «мирового капиталистического порядка».

«Постбиполярный западный капитализм», как можно сделать вывод, по своему функциональному измерению формируется на основе так называемой «экстенсивной модели поддержания жизнедеятельности и развития». В этой связи для обеспечения самого существования западного капитализма основополагающее значение имеет *фактор глобальной экспансии*, т. е. поддержание таких геополитических и геоэкономических условий в мире в целом, которые позволяют крупному бизнесу государств «Большого Запада» непрерывно расширять вширь и вглубь свои финансово-экономические позиции и, тем самым, извлекать и капитализировать прибыль.

Однако вначале 2000-х гг. США, а также страны ЕС и Япония очутились, как можно сделать вывод, в состоянии так называемого *«кризиса экстенсивности»*. Иными словами, в такой ситуации, суть которой следует охарактеризовать как фактически уже «абсолютно полное финансово-экономическое освоение» имеющихся в распоряжении у представителей крупного бизнеса данных государств подконтрольных «пространственных сфер влияния» в рамках современной постбиполярной системы международных отношений (СМО). Вследствие чего в «экстенсивной экономике» США и других ведущих западных стран уже в конце 1990-х – начале 2000-х гг. стали формироваться достаточно масштабные кризисные явления, связанные в первую очередь с товарным перепроизводством, перепроизводством услуг, масштабным переизбытком финансового капитала, не произошедшей новой технологической революции, а также падением прибыльности практически всех отраслей западной экономики [2; 3].

В итоге в США и в других странах «Большого Запада», как следует констатировать, летом – осенью 2008 г. разразился затяжной и широкомасштабный системный экономический кризис, который фактически продолжается до сих пор. Причем такого рода негативные процессы в экономике ведущих западных государств существенно обострились весной 2020 г., когда началась пандемия, вызванная заболеванием COVID-19. По своему

характеру, а также по причинам возникновения данный кризис практически является аналогом так называемой «Великой депрессии», которая возникла сначала в США в 1929 г., а затем охватила и другие капиталистические страны в 1930-е гг. Поскольку природа современного экономического кризиса на Западе та же, что и в период «Великой депрессии». Это – фактически полное отсутствие экономического роста в США и других ведущих западных государствах.

Основная причина складывания подобной ситуации заключается в отсутствии в настоящее время на Западе самой базы для обеспечения этого экономического развития, и в первую очередь *спроса*, который, как уже отмечалось выше, является одним из самых главных условий для стимулирования экономического роста в условиях рынка. В результате этого экономика в США и странах ЕС к началу 2010-х гг. практически полностью утратила свою рентабельность, что, в свою очередь, неизбежно привело прежде всего к сжатию *коммерческого спроса* в целом и падению уровня так называемой «*коммерческой эффективности*» глобальных западных монополий.

Однако существующая в США, государствах Евросоюза и Японии экстенсивная модель экономики не может себе позволить длительный период отсутствия роста и, соответственно, рентабельности. Потому что это неизбежно приведет в итоге к широкомасштабной депрессии и полному разрушению в рамках всего Запада присущей ему всей той организационной экономической инфраструктуры, которая по своему устройству ориентирована именно на постоянное расширение и развитие, т. е. ориентирована прежде всего на постоянное осуществление экономической экспансии в мире и извлечение прибыли, являющейся «эффективной» с финансово-экономической точки зрения.

В то же время США, государства Евросоюза и Япония, как указывалось выше, к началу 2010-х гг. в значительной степени уже исчерпали практически все имевшиеся в их распоряжении геополитические и геоэкономические возможности для обеспечения своего прежде всего поступательного развития в рамках существующего на Западе экономического и технологического уклада, а также сохранения так называемого «американского» или «западного образа жизни» в целом. *Чтобы избежать срыва в депрессию и «социально-экономический и политический хаос», правящие круги ведущих стран Запада в условиях системного экономического кризиса стали активно замещать «сжимающийся коммерческий спрос» фактором так называемого «постоянно растущего спроса государства».* И как следует констатировать, текущее функционирование, а также развитие экономики, включая ВПК, и обеспечение социальной сферы данных государств в настоящее время поддерживается главным образом за счет масштабной денежной эмиссии и так называемого «количественного смягчения», т. е. путем «накачки» экономики кредитными деньгами, которые «печатаются» ФРС США и ЦБ Евросоюза и Японии в необходимых объемах и затем юридически оформляются в виде постоянно возрастающих государственных займов, которые, в свою очередь, расходуются

главным образом именно на поддержание стабильности финансово-экономической и социальной сфер стран Запада. Иначе говоря, финансовые власти в ведущих государствах «коллективного Запада» оказались вынужденными в условиях кризиса осуществлять имитирование денег именно под прирост государственного долга. Вследствие чего еще одним показателем, отражающим эту ставшую характерной для современного Запада тенденцию так называемого «экономического застоя», также следует рассматривать и процессы, связанные с постоянно растущими государственными долгами ведущих западных стран – США, государств ЕС и Японии. Однако такой рода стратегия, как следует подчеркнуть, никаких значимых результатов в части обеспечения реального и при этом устойчивого экономического и социального роста ни в США, ни в странах ЕС и Японии в целом обеспечить уже не могла. Поскольку в самых развитых западных государствах, в том числе США, а также в подконтрольных Западу странах «второго» и «третьего» мира просто отсутствуют в силу указанных выше причин условия и возможности для реализации каких-то крупных и прибыльных геоэкономических проектов.

В силу данного обстоятельства рост государственного спроса оборачивается увеличением заведомо безвозвратных долгов для западных государств, которое грозит им неизбежным финансовым банкротством в случае продолжения подобной финансово-экономической политики. И как следствие этого, к началу 2010-х гг. экономика и финансовая система всех без исключения ведущих государств Запад очутилась в итоге в самом настоящем так называемом «заколдованном финансово-экономическом круге», выхода из которого при помощи «традиционных» рыночных инструментов просто уже не осталось.

Все эти события наглядно продемонстрировали всему миру, и прежде всего представителям западной правящей элиты, что в первую очередь США, а также другие страны «Большого Запада» в целом уже достигли к началу XXI в. определенного предела, тупика в своем геополитическом и геоэкономическом развитии.

Поэтому в конце 2010-х – начале 2020-х гг. для правящих кругов ведущих государств Запада одной из главных стратегических задач становится разработка структурного содержания, а также практическое «внедрение» в рамках планеты на геополитическом и геоэкономическом уровнях уже «обновленной» концептуально-организационной модели западного капитализма, т. е. модели так называемого *«постмодернистского капитализма»*, который должен заменить уже исчерпавший все свои возможности для поддержания поступательной динамики «постбиполярный капитализм». Как можно сделать вывод, ведущие западные финансово-промышленные группы рассчитывают осуществить данную программу «перестройки мира» до начала 2030-х гг.

Этот стратегический «суперпроект» правящей элиты США и других стран «Большого Запада» относительно глобальной трансформации мироустройства по лекалам «постмодернистского капитализма» состоит из трех ключевых пунктов.

Первый. Проведение в США и других государствах «Большого Запада» ускоренной качественной модернизации экономики, результатом которой должен стать переход на так называемый «шестой технологический уклад (ТУ)». Основой «шестого ТУ» будут выступать прежде всего робототехника, а также биотехнологии и геновая инженерия, интеллектуальные информационные сети, сверхпроводники и экологически чистая энергетика, нанотехнологии, мембранные и квантовые технологии, фотоника, микромеханика, термоядерная энергетика, массовое производство на базе 3D-печати, новые транспортные средства (сухопутные, морские, воздушные и космические), созданные на основе робототехники и использования инновационных видов энергии, принципиально новые информационные технологии, действующие на квантовых принципах и др.

Достижение «Большим Западом» подобного качественного конкурентного преимущества, имеющего, безусловно, стратегический характер, предоставит правящей элите этих стран дополнительные благоприятные в первую очередь геэкономические, а также геополитические возможности для того, чтобы последовательно и «успешно» воплотить в жизнь на международной арене очередной ряд своих комплексных «боевых» оперативно-тактических программ «непрямого» типа, ориентированных уже на «необходимую трансформацию» и / или «полное уничтожение» всех остальных ведущих мировых государств. И таким образом, добиться в итоге сохранения всеохватывающего политического, финансово-экономического и военного господства Запада, а также его «образа жизни» мире. При этом именно США, опираясь на экономическую базу «шестого ТУ», по своему геэкономическому положению в данном «новом мире» должны превратиться в главный и единственный глобальный финансовый, научный, технологический, образовательный, энергетический и производственный центр.

Второй. Определение РФ, КНР и ИРИ в качестве главных геополитических противников США и других стран Запада на международной арене. И сосредоточение внешнеполитического потенциала США, ЕС и Японии на создании в первую очередь в рамках Евразийского континента таких экономических, финансовых, военных, политико-дипломатических и информационных условий, которые в итоге позволяли бы этим государствам, и в первую очередь США, обеспечить «нейтрализацию» и / или «полное уничтожение» России, Китая и Ирана как суверенных государственных образований [1, с. 41 – 98]. Поскольку для правящих кругов Запада к середине 2010-х гг. именно эти государства фактически стали представлять собой самый настоящий «геостратегический барьер» в Евразии, который превратился для США и его главных союзников в главное препятствие на пути к «успешному» осуществлению экспансионистского геополитического и геэкономического «суперпроекта», главной целью которого является создание глобальных структур «постмодернистского капитализма», и, таким образом, установление тотального мирового господства.

Третий. Постепенная «эрозия» и / или «полное разрушение» государственности как одной из главных форм общественного устройства в современном мире, а также как принципа организации СМО. Причем данная задача, согласно замыслам западных элитных объединений, должна быть в итоге реализована в масштабах всей планеты, включая и пространство «Большого Запада» [4, с. 214 - 243]. Вследствие такого рода действий на мировой политической и экономической карте главными субъектами станут уже не государства, а разного рода западные, преимущественно англосаксонские, бизнес-структуры глобального уровня – инвестиционные фонды, банки, ТНК, страховые компании и др. Как следует констатировать, «успешное» выполнение подобных «антигосударственных планов» в мировом масштабе предоставит транснациональному западному бизнесу благоприятные возможности для того, чтобы значительно увеличить доходы (прибыль) за счет реализации в различных регионах планеты соответствующих инвестиционных и финансовых операций. И кроме того, также укрепить свою мощь и влияние в рамках планеты на глобально-стратегическом уровне в целом.

В заключение следует констатировать, что подобная направленность эволюции западного капитализма вначале XXI в. представляет собой прямую угрозу для национальной безопасности РФ стратегического измерения.

Список использованной литературы:

1. Глазьев С.Ю. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. – М.: Книжный мир, 2016. 512 с.
2. Григорьев О.Г., Хазин М.Л. Сценарий крушения доллара в ближайшей перспективе // Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы./ Сборник работ, под общей редакцией Ю.Д. Маслюкова.- М.: Издатель Н.Е. Чернышова, 2001. С. 22 – 55.
3. Кобяков А.Б. Современные рынки капитала как глобальная угроза // Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы./ Сборник работ, под общей редакцией Ю.Д. Маслюкова.- М.: Издатель Н.Е. Чернышова, 2001. С. 123 – 163.
4. Хаас Р. Мировой беспорядок. – М.: Издательство АСТ, 2019. 320 с.

ШИРШИН Г.А.

Нижегородский государственный технический университет имени
Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ НАУЧНОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Философско-методологическому анализу научной и промышленной революций посвящено немало статей и книг, однако их взаимосвязь исследована

крайне недостаточно. Так, феномен научной революции изучен куда более основательно, нежели явление промышленной революции. Но более всего вызывает опасение укрепляющийся тренд односторонности, согласно которой логика научной революции всецело определяет логику промышленной. И, кажется, будто «заглатывая» наживку, приготовленную научной революцией в виде новых знаний, методов, программ, промышленная революция висит на крючке у научной революции и всецело зависит от последней. Вопрос о том, что промышленная революция может «сорваться» с этого крючка или частично идти автономным путем, не совпадающим с логикой научной революции, даже не ставится. Впрочем, в данном тренде односторонности легко просматривается рецидив предпочтения научного познания практике, сложившегося еще в немецкой классической философии. В 19 в. весомым контраргументом указанному предпочтению явились концепция трудовой деятельности К. Маркса, исходные идеи которой были сформулированы уже в «Тезисах о Фейербахе» [2, с.1-4].

Промышленная революция есть не только продолжение материально-производственной практики, но качественно и резко возросший уровень ее развития. В свою очередь, научная революция является продолжением специфически обособившейся познавательной деятельности, а также качественно и резко изменившийся уровень развития последней. Функциональные и эволюционные достижения науки и производства также составляют определенного рода предпосылками как промышленной, так и научной революций. К важнейшим предпосылкам возникновения промышленной и научной революций следует причислить структурно повторяющуюся обыденную деятельность человечества, которая носит повседневно-массовый и синкретический характер. Синкретический в том смысле, что в ней связь практической и познавательной сторон отношения людей к миру осуществляется непосредственно, без привлечения каких-либо промежуточных звеньев. Эта синкретическая целостность оформилась в особую, не расщепленную часть деятельности еще со времен глубокой древности, с момента исторически крупного разделения труда на практику и познание, последовавшего спустя несколько столетий после специфического обособления физического и умственного труда. К предпосылкам названных революций следует отнести также и совокупность общественных отношений по поводу научной, производственно-практической и обыденной деятельности людей. В ходе промышленной революции трансформируется общественное бытие, в ходе научной революции качественно меняется общественное сознание, в том числе мировоззренческий и конкретно-специфический пласты знаний, а в ходе повседневности не только соединяются, но и стабилизируется связь новейших и прошлых достижений общества.

Взаимодействие между научной и промышленной революциями носит диалектически противоречивый характер. Каждая из сторон противоречия не только способствует, но в одно и то же время и в одном и том же отношении,

препятствует развитию другой. Обе революции при всех различиях имеют много общего в строении, структуре деятельности, например, объект, субъект, средства, методы, цели, задачи. Однако каждый из названных элементов, принадлежащих как производственно-практической, так и научно-исследовательской деятельности частично совпадают, а частично, нет. Как только в напряженном и мучительном процессе научной революции качественно изменится духовный мир людей, тогда возникает разительное несоответствие существующего общественного бытия качественно обновленному общественному сознанию. Ранее сложившаяся практика материального производства дискредитируется, традиционные методы и средства обесцениваются, а иногда радикально меняется объект деятельности с позиций новой картины мира. Для примера достаточно сослаться на открытие в середине XX столетия глобального экологического кризиса представителями Римского клуба, взорвавших не только стоическую уверенность в своей правоте капитанов промышленной революции, но и общественного сознания планеты в целом. Вместе с тем, промышленная революция, завершая свой цикл, практически реализует множество идей, замыслов, планов, проектов и программ, что выражается в перекройке мира, качественной трансформации общественного бытия, повседневной деятельности, всей совокупности исторически сложившихся общественных отношений. В процессе развертывания промышленной революции «постоянно растет разнообразие производственных процессов, в технологические циклы вовлекаются все новые и новые вещества» [1, с.7]. Некоторые из этих веществ, их параметры и свойства могут быть почти не исследованы на момент их практического преобразования. Частично появляется «вакуум» непознанного и тогда производственные мощности промышленной революции могут приводить к непредсказуемым последствиям. Первый пример касается агротехнических мероприятий, связанных с применением гербицидов для защиты культурных растений от вредителей, когда выпадающие дожди стекают в озера и водоемы, приводя к отравлению в них живности. Второй пример связан с нарушением допустимых норм пищевой безопасности при производстве генно-модифицированных продуктов.

Если переход от научной революции к промышленной худо-бедно, но систематически изучается, что стимулируется потребностью в реализации новейших достижений науки, то переход от промышленной революции к научной происходит, зачастую стихийно. Хорошо известен печальный факт времен СССР, когда в пятидесятых годах прошлого столетия кибернетика и генетика были зачислены в разряд буржуазных наук, а исследователи, работавшие в этих отраслях знания, подверглись жесточайшему гонению. Несомненно, одной из причин ложной оценки стратегических перспектив развития науки явилась мировоззренческая ограниченность политического руководства страны того времени. Другая же причина состоит в необычайной сложности ориентирования и, следовательно, организации, финансирования, возможном свертывании малоперспективных, а то и, просто, тупиковых

поисков. Разумеется, указанная сложность не оправдывает указанных ошибок в управлении наукой и ее взаимодействием с производством. Однако проблема предвидения последствий промышленной революции остается, и острота ее возрастает. «Развитие и внедрение новейших технологий, - замечает К. Шваб, - связаны с неопределённостью и означают, что мы пока не имеем представления, как в дальнейшем будут развиваться преобразования, обусловленные этой промышленной революцией» [3, с. 9]. Неопределенность развития технологий, как и всей промышленной революции во многом обусловлена противоречивостью ее взаимодействия с научной революцией. В ходе последней духовный мир людей приводится в соответствие с материальной реальностью, тогда как в процессе промышленной революции, наоборот, материальная реальность приводится в соответствие с духовным миром людей.

Возможно ли совпадение научной и промышленной революций? Можно предположить, что научная и промышленная революции никогда не возникают и не завершаются одновременно, а завершение одной из них обуславливает начало другой. Однако учитывая факт множества отраслей науки и производства, а также разновременность революционного развития как научных, так и промышленных отраслей, то обоснование этой гипотезы встречает большие трудности. Совершенно ясно, что наука связана с промышленной революцией на всех этапах ее развития: при возникновении, в процессе развития и в момент завершения. Аналогично и процесс промышленного производства связан с научной революцией на всех этапах ее развития: при возникновении, в процессе развития и в момент завершения.

Смысл развивающегося взаимодействия промышленной и научной революций заключается во взаимном обмене достижениями, который во многом обеспечивается целой системой опосредствующих звеньев между наукой и производством, созданной, функционирующей и эволюционирующей в течении всей истории их диалектически противоречивого взаимодействия. Данная система промежуточных звеньев, выполняющих роль своеобразных шлюзов, включает внутренние и внешние формы опосредствования. К внутренним формам относятся методы, средства деятельности, гипотезы и др. К внешним формам относят государственно-политические, экономические, образовательные и др. Через них выстраивается управление взаимодействием науки и производства, а также - научной и промышленной революций.

Список использованной литературы:

1. Акинин Н.И. Промышленная экология: принципы, подходы, технические решения: Учебное пособие. 2-е изд, испр. и доп. – Долгопрудный: Издательский Дом «Интеллект», 2011.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2-е, т. 3.
3. Шваб Г. Четвертая промышленная революция. – М.: Изд-во «Эксмо», 2016.

Раздел III
ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ:
ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ

ГИМКАЕВА А.Д.

Московский государственный университет, г. Москва,
Российская Федерация

РАЗРУШИТЕЛЬНО-СОЗИДАТЕЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ СМЕРТИ

Для всего живого характерны процессы распада и разрушения, соответственно, смерть является естественным процессом, рано или поздно она наступает для всех. Человек понимает, что его жизнь тоже не вечна, но, несмотря на осознание данного факта, смерть всегда воспринимается им, как трагическое событие в жизни, поэтому при жизни человек старается избегать размышлений о собственной смерти. Причин этому много, но возможно, одной из главных причин является то, что к смерти нельзя подготовиться. Как писал М.А. Булгаков в своём романе «Мастер и Маргарита»: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен...» [2, с.71].

Цель данного исследования – понять, как осознание конечности своего существования влияет на нас: положительно или губительно?

Проблема смерти на протяжении всех времен привлекала внимание исследователей. На наш взгляд, данная проблематика будет актуальна и в последующем в связи с тем, что, во-первых, человек смертен и эта проблема для него является насущной, а во-вторых, у нас нет возможности узнать, что ожидает человека после смерти, таким образом, мы можем выдвигать лишь субъективные предположения по этому поводу.

Проблема смерти тесно связана с вопросом о смысле жизни человека, в размышлениях о конечности своего существования индивид стремится понять, для чего он существует. Н.Н. Трубников пишет: «Не бойся умереть, прожив. Бойся умереть, не узнав жизни, не полюбив её и не послужив ей. А для этого помни о смерти, ибо только постоянная мысль о смерти, о пределе жизни поможет тебе не забывать о предельной ценности жизни» [4, с.51].

Стоит отметить, что жизнь и смерть рассматриваются либо, как взаимоисключающие понятия, либо, как взаимодополняющие. Условно разделяют западную и восточную точки зрения. Согласно западной точке зрения, жизнь и смерть являются конфликтующими сторонами, смерть – это отрицание жизни. Ярким примером подобных взглядов является высказывание Ж.П. Сартра: «Смерть никогда не наполнит жизнь смыслом; напротив, смерть – это то, что лишает жизнь всяческого смысла» [4, с.12].

Восточный подход, наоборот, рассматривает исследуемые понятия в качестве единого целого. Жизнь невозможна без наступления смерти, а смерть

не наступит, если не будет жизни. Диалектика жизни и смерти заключается в том, что человек начинает умирать с самого его рождения, с первого вздоха он приближается к своему последнему выдоху. Таким образом, согласно восточному взгляду на жизнь, смерть находится не в будущем, она присутствует в настоящем.

В философии все существующие концепции относительно феномена смерти можно свести к двум положениям: смерть – это свойство жизни, и смерть – это продолжение жизни [1, с.86].

Согласно первому подходу, смерть является естественным процессом, характерным для всего живого. Древнегреческий философ Эпикур писал следующее: «Когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем».

В произведениях римского философа Лукреция Кара мы приходим к тому, что «смерть – это закономерный итог жизни человека». Как отмечает Лукреций Кар, в некоторых случаях смерть даже важнее жизни, она является итогом всех деяний в жизни человека и своим приходом только убеждает нас в чём-либо. Ярким примером здесь выступает драматическая смерть Сократа, последовавшая за его учение.

Рене Декарт предложил интересную концепцию относительно феномена смерти. Согласно его учению, жизнь представляет собой работу механизма, сбой жизнедеятельности которого приводит к поломкам, а в случае человека – к его смерти.

Экзистенциалисты уделяли огромное внимание внутреннему миру переживаний человека и пограничным ситуациям, одной из которых являлась смерть. Смерть была одним из ключевых понятий в экзистенциализме. В некотором смысле экзистенциальная философия занималась толкованием опыта смерти у людей [5, с.51].

По М. Хайдеггеру онтологическая задача смерти заключается в том, чтобы создать бытие таким, каким оно должно быть. Небытие человека присутствует в его бытии, соответственно, смерть наступает не в момент физического умирания человека, она появляется уже в момент его рождения. Важный момент, на который обращает внимание философ: свою смерть никому не передать и никто в смерти не заменит. Согласно философу смерть оставляет человека наедине с самим собой в силу её непередаваемости.

Далее рассмотрим концепции, которые признают, что смерть – это продолжение жизни.

Представитель Милетской школы Анаксимандр писал о том, что «все вещи разрушаются и переходят в то, из чего они возникли», т.е. смерть одного состояния считается рождением другого.

В эпоху Возрождения меняется отношение человека к самому себе, у него появляется желание увековечить себя и прославиться. Таким образом, смысл жизни на тот момент заключается в том, чтобы продлить себе жизнь, оставшись в памяти следующих поколений.

Вопрос смерти демонстрирует проявление антиномии человеческого сознания. С одной стороны, люди понимают конечность своего существования и её ограниченность во временном промежутке. Но с другой стороны, как замечает Б. Спиноза, внутри мы чувствуем, что мы вечны, мы не хотим уходить из жизни. В связи с этим мы предпочитаем верить в то, что существует загробная жизнь.

Г. Фейфель в своих исследованиях посредством социологических опросов анализирует отношение людей к смерти. При ответе на вопрос «Что для меня значит смерть?» он выделяет две группы людей. Одни считают, что это естественный процесс окончания жизни и смерть образно рассматривается ими, как стена, за которой ничего нет. Другие считают, что жизнь продолжается после смерти, но в ином ключе, таким образом, смерть выступает в образе двери, открывающей новые горизонты. Также в своих исследованиях Г. Фейфель приходит к следующему выводу: верующие по сравнению с неверующими больше боятся смерти. Если опасения неверующего человека связаны с вопросами дальнейшего существования семьи без него и желанием, чтобы жизнь не прекращалась, то верующие помимо «житейских» переживаний также опасаются того, что их ожидает дальше, конкретно – искупления грехов в загробном мире [5, с.54].

В целом нужно отметить, что у разных людей разное отношение к смерти. "Смерть была ужасной для Цицерона, желанной для Като и безразличной для Сократа"[5, с.54]. Это связано с различными жизненными ситуациями, отношением человека к действительности.

Мы придерживаемся философской позиции, согласно которой «смерть – это свойство жизни». А, следовательно, принятие этого факта и осознание неизбежности наступления смерти должно способствовать осмысленному проживанию жизни, пониманию, что именно в этот момент индивид обладает всеми ресурсами, необходимыми для его реализации. Таким образом, в смерти человек находит стимул жить. Обращение к теме смерти в философии позволяет индивиду осознать ценность своего бытия, вернуть его из мира фантазий в реальность, приземлить и напомнить о преимуществах и благах земной жизни. Мысли о смерти помогают развиваться и двигаться вперед, стремиться к тому, что кажется наиболее важным для индивида.

Список использованной литературы:

1. Багровников Н.А. Философия: учебное пособие. Н. Новгород: НИМБ, 2006. 119 С.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Собачье сердце. М.: Эксмо, 2015. 448 С.
3. Краснухина Е. К. О смысле конечного существования: проблема смерти в экзистенциализме М. Хайдеггера и Ж. П. Сартра / Е. К. Краснухина // Вестник Ленинградского ун-та, 1991. С. 12–19.

4. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 383 С.

5. Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 624 С.

КОЗЛОВА В.Р., ПЕРШИН Н.И.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОПЫТ ПАНДЕМИИ

Появление в 2019 году новой коронавирусной инфекции COVID-19, ставшей причиной пандемии 2020 года, привело к глубоким трансформациям в современном мире, обозначившим необходимость поиска новых идей и форм организации жизни человечества в совершенно непривычных для XXI века условиях. Можно говорить о формировании нового пост-пандемического уклада жизни, символом которого стал запрет (ограничение личных контактов, введение локдауна и т.п.). Самоизоляция стала условием выстраивания границ между людьми - человек оказался буквально заперт наедине с самим собой. Единственным способом поддержания социальной активности и осуществления рабочей деятельности (большое число компаний и предприятий перешло на удаленный режим работы) являлось использование возможностей Всемирной сети. Только за прошлый год количество интернет-пользователей увеличилось на 10,5 % (346 млн. человек), общее количество пользователей интернета на сегодняшний день составляет 4,57 миллиард, то есть более половины населения Земли [6].

Неизвестность, связанная с новой глобальной угрозой и ее быстрым распространением, показала, насколько уязвима человеческая психика перед неопределённостью, подкрепляемой страхом смерти [3]. Одним из наиболее доступных способов борьбы с неизвестностью являлось глубокое погружение в информационную повестку. Практически каждый человек, таким образом, оказался как субъектом формирования современного медиа-дискурса, так и объектом его постоянного воздействия. Именно в такие кризисные моменты набирают силы различные конспирологические мифы, которые также называют теориями заговора.

Термин конспирология (от англ. «conspiracy» или the «conspiracy theory») является относительно новым, поэтому в словарях его определение встречается достаточно редко. А.Г. Дугин определяет конспирологию как «веселую науку постмодерна», продолжение мифа о «темных силах» [2]. Складывается ситуация, которую можно описать как снятие мифа: на месте десакрализованных мифов осталась только пустота, которую человек пытается заполнить, в том числе, теориями заговора - предположениями о действиях или

планах, предпринимаемыми небольшой группой лиц, тайно работающих для достижения общих целей.

Опыт пандемии COVID–19 позволяет отчетливо проследить то, как конспирологический дискурс реализует себя в рамках культуры XXI века и к каким последствиям может привести рост его популярности в медиа-пространстве. Еще до пандемии исследователями, изучающими данный феномен в рамках современной культуры (например, в литературе или кинопространстве) было выделено направление конспирологического квест-нарратива, где фабула строится по модели конспирологического действия и всегда обозначается наличие какой-либо тайной организации [1, с. 33]. Реализацию указанного подхода можно было наблюдать на многих российских информационных порталах, в том числе и федерального значения. Уже в феврале 2020 года, когда серьезные ограничительные меры вводились только на территории Китая, был запущен ряд информационных компаний, распространяющих теории об использовании США новой инфекции для борьбы с Китаем, как одним из главных соперников на мировой арене, а также о гипотезе, что новой коронавирусной инфекции подвержены только жители азиатских стран и др.

Весной 2020 года, когда в России уже были введены строгие ограничительные меры в связи с ухудшением эпидемиологической обстановки, конспирологический дискурс наблюдался на уровне федеральных медиа. Например, в рамках передачи «Человек и закон», выходящей на Первом канале (от 24 апреля 2020 года), был продемонстрирован сюжет под названием «Троянский конь мировой пандемии», где приводились различные теории интернет-пользователей относительно роли основателя Microsoft Билла Гейтса в создании и распространении COVID 19 по миру [4]. Однако уже в мае началась борьба с транслированием теорий заговора на тему коронавирусной инфекции, примером может служить снятие с эфира телеканала «Россия 24» авторской программы режиссера Никиты Михалкова «Бесогон ТВ», один из выпусков которой также говорилось о намерении Билла Гейтса чипировать население планеты. Но, несмотря на предпринимаемые государством меры по ограничению распространения подобного контента в медиа-пространстве, в социальных сетях и прочих интернет-ресурсах, охват аудитории которых больше по сравнению с телевизионными СМИ, конспирологические теории продолжали набирать популярность вплоть до снятия ряда ограничительных мер летом 2020 года. В настоящий момент появляются теории на тему вакцин от новой коронавирусной инфекции и появления новых штаммов COVID-19, которые, однако, не сравнимы по масштабности с описанными выше. Описанные примеры иллюстрируют пример «глобального заговора», возникающего, как правило, в нестабильное время, когда у человека практически отсутствует возможность влияния на ситуацию.

М. Элиаде рассматривает миф как тип человеческого поведения. На уровне индивидуального восприятия он никогда полностью не исчезал, проявляясь в фантазиях и стремлениях современного человека [5, с. 23].

Пандемия изменила привычный для людей XXI века ход времени, разделив мир на «до» и «после». «Старый» уклад жизни, до пандемии, стал своеобразным *in illo tempore*, а новое время, с его условиями замкнутости и запретов, привело человека к «бегству» [5, с. 25]: жажде зрелищ, способных заставить человека жить в «концентрированном» времени (чтение книг, просмотр фильмов). Поскольку режим самоизоляции стал фактором, способствующим возникновению большего количества возможностей для «бегства», конспирологический миф в виду его эсхатологического характера, соответствующего духу времени, нашел отклик в сознании многих людей, заполнив тем самым пустоту расколдованного мира.

Список использованной литературы:

1. **Боровая А. Ю.** Особенности моделирования квест-нарративов / А. Ю. Борова. – *Текст : непосредственный* // European journal of literature and linguistics. – 2019. – №4. – С. 31-36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobnnosti-modelirovaniya-kvest-narrativov> (дата обращения: 11.03.2021)
2. **Дугин А.** Конспирология / А. Дугин. – *текст : электронный* // Электронная библиотека RoyalLib.Com : *официальный сайт*. – URL: https://royallib.com/read/dugin_aleksandr/konspiroplogiya.html#0 (дата обращения: 11.03.2021).
3. **Кузина Н. В.** Психика и информационная безопасность в условиях пандемии: последствия для личности и государства / Н. В. Кузина // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – №1. – С. 146-188. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihika-i-informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyah-pandemii-posledstviya-dlya-lichnosti-i-gosudarstva> (дата обращения: 11.03.2021).
4. **Человек и закон.** Троянский конь мировой пандемии / Человек и закон. – *видео, текст : электронные* // Первый канал : *официальный сайт*. – URL: <https://www.1tv.ru/shows/chelovek-i-zakon/syuzhety/troyanskiy-kon-mirovoy-pandemii-chelovek-i-zakon-fragment-vypuska-ot-24-04-2020> (дата обращения: 11.03.2021). – *Фрагмент выпуска от 24.04.2020*
5. **Элиаде М.** Мифы, сновидения, мистерии / Мирча Элиаде; *перевод с английского А. П. Хомика*. – Москва : Академический проект, 2019. – 254 с. (Философские технологии. Религиоведение). – ISBN 978-5-8291-2304-8. – *Текст : непосредственный*.
6. **Kemp Simon** Digital 2020: July global statshot / Simon Kemp. – *Текст : электронный* // DataReportal : *[сайт]*. – 2020. – 2 июля. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-july-global-statshot> (дата обращения: 11.03.2021).

КОЛЕСНИКОВ Е.В.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

«MEMORY STUDIES»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В настоящее время в российской внутренней и внешней политике все большее внимание уделяется вопросам сохранения исторической и культурной памяти. В условиях современной международной обстановки, которая характеризуется обострением отношений между государствами, существованием очагов нестабильности, в том числе, вблизи границ России, а также противостоянием в информационной сфере, где предметом манипуляций все чаще становится история, на передний план выходит не только задача укрепления государственности, но и вопрос сохранения исторической и культурной памяти.

Последняя является одним из основных каналов передачи информации о прошлом, участвующих, в том числе, в формировании общественного сознания и, тем самым, определяющих возможность идентификации и самоидентификации личности и общества в целом. Для более полного понимания современных социальных и политических процессов необходимо обратиться к теоретическим основаниям формирования и функционирования исторической и культурной памяти.

Исследовательский интерес к данной проблематике возникает во второй половине XX века. Одним из первых к ней обращается М. Хальбвакс. В своих работах «Социальные рамки памяти» (1925 год) и «Коллективная и историческая память» (1950 год) он постулирует социальную конструируемость памяти и, тем самым, выводит ее рассмотрение из области биологии в пространство гуманитарных наук.

Уже в 1990-е годы Я. Ассман, развивая идеи М. Хальбвакса, предлагает концепт «культурной памяти», представляющий собой непрерывный процесс накопления и реконструирования социальных знаний каждым последующим поколением, определенную форму трансляции и актуализации культурных смыслов [4, с. 49]. Кроме того, следует особо выделить идею Я. Ассмана о существовании точек фиксации культурной памяти, своеобразных «мест памяти» (тексты, изображения, а также монументальные постройки) [4, с. 50].

Важно подчеркнуть, что на рубеже XX – XXI века значительное внимание уделялось изучению материального компонента феномена. Именно тогда в научном обиходе укрепляется понятие «коммеморация» – сознательное увековечивание памяти об определенных событиях или деятелях прошлого. В этом ключе остановимся подробнее на исследовании «Франция-память» авторства П. Нора, в котором теоретик вводит непосредственно само понятие коммеморация, а также обосновывает концепт «мест памяти».

Он пишет: «Место памяти – всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия некоторой общности» [10, с. 73]. Важно подчеркнуть, что под местами памяти теоретиком подразумеваются не только материальные объекты. Места памяти – это единство материального, символического и функционального компонента, где материальное есть ни что иное, как включенность в пространство, время, культуру и традиции; символическое – смысловая составляющая, культурный и исторический код; функциональное – возможность передачи воспоминания [8, с. 78-79]

Особого внимания также заслуживают теоретические разработки американского историка А. Мегилла. Коммеморация рассматривается им как процесс целенаправленной актуализации исторической памяти. Коммеморация характеризуется сознательностью и целенаправленностью и возникает из существующего в обществе желания подтвердить свое идентичность посредством репрезентации отношения к событиям и фактам прошлого [7, с. 116].

А. Мегилл также рассматривает противоположный коммеморации процесс, вводя понятие рекоммеморация, обозначающее сознательное забвение определенных исторических событий, как правило болезненных для общества. Таким образом, коммеморация и рекоммеморация выступают в качестве механизма формирования исторической памяти.

Проблема функционирования и формирования исторической и культурной памяти представлена и в отечественной историографии. В рамках данной статьи не будем подробно остановиться на истории исследований феномена, а сосредоточимся на предметной области отечественных исследований.

Так, ключевое место в них, как отмечает О.О. Дмитриева, занимает вопрос структуры и классификации исторической памяти, а также форм ее существования [2, с. 133]. В частности, Л. П. Репина в своем труде «Историческая наука на рубеже XX–XXI веков», выделяет две основные модели: эпос (наиболее ранний, вербальный способ передачи исторической памяти) и хроника (письменный способ фиксации) [9, с. 419].

Исследователи И. Н. Горин и В. В. Менщиков выделяют собственную классификацию исторической памяти. В первую очередь, это память поколений – устная традиция, характеризующаяся тенденцией к сакрализации исторических событий и рождению мифов. В этом ключе исследователи подчеркивают роль мифа как «особой формы исторической памяти» [1, с. 74]. Другой формой исторической памяти является память научная, претендующая, уже на большую объективность. Также, в качестве отдельной формы памяти о прошлом, исследователи выделяют культурно-исторические символы (в основе данной формы лежит система доминирующих в обществе ценностей и этико-культурных норм) [1, с. 76].

Значительное внимание в трудах отечественных ученых уделяется также вопросу формирования исторической и культурной памяти. Здесь исходной

точкой является положение о том, что память не формируется хаотически, а имеет избирательный характер и базируется на комплексе определенных составляющих. Актуализация или сознательное забвение тех или иных фактов связаны с такими понятиями, как коммеморация и рекоммеморация, рассмотренными выше.

Оригинальную трактовку процесса формирования исторической и культурной памяти предлагает историк О.Б. Леонтьева. Согласно ее взглядам, в основе обыденных исторических представлений людей лежат как правило образы, созданные в художественной культуре и искусстве [5, с. 11]. Она пишет: «Семантическое наполнение образов прошлого позволяет многое понять о самом обществе» [5, с. 13]. Более того, О. В. Леонтьева предполагает, что интерес исследователей именно к образам прошлого является одной из вероятных причин того, что непосредственно сам язык исследований, посвященных исторической и культурной памяти становится образным.

Также хотелось бы отдельно остановиться на проблеме целенаправленного использования исторической и культурной памяти. Она рассматривается в рамках политики памяти и исторической политики.

Так, историк О. Ю. Малинова, рассматривает концепт политики памяти как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного регулирования» [6, с. 9]. В свою очередь, Ю.А. Софронова подчеркивает, что политика памяти не должна рассматриваться исключительно как манипулятивный инструмент. Напротив, она может являться результатом столкновения различных взглядов, конкурентных точек зрения на вопрос о том, что должно быть зафиксировано в коллективной памяти общества [10, с. 197].

Под исторической политикой, согласно А.И. Миллеру, понимается особая конфигурация методов, предполагающих использование в сфере истории и политики памяти различных ресурсов, в том числе административных и финансовых, в интересах правящей партии [3, с. 19]. В этом ключе историческую политику можно рассматривать как частный случай политики памяти, но тем не менее обладающий рядом ключевых особенностей, в частности, конфронтационным, монологичным характером. Прошлое здесь становится инструментом борьбы.

А. И. Миллер выделяет следующие группы методов манипулирования историей:

1. Создание специализированных социальных институтов и финансирование проектов, культивирующих определенный взгляд на факты истории;
2. Вмешательство политических сил в функционирование СМИ;
3. Манипуляция архивными источниками;

4. Разработка мер, контролирующей научную исследовательскую деятельность в области истории, а также контроль за содержанием учебных программ;

5. Законодательная деятельность, в частности, принятие мемориальных законов, закрепляющих ту или иную трактовку прошлого [10, с. 201].

Таким образом, можно выделить ряд концептуальных положений. Во-первых, это избирательный характер исторической памяти – инструментализация прошлого, сознательное ее использование для достижения различных целей: консолидации общества, культивирования патриотических чувств, обновления ценностной и культурной сферы сообщества и т.д. (вместе с этим существует опасность манипуляции, в том числе политической). Во-вторых, это представление о том, что образы прошлого не могут существовать без конкретных форм фиксации (концепция «мест памяти»).

Список использованной литературы:

1. **Горин, И. Н.** Культурно-исторические символы и историческая память / И. Н. Горин, В. В. Менщиков. – *Текст : непосредственный* // Историко-педагогические чтения. – 2007. – № 11. – С. 74–78.
2. **Дмитриева, О. О.** Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке / О. О. Дмитриева. – *Текст : непосредственный* // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 132–137.
3. Историческая политика в XXI веке: сборник статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 646 с. – ISBN 978-5-86793-968-7. – *Текст : непосредственный.*
4. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под редакцией Л. П. Репиной. – Москва : Кругъ, 2006. – 768 с. – ISBN 5–7396–0099–5. – *Текст : непосредственный.*
5. **Леонтьева, О. Б.** Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX - начала XX вв. / О. Б. Леонтьева. – Самара, 2011. – 447 с. – *Текст : непосредственный.*
6. **Малинова, О. Ю.** Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О. Ю. Малинова. – *Текст : непосредственный* // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2017. – № 4. – С. 6–22.
7. **Мегилл, А.** Историческая эпистемология / А. Мегилл. – Москва : Канон+, 2007. – 480 с. – ISBN 975-8-88373-150-0. – *Текст : непосредственный.*
8. **Нора, П.** Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 382 с. – ISBN 5-288-02318-2. – *Текст: непосредственный.*

9. **Репина, Л. П.** Историческая наука на рубеже XX–XXI веков : социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2011. – 560 с. – ISBN 978-5-7396-0203-9. – *Текст : непосредственный.*
10. **Сафронова, Ю. А.** Историческая память: введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с. – ISBN 978-5-94380-272-0. – *Текст: непосредственный.*

РЫБАКОВ А.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СССР В 1920Е-1930Е ГОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Формирование национальных или общегосударственных культурно-нравственных ориентиров происходит в тесной взаимосвязи с внутренними и внешними факторами общества. Зачастую власть сама создаёт вектор развития приоритетов массового сознания и определяет отношение народа к тем или иным фактам социальной действительности.

История России показательна тем, что каждый последующий правитель в её новой истории создавал некий «разрыв» со своим предшественником, определяя иное восприятие истории и личностей в ней. Это хорошо заметно на примере смены генсеков и президентов

Неизменным, даже при поэтапном взаимозамещении идеологических курсов, оставалось культивирование идеи братства народов, образующих единое государство. Несмотря на это, национальная политика в России в разные эпохи отличалась по ряду элементов. Это можно проследить на примере её трансформации при создании молодого советского государства в 20е – 30е годы XX века, ставшей настоящим вызовом для обособившейся от мира большевистской структуры.

Следует отметить, что косвенно лидерами научного сообщества в СССР в 1920е – 1930е годы стали его вожди, труды которых становились основой для рамок исследований узкоспециализированных деятелей науки. Так, научные воззрения В.И. Ленина [2, с.113-150], И.В. Сталина [1, с.15-19] и Л.Д. Троцкого [3, с.208-209] (позже попавшего в опалу) были возведены в ранг безальтернативных истин, которые в последующих научных изысканиях требовалось поддерживать и находить им подтверждение. Базой для новой научной концепции стало равенство наций и помощь ранее угнетенным народам (что послужило предпосылкой для дальнейшей коренизации).

В 1920е-1930е годы интересными предстают исследования в сфере национальной политики, катализатором которых послужила межпартийная борьба за власть. Так, троцкист В.А. Ваганян осуждал работу с национальными меньшинствами, считая это проявлением культуры буржуазии [4, с.51].

Отсутствие патриотизма и чувства сопричастности у пролетарского класса народов СССР отмечает М. Вальфсон, считая данные чувства придатком буржуазного самосознания и, следовательно, чуждого и противного большевизму [5, с.355].

Интересным представляется поиск новых средств межнациональной коммуникации, выработки единого канала связи по типу языка Эсперанто. К апологетам данного течения относят Н. Литвиненко[6], Артюшкина-Кормильцына [7, с.15-16], А.Р. Иодко[8].

К середине 1930х годов происходит осознание необходимости усиления национальной политики и унификации народонаселения для создания новой идентичности - «советского человека». Главенствующую роль вновь начинает занимать русский народ, как старший брат, объединивший остальные этносы страны. Одним из рупоров новой идентичности выступил Н.И. Бухарин, провозглашавший в своих трудах новый этап в истории бесклассового общества [9, с.5].

1940е годы были ознаменованы тяжелейшими потрясениями, связанными с Великой Отечественной войной и восстановлением из руин страны. Изучение событий двадцати-тридцатилетней давности обрело новую силу после смерти Сталина и смены курса при Н.С. Хрущёве.

Федерализм – как явление, оказавшее глобальнейшее влияние на судьбу всего советского и постсоветского пространств, рассматривал И.П. Цамерян [10, с.11].

Постепенно формируются сильные точки роста местных научных кругов в национальных автономиях. М.К. Мухарямов делал явный акцент на контрреволюционной истории Татарстана и национальной политике в регионе в первые годы советской власти в целом [11, с.1]. Более сильный акцент на формирование кабардинской нации в советских реалиях, нежели на административно-территориальное развитие делает Х.М. Бербеков [12, с. 201].

При Брежневе происходит усиление изучения национальных автономий в годы становления социализма в России. Из авторов можно отметить А.И. Алиева [13, с.13], П.П. Бачинского [14, с.1], Д.Б. Гулиева [15, с.10], В.А. Демидова [16, с.44], В.М. Кузьмину [17].

Более открытыми становятся исследования в эпоху «перестройки» и политики «гласности», начатые М.С. Горбачёвым. О.И. Чистяков уделяет внимание национальному элементу в военных действиях гражданской войны, отдавая идеологическую составляющую [19].

Ещё сдержанно, но более прогрессивно рассматривает большевистскую догматику национальной политики после гражданской войны Р.Ю. Беляков.

Значимое место в исследовании уделяется пересечению национально-политической и экономической сфер [18].

Административные вопросы национальной политики поднимает Т.О. Ожукеева [21].

Разрушение СССР привело к дестабилизации идеологических основ и появлению демократии и свободы, в том числе и в науке.

Проблему русского человека в интернациональной социалистической державе поднимает А.И. Вдовин [20]. Следует отметить роль автора и в наши дни по написанию национальной истории русского народа в XX веке.

Е.И. Пескиной рассматривается деятельность народного комиссариата по делам национальностей [22].

Деятельность Сталина, как одного из демиургов советского государства, а также его деятельность по вопросам национальностей исследует В.Г. Чеботаева [23].

Региональные особенности национальной политики отражены в работе Е.Ю. Борисенок, посвященной Украине и поддержке местной национальной культуры в первые годы советской власти.

Примечания:

1. Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Т. 5. / Политиздат. М., 1947. – С.454.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24 / Госполитиздат. М., 1958-1965. – С.566.
3. Троцкий Л.Д. Империализм и национальная идея. Соч. Т. 9. М.-Л., 1927. – С.442.
4. Ваганян В.А. О национальной культуре. М., 1927. - С.192.
5. Вольфсон М. Патриотизм // МСЭ. М., 1931. Т. 6. - С.355.
6. Литвиненко Н. Эсперанто. Со вступительной заметкой М. Горького. Чебоксары, 1923
7. Артюшкин-Кормшшцын. Международный язык революционного пролетариата Эсперанто. Пг., 1919. С. 15, 16
8. Иодко А.Р. Рабочий класс и международный язык. М., 1925
9. Бухарин Н. Некоторые итоги революционного года и наши враги // Известия. 1935. 7 нояб. С. 5.
- 10.Цамерян И.П. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – С.334.
- 11.Мухарямов М.К. Первые шаги в решении национального вопроса в Татарии после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Известия Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, вып. 2, Казань: Таткнигоиздат, 1957.
- 12.Бербеков Х.М. Образование и развитие кабардинской социалистической нации - Нальчик : Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1958. – С.323.

- 13.Алиев А.И. На путях к социализму: Осуществление Ком. партией ленинской нац. политики в Дагестане. (1920-1925 гг.). - Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1974. – С.171.
- 14.Бачинский П.П. Борьба КП(б) Украины по осуществлению ленинской национальной политики в 1921-1925гг.: Дисс. . докт. ист. наук: 07.00.02 /Одесск. гос. ун-т. Одесса, 1971.
- 15.Гулиев Д.Б. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане - Баку : Азерб. гос. изд-во, 1970. – С.705.
- 16.Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири, 1917-1923 гг. - Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – С.367.
- 17.Кузьмина В.М. Участие туркменского народа в создании и укреплении Вооруженных Сил Советского Союза (1917-1928 гг.) - Ашхабад : [б. и.], 1969.
- 18.Беляков Р.Ю. Идеологическая борьба по национальному вопросу в период восстановления народного хозяйства (1921-1925гг.) (по материалам ТАССР): Дисс. . канд. ист. наук: 07.00.02./Казанский гос. ун.-т. Казань, 1988.
- 19.Чистяков О.И. Национальное государство в СССР в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1987.
- 20.Вдовин А.И. Национальная политика большевиков и проблемы самоопределения русского народа. // Русский народ: историческая судьба в XX в. М., 1993
- 21.Ожукеева Т. О. Роль РСФСР в выравнивании уровней развития советских республик. Фрунзе, 1989.
- 22.Песикина Е.И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917-1918 гг. М., 1950. Политическая энциклопедия. М., 1999.
- 23.Чеботарева В. Г. И. В. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С.14.
- 24.Борисенок Е. Ю. Феномен советской украинизации 1920—1930-е годы. М., 2006.

ТАРАСОВА А.А., МЕЛЬНИКОВА Е.О.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ИЗМЕНЕНИЕ СМЫСЛОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

Современная социокультурная ситуация мотивирует человека к осмыслению тех проблем и вопросов, которым ранее не уделялось должного внимания. Экологические, демографические проблемы, вопросы войны и мира, процессы, связанные с глобализацией. Данные проблемы существовали как в прошлые эпохи, так являются актуальными и в настоящее время. Тем не менее, в

условиях постмодерна они транслируются по-новому, меняя свое первоначальное значение. Так, проблема видоизменения и трансформации традиционной культуры в современных условиях для философии крайне важна и актуальна.

Под традиционной культурой принято понимать особый способ организации жизнедеятельности, основанный на наследовании господствующих ценностей, смыслов и норм. Традиционная культура включает не только народное искусство, но и всю систему доминирующих в социуме на протяжении длительного времени идей. Отличительными чертами традиционной культуры являются частая воспроизводимость и стабильность в течение продолжительного времени [4]. Трансформация традиционной культуры в рамках ситуации постмодерна – сложна и специфична.

Современное состояние культуры неоднозначно: к нему применяют такие понятия, как «массовая», «информационная», «постиндустриальная» культура. Предпосылки становления нового типа культуры можно обнаружить уже на рубеже XIX-XX веков. Авангардные направления в искусстве отвергали традицию и активно искали новые пути развития и формы выражения, что привело к отказу от опоры на классические ценности.

Состояние постмодернизма стало естественным продолжением смены парадигм в социокультурной сфере. Постмодернизм отличают такие понятия, как многообразие идей, плюрализм в политике, социальных отношениях и образе жизни, что стало следствием возникшей проблемы противоречивости и отсутствия определенности.

В постмодернизме на первый план выходит «текст», под которым понимается все многообразие культуры. Важное место получает его интерпретация. Так, человек освобождается от понимания «текста» в одном, единственно верном варианте. Происходит постоянное производство новых смыслов, один и тот же объект многократно рассматривается с разных точек зрения. Главным в процессе интерпретации становится читатель, его восприятие, видение реальности, исходя из которого он оценивает предмет. Человек освобождается от необходимости подведения неких итогов и выводов. Всегда есть место для переоценки. Раз за разом «текст» подвергается новому толкованию, новой интерпретации: нет установки на достижение конкретного, конечного знания. Вещь рассматривается не как нечто завершенное, а как процесс, каждый раз приобретающий новое значение. Таким образом, для постмодернизма характерна «пульсация значений»: человек находится в постоянном поиске новых смыслов.

В новых условиях традиция, имеющая сложную структуру, меняет свое первоначальное значение: осуществляются попытки переосмыслить гармоничное, но уже неактуальное. Трансляцию норм традиционной культуры постмодернизм осуществляет средствами особых инструментов и методов. Одним из них является пастиш. Он представляет собой вторичное произведение

искусства, имитирующее стиль и особенности уже существующего произведения.

Пастиш предоставляет художнику возможность свободно выразить мнение о созданных ранее работах, дать интерпретацию в соответствии с ценностями эпохи и индивидуальным мировоззрением автора. Через пастиш можно выразить как ироничное, так и уважительное, почтительное отношение к произведениям искусства.

В качестве примера использования данного инструмента может быть приведен рассказ Н. Геймана «Снег, зеркало, яблоко» [1]. Автор произведения пересказывает знакомый сюжет сказки братьев Grimm «Белоснежка». Отличие заключается в том, что в рассказе Н. Геймана история повествуется от лица Злой Королевы. Стиль произведения создает мрачную атмосферу, напоминающую жанр ужасов. В переосмысленном произведении единственным положительным героем оказывается сама Королева. Таким образом, первоначальная идея и смысл сюжета меняются: из доброй сказки со счастливым концом история превращается в рассказ об отчаянии и тщетности попыток победить зло.

Другим примером использования в искусстве постмодерна уже известного сюжета является произведение В. Пьецуха «Наш человек в футляре» [3]. «Человеком в футляре» называют тех, кто боится любого рода новшеств. Выражение принадлежит русскому писателю, А. П. Чеховым, и было введено им в одноименном рассказе. Именно к этому произведению В. Пьецух обращает внимание читателей. Главные герои рассказов, Беликов и Серпеев, имеют как общие, так и отличные черты. Они оба учителя, которые трепетно относятся к преподаваемым ими дисциплинам. Герои одиноки и стараются отгородиться от внешнего мира. Но читатель встречается с различием: Беликову важно, чтобы у каждой вещи было свое место, свой футляр; Серпеев же выстраивает цельную стену между собой и реальным миром. Оба получают шанс на любовь: Беликов поддается чувствам и открывает сердце, но становится жертвой случайности и не выдерживает позора; Серпеев боится всего, даже своих чувств. Оба героя погибают, но Беликов был «вредной аномалией», человеком, которого все ненавидят и с удовольствием провожают в последний путь, а Серпеев смог разжалобить своих знакомых. Он стал жертвой собственных страхов, от которых и умер. Именно на этом различии акцентирует внимание читателей В. Пьецух. Автор отмечает, что даже спустя время, после научно-технического прогресса и значительного изменения образа жизни, тип «человека в футляре» по-прежнему актуален. Отличие состоит лишь в том, что в наше время люди знают, чего они на самом деле боятся.

Новым приемом трансформации существующих смыслов в искусстве постмодернизма становится коллаж. Он также освобождает деятелей искусства от неких рамок: художник может сам выбирать материалы разного характера, стиля, происхождения, комбинируя их и объединяя в единое произведение искусства.

Ярким примером создания коллажа является образ Мона Лизы в интерпретации художников-постмодернистов. Леонардо да Винчи в работе «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо» стремился воплотить образ истинной, несравненной, духовной красоты. На протяжении нескольких столетий этот образ привлекал внимание, демонстрируя загадочный, одухотворенный идеал женщины. В эпоху постмодернизма стали появляться новые варианты трактовки знаменитого полотна эпохи Возрождения. Одну из интерпретаций можно увидеть в работе советского кинорежиссера, сценариста и художника, С. И. Параджанова, «Плачущая Джоконда» [2]. Произведение было создано им в период отбывания тюремного наказания. Для С. И. Параджанова образ Мона Лизы стал символом надежды в трудных жизненных обстоятельствах: несмотря на лишения, автор продолжал работать и создавать новые произведения. Джоконда «плачет» о судьбе художника, становясь для него поддержкой. Таким образом, посредством коллажа осуществляется возможность обнаружения и воплощения смысловой многовариантности одного образа.

В культуре постмодерна осуществляется мирное сосуществование традиционного и нового, архаичного и современного. Понятия и смыслы обретают мозаичный характер. Этот процесс способствует подвижности, обновлению, быстрым трансформациям в социокультурной сфере.

Постмодернизм позволил авторам обрести свободу мысли, интерпретации и понимания; возвысилась роль читателя, который получил право самостоятельно толковать «тексты» культуры. Произведения доказали свою «вечность», подвергаясь многочисленным интерпретациям. Деятели искусства выражают свои идеи с использованием новых методов и приемов, тем самым освобождаясь от привычных границ. Но при этом, вместе со свободой и многовариантностью появилась неопределенность и противоречивость, что становится следствием установления новых рамок, неизвестных ранее.

Список использованной литературы:

1. Гейман, Н. Снег, зеркало, яблоко [Текст] / Н. Гейман. - (<https://www.litmir.me/br/?b=200486&p=1>).
2. Гусева, Е. С. Образ «Моны Лизы» в современных реинтерпретациях картины (к проблеме антиномичности художественного смысла) [Текст] : статья / Е. С. Гусева. - Новосибирск : Вестник Новосибирского Государственного университета. Серия: психология, 2010. - №2. - С. 142-150. - (https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15522391_41393105.pdf).
3. Пьецух, В. Наш человек в футляре [Текст] / В. Пьецух. - (http://rulibs.com/ru_zar/prose_contemporary/petsuh/a/j19.html).
4. Черникова, В. Е. Модификация культурной традиции в условиях постмодерна [Текст]: статья / В. Е. Черникова. - Общество: философия, история, культура, 2018. - №2. - С. 9-12. -

<https://cyberleninka.ru/article/n/modifikatsiya-kulturnoy-traditsii-v-usloviyah-postmoderna>).

ШЕШМЕНЁВА М.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Мировое сообщество на современном этапе развития вступило в кризисную фазу своего развития, вызванную глобальной пандемией COVID-19, обусловленную несостоятельностью национальных систем здравоохранения, несвоевременными мерами реагирования государств на проблемную ситуацию, в совокупности с отсутствием общей координационной политики со стороны международных и региональных организаций, а также внутриэлитными конфликтами межгосударственного характера, способствующие интенсификации и нарастанию негативных последствий распространения инфекционного заболевания на территории всех государств.

Высокая смертность, низкий уровень первичной диагностики, отсутствие необходимых медикаментов и средств индивидуальной защиты, заставили по-новому взглянуть человечество на ценность своей жизни, жизни своих близких и жизни как таковой.

В этой связи, общественное сознание претерпело существенные мировоззренческие изменения, активизирующие процессы трансформации ценностной системы.

Трансформация ценностной системы – это всеобъемлющий процесс социокультурных изменений в сознании отдельного индивида, социальной группы или общества в целом. Из чего можно заключить, что данный процесс отражает динамизм ценностных ориентаций, их непостоянность и подверженность постоянной внутренней эволюции. Однако, стоит отметить, что трансформация ценностной системы не происходит сама по себе – в пространственно-временном вакууме. Она, в свою очередь, эксплицитно детерминирована определёнными метаморфозами в различных сферах жизни человека. [4, с. 12]

Особенно ярко трансформационные изменения происходят в экзистенциальных ситуациях. В следствии чего, уместно обратиться к определению, экзистенциальной ситуации как жизненной обстановке неопределённости, имеющей непосредственное отношение к наиболее важным аспектам деятельности личности, нахождение в которой заставляет человека обратить своё сознание к аксиологическим дилеммам, альтернативным

проблемам выбора, а также принятию верного решения по наиболее сложным вопросам. [3, с. 130]

В подобной трактовке, развитие пандемии на глобальном уровне, можно рассматривать именно как всеобъемлющую экзистенциальную ситуацию, опосредующую трансформацию ценностной системы всего человечества. Подобные экзистенциальные ситуации, латентно фигурирующие в нашей жизни, неминуемо видоизменяют естественное существование актора социальной действительности, а именно представления, идеалы и установки в пределах его идейного сознания.

Динамичное протекание процессов трансформации системы ценностей и общий вектор направленности данного процесса в условиях пандемии COVID-19, можно охарактеризовать возрастанием доминирования витальных ценностных ориентиров.

Обращаясь к рассмотрению витальных ценностей (от латинского «vita» – «жизнь»), стоит акцентировать внимание на приоритетных структурных элементах которые к ним относятся:

- «человеческая жизнь» как философская категория;
- психологическое и физическое здоровье человека;
- семейные и социальные связи;
- личностная безопасность;
- высокий уровень благосостояния общества.

Масштаб и глубина потрясений, переживаемые человеком, оказали сильное воздействие на его социальную психологию, на ментальные установки как показателю изменчивости внешнего мира. Вышеизложенное позволяет говорить о том, что рискогенные факторы, вызванные пандемией COVID-19, несомненно привели к возведению жизненных ценностей на высший иерархический уровень аксиологической системы человека.

Социально-политический дискурс «общества потребления» обрёл свои морально-нравственные рамки, обусловленные тем, что в международной системе кризисного и пост-кризисного периода, нет места потреблению как единственной и определяющей цели существования общества. [5] Там, где имеет место глобальная угроза выживанию происходит пересмотр фундаментальной основы – ценностного базиса, в котором во главу угла ставятся приоритеты сохранения жизни и здоровья каждого человека в независимости от его социального происхождения и материальной состоятельности.

Подобным образом, изменения происходят и на уровне национального сознания, выражающегося в ценностной ревизии государствами своих национальных интересов, и уделению особого внимания приоритетности сохранения человеческого капитала, его качественного развития в долгосрочной перспективе. В этой связи, происходит разработка специализированных государственных программ и национальных проектов, выстраивающих стратегические задачи по формированию всех необходимых условий для развития человека. [1, с. 844]

Трудно не согласиться с тем, что ценности поколения определяются теми событиями крупного масштаба (в основном глобального), которые выпали на период активного формирования личности, и в этом случае пандемия, начавшаяся в конце 2019 г., внесла существенные коррективы в образ мыслей общества XXI века.[6] При этом, можно прогнозировать, что по окончании пандемии и снятии непосредственных коронавирусных ограничений (самоизоляция, ношение средств индивидуальной защиты, запрет на проведение массовых мероприятий, ограничения авиационного и транспортного сообщения, соблюдение социальной дистанции) у большинства населения нашей планеты сохранится, заложенная в этот период, детерминанта витальных ценностей. Аналогичные тенденции в исторической ретроспективе можно наблюдать в отношении пацифистских настроений послевоенного мироустройства, выражающихся в возрастании ценности мира и мирной жизни у поколений, который были активными участниками и свидетелями свершающихся войн. [2, с. 6]

Опыт пандемии COVID-19 заслуживает особого внимания со стороны научного сообщества, помогая нам как исследователям сделать соответствующие выводы о состоянии ценностной системы человека, её динамическом потенциале в экзистенциальных ситуациях, а также об адаптационных свойствах общественного сознания в кризисных обстоятельствах перед лицом глобальных угроз.

Список использованной литературы:

1. Авдеев Е.В., Терновых К.С. Воспроизводство общественного человеческого капитала // Московский экономический журнал. 2020. № 5. С. 844-852.
2. Громыко А.А., Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 4-13.
3. Речкалов А.В., Духновский С.В. Психофизиологические особенности переживания экзистенциальных ситуаций // Вестник Курганского государственного университета. 2004. № 1. С. 130-140.
4. Тепляков Н.Н. Ценности личности и их трансформация // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 12-16.
5. Ценности коронавирусной эпохи // valdaiclub.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsennosti-koronavirusnoy-erokhi/>. Дата обращения: 13.02.2021
6. После пандемии мир изменится // m24.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/14042020/114211>. Дата обращения: 13.02.2021.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абракова Татьяна Александровна

Кандидат исторический наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: tatyana.abrakova@mail.ru

Бабошина Елена Борисовна

Кандидат педагогических наук, магистр философии, доцент кафедры педагогики и методики преподавания гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», Российская Федерация, г.Курган, E-mail: elenaborisbaboshina@mail.ru

Белоус Татьяна Ивановна

Доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: beloustiv@yandex.ru

Берендеев Вадим Анатольевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории, ФГАОУ ВО Национальный Исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород Российская Федерация, E-mail: weiss-tiger@yandex.ru

Варакин Сергей Александрович

Кандидат исторический наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: legenda-ork@inbox.ru

Владимиров Александр Анатольевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», г.Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: lyapina.nat@yandex.ru

Гимкаева Альбина Динаровна

Ведущий специалист Международного отдела, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, E-mail: albina.gimkaeva@mail.ru

Гордин Алексей Александрович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: alexei.gordin@yandex.ru

Гордина Елена Дмитриевна

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Методология, история и философия наук», Нижегородский государственный технический университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: alexei.gordin@yandex.ru

Димитричева Ольга Ивановна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и ТСК, старший научный сотрудник, Нижегородский государственный лингвистический университет им.Н.А.Добролюбова, Россия, г. Нижний Новгород, E-mail: Dimitr-olga@yandex.ru

Дуплинская Юлия Михайловна

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», Российская Федерация, г. Саратов, E-mail: duplinskayay@mail.ru

Елхова Оксана Игоревна

Доктор философских наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО Башкирского государственного университета, г. Уфа, Российская Федерация, E-mail: philozof@mail.ru

Ермолович Дмитрий Валентинович

Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента, ЧУО «Институт современных знаний им. А.М. Широкова», Республика Беларусь, г. Минск, E-mail: ermolovichdv@gmail.com

Ефимова Светлана Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: Volinova@list.ru

Заладина Марина Владимировна

Старший преподаватель, кафедра методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: marina.zaladina@yandex.ru

Зеленов Лев Александрович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: lyapina.nat@yandex.ru

Зинина Снежана Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: snejanazinina@mail.ru

Зубкевич Лада Альбертовна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел, Российской Федерации, г. Нижний Новгород, E-mail: lada-zubk@rambler.ru

Каримов Артур Равилевич

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальной философии, Казанского федерального университета, 420008, г. Казань, профессор Лаборатории гуманитарных наук Университета Иннополис, г. Иннополис, Российская Федерация, E-mail: anthropology.ksu@mail.ru

Козлова Вероника Романовна

Студентка, кафедра культурологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: kozlovaveronika01@gmail.com

Колесников Егор Владимирович

Бакалавр, специалист по координации работы с обучающимися отдела поддержки иностранных студентов, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: kev@unn.ru

Коптелова Татьяна Ивановна

Кандидат философских наук, доцент, кафедра истории, философии и социологии, ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия», Российская Федерация, г. Нижний Новгород, E-mail: koptelova2210@rambler.ru

Кочетков Игорь Иванович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация E-mail: alexei.gordin@yandex.ru

Кудряшев Александр Федорович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО Башкирского государственного университета, г. Уфа, Российская Федерация, E-mail: philozof@mail.ru

Лапшина Валентина Семёновна

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: lapshina_valentina@inbox.ru

Мельникова Екатерина Олеговна

Студентка, кафедра культурологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: melnikovakata17@gmail.com

Першин Никита Иванович

Студент, кафедра культурологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: nik.127.2000@bk.ru

Петев Николай Иванович

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет «имени А. Г. и Н. Г. Столетовых», Российская Федерация, г. Владимир, E-mail: cyanideemo@mail.ru

Петров Вадим Петрович

Доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: vadpetrov54@gmail.com

Пиляк Сергей Александрович

Кандидат архитектуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей «Смоленская крепость», Российская Федерация, г. Смоленск, E-mail: s.pilyak@mail.ru

Прохоров Михаил Михайлович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: mmpro@mail.ru

Рыбаков Артём Андреевич

Аспирант, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: uren.rybackov@yandex.ru

Тарасова Анастасия Андреевна

Студентка, кафедра культурологии, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: Stasi-2000@yandex.ru

Фатенков Алексей Николаевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Хозерова Татьяна Петровна

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: f-magdalena@rambler.ru

Чеботарёва Светлана Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: svcheb@mail.ru

Шамин Игорь Валерьевич

Доктор политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права, Институт международных отношений и мировой истории, ФГАОУ ВО Национальный Исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, E-mail: shamin_64@mail.ru

Шешменёва Мария Васильевна

Магистрант, кафедра прикладного политического анализа и моделирования, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: sheshmenyova@mail.ru

Ширшин Геннадий Алексеевич

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, E-mail: shirgai@yandex.ru

Научное издание

«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:
БОРЬБА СТАРОГО И НОВОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ»

Сборник статей
по материалам XVI Международной научной конференции
19 марта 2021 г.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская,65
<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru